

Святитель МАКАРИЙ, митрополит Московский и всея Руси, и его литературная деятельность

Само название настоящего исследования предполагает в нем две части: первую, представляющую раскрытие церковно-государственной деятельности митрополита Макария, и вторую, характеризующую его литературную деятельность. Но так как первая часть нашла для себя более подробное исследование в лице Лебедева и Заусцинского¹, то мы коснулись ее в самых общих чертах в начальном обзоре всей вообще деятельности митрополита Макария, где эту деятельность мы поставили в связь с древнерусскими общественными воззрениями XVI в. В настоящем исследовании особое внимание обращено на изучение литературной деятельности митрополита Макария. Эта самая существенная задача, которая осуществляется в соответствии с тремя особыми проявлениями указанной деятельности митрополита Макария: а) изучение оригинальных письменных произведений митрополита Макария, б) изучение составленного им сборника Великих Четих Миней и в) изучение целого отдела житий русских святых, возникших в XVI в. под непосредственным или косвенным влиянием митрополита Макария. Раскрытию этих частных задач в настоящем исследовании посвящены три особые, самостоятельные главы, из которых больше всего внимания было уделено той, в которой нам приходилось говорить о малоисследованном Макариевском сборнике — Великих Четих Минеях. Основными вопросами, поставленными при изучении этого замечательного памятника древнерусской письменности, были вопросы: во-первых, о внутреннем составе его содержания в связи с вопросом о тех источниках, из которых митрополит Макарий почерпал книжный материал для своего сборника, а во-вторых, о степени научно-критического начала при составлении Четих Миней. Главными источниками при решении этих вопросов служили: неоконченное «Описание Великих Миней Четих Макария, митрополита Всероссийского», составленное А. В. Горским и К. И. Невоструевым², «Подробное оглавление» тех же Миней, составленное архимандритом Иосифом³; пять выпусков Четих Миней, изданных Археографической комиссией, и несколько описаний различных рукописей, хранящихся в наших русских библиотеках.

ГЛАВА 1. Общая характеристика деятельности Всероссийского митрополита Макария в связи с рассмотрением древнерусских воззрений в XVI веке.

Святитель Макарий (1482–1563), сначала архиепископ Новгородский, а потом митрополит Всероссийский, был типичным представителем своей эпохи. Вся деятельность этого крупнейшего представителя русских воззрений в период XVI в. определялась той господствующей идеей, которая руководила жизнью древнерусских людей этого времени. Это идея Русской Церкви как единственной хранительницы Православия во всем мире, в связи с которой стоит идея православного царя как «единого под небесем христианского царя во всей вселенной»⁴.

Митрополит Макарий, живя в той же атмосфере, в которой была создана национальная теория Москвы как «третьего Рима», сам принял эту теорию и, мало того, провел ее в жизнь русского общества своими церковно-административными начинаниями, а также своей литературной деятельностью. То национальное русское самосознание, которое в политической сфере руководило стремлением московских государей объединить в своем княжестве всю удельную Русь, побудило митрополита Макария, этого представителя московской иерархии в XVI в., к составлению Великих Четиих Миней, которые должны были собрать весь существовавший состав русской письменности с древнейших времен. Это же самосознание заставило его созвать знаменитые Соборы 1547 и 1549 гг., на которых была произведена беспрецедентная в нашей русской истории канонизация русских святых и которые, по выражению В. О. Ключевского, представляют собой попытку централизации в области русских церковно-исторических воспоминаний, подобно тому как Минеи представляют такую же попытку в области древнерусской письменности⁵. В этих предприятиях ближайшим образом выразился весь характер митрополита Макария как администратора и как литературного деятеля; но ими не исчерпываются все стороны его деятельности. С именем этого знаменитого иерарха связывается история Стоглавого Собора, на котором была произведена попытка исправить положение Церкви во всех отношениях; с этим же именем связывается также происхождение таких памятников XVI в., как Кормчая и Степенная книги. Наконец, митрополит Макарий пробовал свои силы и на поприще оригинальной литературной деятельности; плодом этой деятельности служат дошедшие до нас его речи, поучения и послания. Но, замечательно, как, по-видимому, ни разносторонни труды митрополита Макария, как ни разнятся они между собою, все они имеют непосредственное отношение к господствующим церковным воззрениям того времени, определяются принципом высокого значения Русской земли – хранительницы Православия и прямым образом служат этому принципу.

Но чтобы лучше понять и оценить личность митрополита Макария, нам кажется необходимым изложить здесь, хотя бы в самых общих чертах, условия происхождения тех воззрений, выразителем которых он явился.

Убеждение древнерусского общества XVI в. в своем высшем политическом и церковном значении, то убеждение, которое было основным мотивом для всех предприятий митрополита Макария, начало слагаться как особый национальный принцип исторической жизни русского народа гораздо раньше; оно корнями своими нисходит еще ко времени борьбы против татар, которая сыграла очень важную роль в выработке народного русского мировоззрения.

В то время как политически свободный Запад твердыми шагами подвигался вперед по пути науки и прогресса, Русь с XVIII в. и до конца XV в. несла на своих плечах тяжелое бремя татарского ига. Постоянная борьба с иноземным и вместе ино-

верческим племенем, естественно, должна была развивать в русском человеке племенное и религиозное сознание. Да это и не могло быть иначе. Находясь в течение почти трех веков под владычеством татар, русский народ противостоял «поганым и безбожным бесерменам» не только в племенном, но и в религиозном отношении, осознавал себя как именно защитника христианства от этих неправоверных врагов, видел в борьбе с ними в некотором роде свое призвание. Наконец, исторические обстоятельства изменились. В конце XV в. тяжелый акт борьбы с татарами был закончен; вновь образовавшееся Московское государство окончательно сломило их владычество над Русью, но вместе с этим приобрело себе главенство на Руси. Собирательная политика московских государей, которая обнаруживалась и раньше свержения татарского ига, в этом последнем факте нашла для себя весьма важное подспорье. То национальное знамя, которое было поднято Москвой и освящало собирательную политику московских князей, благодаря борьбе их с татарами очутилось в руках этих князей. Москва теперь стала на виду у всех удельных княжеств как освободительница Руси от трехвекового ига татар. Ее возвышение незаметно росло более и более, и вот в результате исчезла независимость отдельных севернорусских земель и княжеств, и на месте ряда самостоятельных политических единиц сложилось и выросло единое Московское государство. Такое радикальное изменение в положении Москвы, превращение ее из удельного княжества в русское национальное государство вместе с падением татарского ига должно было задать немалую работу для русской народной мысли, еще задолго до окончательного падения татарского владычества начавшей развиваться в направлении национально-религиозной исключительности. С одной стороны, Русь, объединенная под сильной рукой московских государей, под влиянием совершившихся исторических обстоятельств должна была почувствовать себя могучей и несокрушимой политической единицей; с другой стороны, неразрывно с этим ярко вырисовывается в сознании древнерусских людей идеал величия православного Московского государства. Этот идеал вполне определенно высказывался лучшими русскими людьми еще до окончательного свержения татарского ига. Ростовский архиепископ Вассиан († 1481) в своем «Послании на Угру» к великому князю Московскому, называя великого князя «во благочестии всея вселенная в конци воссиявшим», «во царех пресветлейшим, преславным государем»⁶, с негодованием отвергает самую мысль о каком-либо дальнейшем подчинении Московского царства хану. Сознание политического могущества, а также величия Православия и силы благодати Божией, почивающих на Московском царстве, заставляет архиепископа произнести следующие патетические слова: «Который убо пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверненому самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русьских стран христианскому царю»⁷. Когда же татарское иго было фактически свергнуто русскими, то, понятно, горделивое сознание победы над «безбожными и нечестивыми» татарами тем более должно было вызвать в них представление о той непосредственной связи, которая существует между хранением православной веры и политическим могуществом. Чистое Православие «верных» влечет политические успехи и процветание народа, а эти успехи, в свою очередь, служат мерилем чистоты и неповрежденности его веры — так думали древнерусские люди; «внесе Бог десницу великаго князя Дмитрия Ивановича на победу иноплеменник», — замечает летописец еще в сказании о побоище на Дону с Мамаем⁸. Сама победа эта трактуется в летописях как чудесная помощь Божия «верным». Этим сознанием величия Православия на Руси проникнуты все древнерусские произведения, касающиеся борьбы с «безбожными» татарами.

Одновременно с тем, как Москва становилась русским центром и приготавлиала для Руси новый государственный строй, на западном конце Русской земли, как известно, у нее явилась сильная соперница -- Литва, которая покушалась на самостоятельность Руси. Последствием борьбы с этим инославным государством было то, что русские люди перенесли и на своих новых противников те же взгляды, какие они выработали в борьбе с мусульманами. Польские и литовские католики в устах москвичей награждаются тем же эпитетом «поганых», как и татарские мусульмане; «поганое латынство» в сознании древнерусского человека является не менее опасным врагом Православия, чем «безбожное» магометанство. Развитие народного мировоззрения, таким образом, продолжало идти в том же направлении национально-религиозной исключительности под влиянием отношений даже к христианским народам.

Но вера русских людей в свое избранничество от Бога из среды всех других народов достигла своего апогея после падения Византии на Востоке, которому предшествовало ее уклонение в унию.

В то время как политическое значение Москвы возвышалось все более и более в связи с развитием национально-религиозного сознания московских людей, Византия постепенно ослабевала под натиском турок и делала последние тщетные усилия сохранить свою самостоятельность. В видах политического самосохранения она забыла вероисповедную разницу между греками и западными народами и обратилась к последним за помощью, а чтобы более упрочить возможность и действительность этой помощи, она решилась на унию с католиками. В подчиненной Константинополю в церковном отношении Москве взглянули на эту унию как на измену Православию и этой измене готовы были приписать и само падение Византийской империи. Успевшая воспитать в себе ожесточенную вражду к латынству, счастливая в своих политических предприятиях Москва оказалась непримиримее своей руководительницы в делах религии и выказала явное неповиновение Вселенской патриархии. Великий князь Московский и всяя Руси не принял унии, привезенной в Москву митрополитом Исидором; последний был свергнут и посажен под стражу, а на его место был выбран Собором русских пастырей новый митрополит без сношения с Константинополем. Но насколько Флорентийская униа унизила в глазах русских людей авторитет их учительницы -- Византии, настолько она возвысила перед ними их собственное Отечество; она воспитала среди москвичей убеждение, что Православие в чистом своем виде сохранилось только на Руси, которая теперь одна должна принять на себя высокую миссию защиты и охраны Православия...

Наконец, Константинополь подпал под власть турок в 1453 году. Это историческое обстоятельство было наиболее сильным из тех условий, при которых вырабатывалось московское мировоззрение. После падения Константинополя на Московское государство уже окончательно была перенесена та идея представительства православного христианства, которая прежде была достоянием Византийской империи. Эта идея нашла себе живое отражение в известной теории Москва -- третий Рим, а четвертому не бывать, в новгородских сказаниях о белом клобуке, о Тихвинской иконе Божией Матери, Спасовой иконе и т. п.

Высокая историческая миссия русского народа была ясно сознаваема как представителями государства, так и представителями Церкви. Поэтому церковная и государственная жизнь носят на себе глубокие следы этого сознания.

Что касается государственной сферы жизни, то под сильным влиянием идеи Москвы как «третьего» Рима 16 января 1547 года Великий князь Московский и всяя Руси Иоанн Грозный торжественно венчался на царство и официально принял на себя титул царя. Этот титул, издревле принадлежавший Риму и Византии,

на Руси же ставший известным еще в царствование Иоанна III⁹ и Василия Ивановича¹⁰, должен был наглядно указывать на тесную связь московского престола с римским и византийским престолами, на непосредственную преемственность московскими князьями тех знаков величия и славы, которые издавна составляли достояние управителей «первого» и «второго» Рима. С тех пор, как безбожные агаряне секирами и оскордами рассекли двери Константинова града¹¹, византийские императоры потеряли свое прежнее значение могущественных представителей христианства на Востоке. Их величие и власть были попорчены сильным натиском мусульман. К кому же должен был перейти почетный титул «царя», утерянный византийскими императорами, а вместе с ним и утерянное высокое значение в христианском мире, как не к Великому князю Московскому? Он один во всей поднебесной христианам царь, один — «браздодержатель святых Божиих престол»¹², управитель третьего и уже последнего Рима. Следовательно, он один теперь вправе обладать всеми регалиями царского достоинства, некогда принадлежавшими Риму, а после него Византии. И действительно, московские государи были твердо убеждены в том, что они непосредственные исторические преемники римских и византийских императоров. Законность этого преемства была защищаема особыми, существовавшими на этот счет сказаниями древнерусского происхождения, на почве генеалогических отношений и исторических связей, отыскивающими основания для перенесения римской и византийской власти в Москву. Из «Сказания о великих князях Владимирских», которое дословно воспроизводится в «Послании о Мономаховом венце» некоего Спиридона-Саввы, современника великого князя Василия Ивановича, написанном не позже 1523 года, и многих других произведений подобного же цикла¹³ мы узнаем, что предок московских князей — Владимир Мономах был коронован византийским императорским венцом, получив при этом вместе с титулом царя и прочие греческие царские регалии; из тех же источников мы узнаем, что наши князья приходятся сродни самому основателю Римской империи — Августу как потомки Пруса, брата Августа¹⁴. В XVI в., особенно в царствование Иоанна Грозного, генеалогия московских князей, ведущая свое начало с римских императоров, считается уже вне сомнений и смело заявляется при дипломатических сношениях. «Мы от Августа кесаря родством ведемся»¹⁵, — пишет Иоанн Грозный шведскому королю. «Мы от государства господари, начавши от Августа кесаря изначала веков, и всем людям это известно», — заявляет он лично литовскому послу Гарабурде¹⁶. Родовая связь московских князей с римскими цезарями является общепризнанной истиной и для их подданных. «Не бо точию от Рюрика начало имяху... но от самого Августа, цезаря Римского и обладателя вселенною», — читаем мы во «Временнике дьяка Ивана Тимофеева»¹⁷. В царствование Иоанна Грозного не менее ясно сознавались также исторические связи московской великокняжеской власти с византийской. Когда перед венчанием на царство Иоанна Васильевича Грозного составляли подробный «чин» обрядовых церемоний, то составители не забыли при этом вспомнить, что тот животворящий крест, который по чину должен быть возложен на выю великого князя, «прислал Греческий царь Константин Мономах на поставление к великим князем Русским, с бармами и с шапкою, с Неофитом Ефесским митрополитом и с прочими посланники»¹⁸. Историю появления царских регалий на Руси не позабыл вспомнить Иоанн Грозный и в своем духовном завещании: «Сына своего Ивана благословляю царством Русским, — говорит он, — шапкою Мономаховскою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда»¹⁹. Мало того, московские кня-

зья верили в свое родство с византийскими императорами так же, как и с римскими кесарями. Мысль об этом родстве была подсказана московским князьям самим константинопольским духовенством в лице патриарха Иосифа, который в своей утвердительной грамоте (1561) на венчание Иоанна Васильевича Грозного ведет происхождение русского царя от греческой династии по женской линии, именно — от греческой царицы Анны, супруги святого князя Владимира²⁰. Как бы наглядным подтверждением крепких исторических и даже родовых связей московских князей с греческими императорами служили те византийско-императорские обычаи и порядки, которые еще с царствования Иоанна III († 1505) начали вводиться при московском дворе²¹.

Таковы были задачи и стремления московского правительства первой половины XVII в. как результат того духовного великого наследия, которое передано ему из Рима и Византии. Эти задачи и стремления были направлены к тому, чтобы в возможно большей мере возвысить перед глазами всего мира религиозное и политическое значение московской единодержавной власти, окружить московский престол небывалым ореолом величия и славы.

Но мы имели бы слишком неправильное представление о древнерусском обществе рассматриваемой нами эпохи конца XV—XVI в., если бы служение возвышенным теоретическим воззрениям на значение государственной власти приписывали только самим московским представителям этой власти. В этом случае мы позабыли бы воздать справедливую дань уважения русскому православному духовенству за его ревностные труды в пользу интересов московских великих князей, за его заботы о развитии идеи высшего священного значения русского государя как верховного охранителя заветов Православия во всем мире. Эта идея нашла для себя сильную защиту в движении русского духовенства, названном по имени своего представителя иосифлянским, в противоположность другому церковному течению, во главе которого стояли заволжские старцы, придерживавшемуся отрицательных взглядов на высокое положение Московского государя. Воззрениями этих двух направлений определяются отношения к Московскому престолу всех более или менее известных иерархов рассматриваемой нами эпохи. Знаменитый иерарх Русской Церкви XVI в. митрополит Макарий происходил из школы иосифлян, поэтому священное значение и права московской государственной власти, ее центральное положение в мире провозглашается Макарием совершенно в духе иосифовского принципа. Эти возвышенные понятия митрополита Макария о верховной государственной власти непременно должны быть отмечены тем, кто хочет вполне понять эту замечательную историческую личность, потому что под непосредственным влиянием этих понятий сложилась большая часть его деятельности. Сознание высокого и священного положения великого князя Московского наложило весьма яркую печать на все оригинальные литературные произведения (речи, послания, поучения) митрополита Макария и даже, можно сказать, вызвало их появление. Этим сознанием проникнута вся Степенная книга, составленная при митрополите Макарии и, как говорят, испытывавшая на себе некоторую долю его влияния, книга, доказывающая, что русский царствующий дом и русская история сияют блеском и славой и имеют на себе особое Божие покровительство. Наконец, это же сознание, как показывает история, руководило и непосредственными отношениями митрополита к великому князю Василию Иоанновичу, к царю Иоанну Васильевичу Грозному и к его различным политическим предприятиям.

Но служение высоким политическим задачам московских государей — идее московского единодержавия выразилось не только непосредственным образом в толь-

ко что указанных родах деятельности митрополита Макария; к этому же служению косвенным образом было направлено все, что было сделано этим иерархом.

Московские великие князья не только теоретически сознавали важность и силу своей власти, но к XV в. и особенно к XVI в. в достаточной степени успели сделать практическое приложение этой власти: уничтожение прежнего удельного склада русского общества и возникновение на развалинах старого строя нового Московского государства, основанного на началах единойдержавного управления. За внешним земельным объединением у московских правителей следовало сознание необходимости другого, нравственного объединения, без которого первое не могло быть прочным. Это сознание находило для себя серьезные препятствия в самом характере древнерусского удельного строя жизни. Дело в том, что разрозненность уделов, обуславливаясь чисто политическими причинами, взаимною враждою этих уделов из-за различных властных притязаний, еще более усиливалась вследствие существовавшей в них разницы местных воззрений, обычаев, литературы, богослужебной практики, доходившей до того, что в различных уделах почитались различные святые Русской Церкви, и т. п. Все московские деятели в пользу политического объединения уделов, без сомнения, ясно представляли себе значение в удельной жизни всех этих местных особенностей. Поэтому с уничтожением уделов для них важно было также уничтожить и все то, что носило на себе следы местной индивидуальной особенности как залога удельного строя, а с другой стороны, при объединении разрозненных русских княжеств в одно политическое целое им казалось необходимым сделать общим достоянием всей объединенной Руси и те религиозно-нравственные средства, которые доселе принадлежали отдельным церковным регионам. Высокая честь выполнения этой задачи выпала на долю митрополита Макария, который, по выражению одного исследователя, «в параллель князьям – собирателям Руси может быть назван «собирателем Церкви» – ее нравственных сил и средств...»²²

В области литературы целям собирания местных священных преданий послужили в XVI в. Макарьевские Четии Миние, соединившие в себе почти всю сумму учительных богатств, рассеянных по всем местам Руси. Двенадцатитомный экземпляр позднейшей, самой полной московской редакции этого сборника был положен митрополитом Макарием в Москве, в Успенском соборе как учительном центре для всей Русской земли. В церковной жизни этой же идее централизации проникнута и канонизация святых при митрополите Макарии как попытка превращения прежних местночтимых святых в общероссийских. Местный характер почитания святых по справедливости признается исследователями характеристической чертою удельного периода жизни русского народа²³. Так как каждый удел представлял собой целую, замкнутую общину, жившую своей собственной, вполне самостоятельной жизнью, то для каждого удела важно было иметь свою святыню, около которой он обыкновенно и сосредоточивался. Такой святыней и был в большинстве случаев какой-нибудь подвижник, святитель или князь, много потрудившийся при жизни на благо этого удела и по смерти признававшийся его патроном. Поэтому к нему преимущественно обращались с молитвами о ходатайстве перед Богом во время каких-нибудь общественных бедствий; его имя призывалось в битвах и войнах, которые приходилось вести за свободу своего родного края²⁴. Этот местный взгляд древнерусского человека всего лучше и яснее подтверждается в этом отношении классическим указанием из рукописного Жития св. Прокопия Устюжского, в котором перечисляются все святые угодники, каких «каждо страна и град блажили и славили и похваляли»²⁵. При той политической разрозненности, при той децентрализации, которые необходимо связывались с общим порядком вещей, местное почитание святых, в основе своей имея

преимущественно политические мотивы, доходило до полного отрицания святынь, принадлежавших чужим уделам. Вследствие этого происходило то, что, например, святые новгородские не прославлялись в Москве, и наоборот. Так, Преподобного Сергия, особенно почитаемого в Москве, в Новгороде стали прославлять только при Московском князе Василии Темном, в последние годы независимости Новгорода²⁶.

«Святой Петр, хотя и был ранее местно канонизован, но в силу того, что этот святой всегда был склонен на сторону Москвы, почитание его оставалось долгое время местным»²⁷.

Та же самая политическая рознь и разногласия, существовавшие между разными областями и служившие причиной местного характера почитания русских святых, производили то, что иногда жители одного удела относились с пренебрежением и презрением к святым и святыням другого удела. В этом случае особенно характерны взаимные отношения Москвы к Новгороду, так как первая нередко стремилась как будто даже унижить новгородскую святыню. Существует сказание, что Великий князь Иоанн III пожелал видеть мощи преподобного Варлаама Хутынского, вероятно не доверяя их действительности, но был вразумлен чудесным пламенем, вырвавшимся из земли, и уразумел, что святыня завоеванной земли не подлежит воле завоевателя²⁸. Но еще рельефнее проглядывает это презрительное отношение к святыням не своей области в летописном рассказе о том, как москвич по происхождению, преосвященный Сергий, назначенный архиепископом в Новгороде, не хотел почитать мощей угодника новгородского Моисея, называя его «смердовичем»²⁹.

Отсюда понятно, какое важное значение в отношении московской идеи централизации имела произведенная митрополитом Макарием канонизация святых, имевшая целью почитание их сделать обязательным не только для местных областей, но и для всей России. «Как в государственном деле, — говорит Ф. Буслаев, — Москве суждено было покорить все областные силы Древней Руси и сосредоточить их в себе, так и в отношении местных святынь Москва стала центром, к которому собирались все областные священные предания и из местных, провинциальных, стали потом всероссийскими»³⁰.

Одна сторона этого великого исторического процесса в области государственной была выполнена благодаря умной, энергичной и упорной деятельности московских князей. Что же касается ее другой половины, относящейся к сфере церковной жизни, то она обязана своим выполнением не кому-либо иному, как Всероссийскому митрополиту Макарию. С московской идеей централизации теснейшим образом связаны и все другие стороны деятельности митрополита Макария, также направленные к объединению всего местного, индивидуального. В области исторической литературы Степенная книга в качестве общегосударственного официального летописного органа заменила летописи местного характера; в области же церковного управления Стоглав выработал такие постановления, которые должны были быть общим руководством в церковной жизни для всех, подведенных под высокую руку Московского государя.

Все только что сказанное выше характеризует деятельность митрополита Макария со стороны влияния на нее идеи царя Московского как верховного и самодержавного представителя православной объединенной Руси, — идеи, направлявшей внимание знаменитого иерарха более в сферу государственной жизни. Значение митрополита Макария в нашей русской истории более обязано влиянию другой известной нам идеи, существовавшей в сознании русского общества и неразрывно связанной с первой, — идеи Церкви Русской как центра и единственного убежища Православия.

Всю высоту идеи особой религиозной миссии русских людей митрополит Макарий твердо научился сознавать в продолжение 16-летнего архиепископства в Новгороде, так сказать, на самой родине этой идеи, в атмосфере тех национально-религиозных воззрений, которые, предупредив в своем развитии воззрения Москвы, послужили ближайшей причиной для появления здесь сказаний о «белом клобуке» и «Тихвинской иконе Божией Матери». Здесь, в новгородском обществе, он впервые воспринял и впервые начал осуществлять в своей деятельности идею высокой религиозной миссии русского народа. Но усвоение этого сознания митрополитом Макарием уже не могло направиться в пользу старого Новгорода, к возвеличению и защите его прав духовных, не могло сделать из него же поборника новгородских традиций, каким незадолго перед ним был Новгородский архиепископ Серапион († 1516), о котором в печатном Прологе, под 16 марта, делается такая заметка: «Ненавидяй же искони добра диавол вражду влагает между Серапионом архиепископом и игуменом Иосифом Ламскаго Волока», известным приверженцем Москвы³¹.

Эти права были отняты у Новгорода условиями времени и перешли в Москву. Таким образом, общие исторические условия времени, а кроме того, воспитание митрополита Макария в духе иосифовских воззрений определили усвоенное им сознание служения интересам не какой-либо отдельной области Церкви, но той Всероссийской Православной Церкви, верховным покровителем которой состоит «единый под небесем христианский царь» Московский. В послании к великому князю Василию Иоанновичу об учреждении общежития в новгородских монастырях, писанном еще из Новгорода, архиепископ Макарий говорит: Бог «милость и живот тебе поручи всего великаго Православия»³².

Состояние Православия в Русской Церкви представлялось ему на такой высоте, на какой оно не могло стоять в странах восточных, поработанных «погаными» мусульманами. Поэтому митрополит Макарий, как бы признавая невозможным под натиском иноверных поддерживать положение восточного Православия на должной высоте, принимал под покровительство Русской Церкви некоторых восточных святых, чествование которым при тяжелых политических обстоятельствах не могло совершаться на Востоке достойным образом. Когда незадолго до 1539 года в Новгород пришли с Афона двое монахов — Митрофан и Прохор, как рассказывает современный митрополиту Макарию жизнеописатель Илия в составленном им Житии Георгия Болгарского, то Макарий стал спрашивать их: «Как стоит христианство, и не велика ли нужда от поганых?» Гости много рассказывали ему о насилиях «скверных сарацин» и поведали между прочим о мучении святого Георгия. «Владыка, — добавляет Илия в предисловии, — восхитил из уст их повесть, точно пишу сладкую, и повелел мне описать подвиги мученика»³³.

Совершенно теми же воззрениями на преимущественное религиозное значение Руси обуславливается и то внимание, с каким митрополит Макарий следил за ходом церковных дел в Греции. Обращаясь к старцу Максиму, он просит его, как грека, «поведати, откуда достигшее ныне (Греческую землю) нестроение и что сему виновное». Максим в ответ на эту просьбу указал ему на конец своего «второго слова, еже на Моафефа»³⁴.

Под непосредственным воздействием идеи Русской Церкви как единственной верной хранительницы Православия во вселенной возникает целый ряд духовно важных предприятий митрополита Макария, относящихся к области его церковно-административной и литературной деятельности.

Зависимость трудов митрополита Макария от современных ему церковных воззрений русских людей хорошо показал один исследователь о митрополите Макарии.

«Под влиянием идеи Церкви как центра Православия и стремления поставить ее в уровень с этим положением ей нужно было показать, — говорит исследователь, — что в своем прошедшем Церковь успела уже собрать достаточно нравственных сил и средств для выполнения ее новой великой задачи. Она должна была выставить на вид свои учительные средства, свою литературу. Русская Церковь приняла веру от Греции, но она может занять ее первенствующее положение после ее падения, если она докажет, что она не только усвоила себе все ее сокровища учительных средств ее литературы, но и обогатила их собственными. Эту задачу и выполнил Макарий в своих Великих Минеях-Четьях. Кроме чисто учительной литературы, внутренняя жизнь истинной Церкви регулируется законоположениями святых апостолов, святых Вселенских Соборов и отцов. Церковь Русская должна была представить, что она имеет и это. Плодом сознания этого требования было появление так называемой «сводной Кормчей», составленной при Макарии. Слава Церкви — ее святые. Угодники Божии суть ясные свидетели благодати Божией, почивающей в Церкви. Нужно было собрать сведения о святых людях Руси, открыть их из-под спуда и поставить на вид скрытое доселе сокровище. И вот Макарий большую часть своей литературной деятельности посвящает исследованиям жизни русских святых, образует целую школу писателей Житий и производит беспрецедентную в наших летописях канонизацию святых. Нельзя было не обратить внимания и на настоящее. Чем выше, чем более блестяще внешнее положение, тем более нужно быть достойным его внутренне. И вот является попытка исправить Церковь во всех отношениях; со стороны богослужения, суда администрации, религиозных верований, народной нравственности и т. д. Это — Стоглавый Собор»³⁵.

Таким образом, деятельность митрополита Макария определялась не случайными факторами. Всецело посвященная на служение современному митрополиту Макарию религиозно-политическим воззрениям и задачам, она отличается в высшей степени идейным характером. Православная Церковь Русская и православный русский царь — вот два основных высоких понятия, на которых все время было сосредоточено внимание митрополита Макария как администратора и как деятеля на пользу русского духовного просвещения.

Но и несмотря на то что деятельность митрополита Макария по своему направлению явилась содействующей развитию в древнерусском обществе XVI в. самых высших и благороднейших идей, она не избежала некоторых особенностей, зависящих от особого характера этих самих идей. Во-первых, это консерватизм, выразившийся в форме собирания старины и через это полагавший для современного общества резкую черту, за которую не могло пойти его дальнейшее духовное развитие, а во-вторых, недостаток систематического образования, отсутствие критического начала.

Замечательно, что митрополит Макарий был многосторонним деятелем, но не был хотя бы даже в малой степени реформатором старинных основ русской жизни. Но он и не мог быть таким. Национально-религиозное самосознание, которое нашло себе прекрасное выражение в трудах митрополита Макария, по самому характеру своему не носило в себе никаких даже зародышей реформы и обновления; оно покоилось на представлении удовлетворительности, на идеализации русским обществом настоящего и особенно прошлого, так как в настоящем в некоторых случаях замечалось уклонение от благочестивой старины, которая обращала на себя внимание представителей светской и духовной иерархии (на Стоглавом Соборе). Тот полный оптимизма взгляд, какой выработался у московских людей XVI в. на окружающую их действительность, те миссионерские воззрения, какие они связывали с настоящим

и будущим своей страны, неизбежно приводили их к полному квиетизму в отношении дальнейшего развития. Москве, поставленной выше всех остальных народов, выше всего человечества в силу сохраненного ею правоверия, незачем было заботиться о движении вперед, о развитии каких-либо новых начал, когда и старье не только спасало ее, но еще доставляло ей такое выгодное и лестное положение «третьего Рима», идеального центра вселенной. Ей оставалось только сохранять в целостности спасительное Православие, беречь священные заветы, через предков унаследованные от Византии, чуждаясь каких-либо противных им новшеств. Эту обязанность наблюдения за сохранением данного строя жизни, издавна освященного православной верой и взял на себя знаменитый представитель древнерусской духовной иерархии XVI в. — митрополит Макарий. Его деятельность представляет собой кропотливый труд собирания и утверждения старого предания, того запаса идей, церковных и политических, которые были готовы и нуждались только в свode, их раз и навсегда узаконивающем. Митрополит Макарий скорее спешит подвести итоги старой идеальной жизни, чтобы потом бережливо охранять ее от всех вредных влияний. Его Великие Четии Минеи по своей задаче должны были заключить в себе одних все книжные сокровища, какие только могли быть в распоряжении у древнерусского начетчика. Соборы 1547 и 1549 гг., созванные по инициативе Макария с целью упорядочить в Русской земле церковное чествование святых подвижников, украшающих своими славными именами Православную Церковь Русскую, прямым образом были направлены к тому, чтобы вызвать из разных уголков Руси все церковноисторические предания, относящиеся к жизни святых, и, суммировав эти предания в форме целого ряда Житий, представить их для назидания и руководства всей объединенной Московской Руси. Кроме того, если не по личной инициативе митрополита Макария, то, несомненно, под его влиянием и при самом деятельном участии с его стороны на Стоглавом Соборе 1551 года были выработаны постановления, имевшие целью всеобщим образом нормировать церковную жизнь русского общества, но и эти постановления были направлены также к восстановлению благочестивой старины, или, говоря языком соборных деятелей, «поисшатавшихся обычаев прежних времен» и «порушенных старых преданий и законов»³⁶.

Кормчая и Степенная книги, происхождение коих связывается с именем митрополита Макария, принадлежат к разряду литературных памятников также сводного характера. Собрание прежнего как естественный плод древнерусских воззрений XVI в. до такой степени является общим и привычным делом митрополита Макария в применении ко всем отраслям его деятельности, что оно дает знать себя даже и там, где всего менее можно было ожидать его приложения, то есть в области оригинальной литературной деятельности митрополита Макария. Все его оригинальные литературные произведения, за исключением немногих, носят на себе следы компиляции, доходившей часто до буквальных заимствований из произведений предшествовавших Макарию древнерусских писателей. Во все продолжение своей широкой и многосторонней деятельности Макарий простирал свои взоры назад, к освященной старине прошлой исторической жизни народа.

Другая характерная черта деятельности митрополита Макария — недостаток научного кругозора, как результат национальной замкнутости русских, их отрицательного отношения не только к иноверному Западу, но даже и к православному Востоку со времени падения Византии. Когда же Византия со времени Флорентийской унии и особенно падения Константинополя потеряла свой авторитет в глазах русских людей, то Москва лишилась возможности пользоваться даже и теми образовательными средствами, которые ей доставлялись с Востока в виде религиозного уче-

ния и церковной проповеди. Главным источником просвещения Руси, предоставленной в деле образования самой себе, является «книжное почитание», то есть самостоятельное чтение книг, какие были только в обращении у древнерусских людей. При отсутствии типографий книги, заключающие в себе преимущественно переводы с греческого, размножались путем переписки и через частое переписывание их в продолжение веков людьми, заполнялись массой ошибок, которые при незнании греческого языка не сознавались древнерусскими книжниками. Отсутствие в книжных центрах научной критики было причиной того, что в наши рукописные книги наряду с подлинными сочинениями древних отцов и других писателей незаметно внесены были сочинения ложного, апокрифического характера. Все эти недостатки древнерусского просвещения отразились и на обширной деятельности митрополита Макария. Макарьевские Четии Миней – труд, без сомнения, заслуживающий уважения одинаково как в XVI в., так и у наших современников. Вполне заслуживает уважения также и попытка митрополита Макария критически относиться к собираемым им произведениям древнерусской письменности, но, несмотря на это, в этих же Четиих Минейх бросается в глаза масса погрешностей и ошибок, тех ложных и апокрифических элементов, которые являются характерной принадлежностью древнерусской письменности. Кормчая, составленная при митрополите Макарии, кроме канонической части, содержит в себе выписки из книги Еноха праведного³⁷.

Сам Стоглавый Собор, вырабатывавший свои постановления под председательством митрополита Макария, пользовался апокрифическими сочинениями³⁸

Составленные под его руководством Жития русских святых, преследуя условные формы красноречия, опускали из внимания историческую правду. Требованиям исторического сочинения не удовлетворяет также и Степенная книга как труд, наряду с историческими сказаниями содержащий в себе и легендарные повествования

Таковы важнейшие общие положения, к которым сводится характеристика деятельности митрополита Макария во благо Русского государства и Церкви. Опуская обзор частнейших сторон церковноисторической деятельности митрополита Макария, уже раскрытых в специальных, указанных выше исследованиях Лебедева и Заусцинского, обратим теперь ближайшее внимание на его деятельность литературную, поскольку она выразилась а) в составлении оригинальных письменных произведений, б) в собирании Четиих Миней, а также в) в небывалом развитии и оживлении русской агиографической письменности XVI в.

ГЛАВА 2. Оригинальные литературные произведения Всероссийского митрополита Макария

Оригинальная литературная деятельность митрополита Макария живо отражает в себе его отношение к реальным явлениям современной церковности и к характеру государственной жизни. Та эпоха русской жизни, когда митрополит Макарий проходил свое высокое иерархическое служение, характеризуется весьма живыми течениями церковной жизни, а именно борьбой в области общественного мировоззрения иосифлян и их противников – заволжских старцев. Столкновение, возникшее между этими двумя партиями на почве полемики из-за еретиков, быстро переходит к обсуждению более общих вопросов современной монашеской и церковной жизни. Рядом с возникшим по поводу еретиков вопросом о религиозной терпимости ставится вопрос о том, следует или не следует инокам владеть вотчинами, согласно ли это с идеалами истинного подвижничества. От устройства

монастырской жизни критическая мысль быстро переходит к вопросу о значении высшей правительственной власти, которая давала инокам право приобретения земельных владений. Обсуждение этих вопросов жизни в первый, кажется, раз создало у нас целую литературу по русским общественным вопросам. Необычайное возбуждение, вызванное в обществе литературной борьбой иосифлян и их противников, разумеется, не могло пройти бесследно мимо митрополита Макария. По своему высокому положению он волей-неволей должен был сталкиваться с современными вопросами и решать их так или иначе. Это первое условие для появления оригинальных литературных произведений митрополита Макария. Кроме того, ряд важных церковных событий в середине XVI в.: канонизация святых, Стоглавый Собор, миссионерское дело в русском крае, которому митрополит Макарий ревностно служил в бытность свою Новгородским архиепископом, общественные бедствия пасомых, как, например, голод, различные случаи в церковной практике, затрагивавшие область канонических вопросов, и, наконец, политические предприятия царя Иоанна Васильевича Грозного и важнейшие события в его личной жизни (бракосочетание, венчание на царство) и т. п. — все это служило для Макария ближайшим поводом к литературным трудам.

К разряду литературных произведений митрополита Макария не относятся официальные бумаги, содержащие в себе его церковноадминистративные распоряжения, и вообще все сочинения, вызванные его служебными иерархическими обязанностями в сане Новгородского архиепископа и Московского митрополита³⁹.

Некоторые из них, подписанные дьяками, без всякого сомнения, не принадлежат даже перу митрополита Макария⁴⁰.

Но, несмотря на преобладающий официальный характер административных посланий и грамот митрополита Макария, между ними есть несколько представляющих литературный интерес. Это те послания и грамоты, которые местами теряют сухой тон деловых бумаг и принимают характер назидательного произведения. Такковы: Грамота митрополита Макария в Новгород об отправлении молебствия по случаю голода и Уставная грамота Духовному монастырю. Важность предметов, вызвавших эти грамоты, побудила митрополита Макария к тому, чтобы заменить в них руку дьяка, набитую в канцелярских выражениях и оборотах, своим, более живым и пространством изложением.

Богомольная грамота митрополита Макария в Новгород (1557 г.) об отправлении молебствий по случаю голода, как показывает само ее название, не есть простой приказ церковного главы Новгородскому архиепископу Пимену. Ее цель гораздо выше — указать своим духовным чадам причину общественного бедствия в их греховной жизни и расположить их к покаянному настроению. Эта грамота по приказанию митрополита должна быть прочтена в Софийской церкви «архиепископом на анбоне велегласно во слышание всем»⁴¹; поэтому первая половина ее, обращенная не к архиепископу, а ко всей новгородской пастве, представляет собой небольшое законченное поучение по поводу общественного бедствия в Новгороде. Впрочем, оно не отличается особыми литературными достоинствами. Подобно многим другим религиозно-назидательным произведениям того времени, оно в большей своей части состоит из мест, взятых из Святого Писания, за которыми иногда непосредственно следует «Толк». Но те немногие строки, в которых митрополит Макарий, призывая людей к покаянию, делает как бы вывод из библейских мест, написаны простым и понятным для слушателей слогом⁴². Эти строки поставлены митрополитом в богомольной грамоте как бы примером того «буквального» поучения и «умильного моления», ко-

торым Новгородский архиепископ Пимен должен был по распоряжению митрополита Макария располагать «богоизбранное людство Христова стада словесных овец» к истинному покаянию и благочестивой жизни⁴³.

Что касается Уставной грамоты митрополита Макария Духовскому монастырю, то, если исключить из нее административные распоряжения Новгородского владыки, данные на имя Тихона, игумена Духовского монастыря, об общественном устройстве последнего, в той грамоте останется нечто, что может иметь также некоторый литературный интерес. Это те места грамоты, где митрополит Макарий обращается к насельникам монастыря с увещанием «прилежно и трудолюбно подвизаться» во всем, что относится к идеалу монашеской жизни, где он с теплым и задушевным чувством высказывает несколько простых наставительных слов о необходимости выполнения общежительных монастырских правил⁴⁴, и, в частности, об отношении игумена Тихона к братии⁴⁵. Впрочем, нравственные наставления, какие мы читаем в грамоте, не являются чем-либо новым сравнительно с содержанием подобных же грамот более раннего времени⁴⁶.

Но в полном смысле литературными произведениями митрополита Макария являются его четыре послания и ораторские произведения: поучения и речи.

Послания были преобладающей формой древнерусской литературы; с ними обращались к разным лицам или сословиям, когда желали исправить чьи-либо недостатки или обличить заблуждения. Чаще всего послания писались князьям; в них давались разного рода советы по поводу важных событий, одобрялись или порицались княжеские действия или испрашивалось дозволение на какие-нибудь нововведения. Такое же точно содержание имеют и все послания митрополита Макария, из которых три написаны по политическим поводам во время войны с казанскими татарами в 1552 году и одно по поводу вопроса о церковных имениях.

К посланиям митрополита Макария, вызванным политическими обстоятельствами, относятся: послание в Свяжск к царскому войску (в 1552 году, 25 марта)⁴⁷, послание к царю Иоанну Васильевичу IV в Муром (в 1552 году, 13 июля) об укреплении на брань с казанскими татарами⁴⁸ и, наконец, послание к тому же государю в Казань (в 1552 году)⁴⁹. Все эти послания имеют целью возбудить в молодом царе и в его войске воинственный дух и вместе с тем научить их нравственно-добродетельной жизни; поэтому автор их прибегает ко всем современным приемам витийства, для того чтобы сильнее подействовать на чувства христианского воинства.

Послание митрополита Макария в Свяжск к царскому войску было написано по поводу печального положения русских войск под Казанью в 1552 году. Военные неудачи, болезни, свирепствовавшие в новопостроенном городе Свяжске, упадок духа и вместе страшная деморализация в военном лагере — все эти обстоятельства были непосредственной причиной, побудившей митрополита обратиться к войску с увещанием.

По признанию исследователей, послание в Свяжск по логической последовательности мыслей, сравнительной простоте выражений и стиля, которой проникнуты все обличения и угрозы Святителя, является лучшим из всех посланий митрополита Макария⁵⁰.

В начале послания митрополит Макарий изображает успехи русского оружия в царствование Иоанна Грозного как следствие благоволения Божия к русскому престолу. По силе этого благоволения построен новый город Свяжск, покорилось Казанское царство, множество пленников и пленниц возвратились в свое отечество; крымский хан, ногайские князья и многие татарские орды, литовские короли и немецкие государи, стараясь жить с русским благочестивым царем в мире и любви, по-

сылали к нему послов с мирными грамотами и честными дарами. За все такие благодеяния можно отблагодарить Бога только точным соблюдением Его заповедей и уклонением от пороков (здесь следует перечень некоторых общих нравственных обязанностей христианина, а также некоторых видов порока). Но о свияжских жителях и войске даже до царя доходят слухи, что они отвергли страх Божий и уклонились в страсти бесчестия. Воюющие накладывают бритвы на лицо свое, «творя угодие женам»; содевают «содомское зло, скарредное и богомерзкое дело» и блуд с молодыми татарскими пленницами. Со слезами умоляя воинов отстать от распространенных грехов, митрополит Макарий библейскими примерами потопа, Содомы и Гоморры, судьбы Ниневии старается доказать, какими тяжкими наказаниями карает Бог за подобные грехи. Обращаясь к современному состоянию войска, митрополит Макарий уже замечает признаки гнева Божия в том бесславии, которое терпит русское войско под Казанью. В заключение архипастырь снова призывает воинов к покаянию, угрожая в противном случае церковным отлучением и царской опалой.

Это произведение митрополита Макария, отличающееся логической стройностью и довольно умеренной степенью витиеватости, имеет тем большее литературное значение, что оно составлено почти самостоятельно, за исключением тех немногих мест, где заметны следы влияния посторонних сочинений⁵¹. Этим оно разнится от двух других посланий митрополита Макария, отличающихся компилятивным характером.

Второе послание митрополита Макария, отправленное к царю Иоанну Васильевичу в Муром, было ответом на просьбу государя о благословении его на новый поход в 1552 году против казанских татар⁵²; целью его было поддержать то религиозно-восторженное состояние, в котором находился царь Иоанн после только что нанесенного им поражения крымскому хану Девлет Гирею и которое было необходимо ему во время казанского похода.

Все послание по объему можно разделить на две части: первая, довольно большая, состоит из молитвенных благопожеланий, а вторая — из нравочений митрополита. После святительского благословения и целого ряда различных многословных благопожеланий великому князю и всему его дому, а также всем князьям, боярам, воеводам, детям боярским и всему христоролюбивому воинству митрополит Макарий преподает великому князю наставление храбро и мужественно подвизаться «за святую и чистую веру христианскую». Далее автор вновь призывает на все войско покровительство Бога и, в частности, Его служителя архистратига Михаила, этого помощника в войнах, который неоднократно охранял народ еврейский от врагов; здесь же следуют и библейские примеры, доказывающие силу заступничества Архистратига. Наконец, чтобы показать, до какой степени вся Москва заботится об успехах казанского ратного дела, митрополит Макарий еще раз указывает царю на соборные молебствия всего московского духовенства⁵³.

Переходя ко второй, нравочительной половине послания, митрополит Макарий преподает царю наставление о пребывании в чистоте, смирении и мудрости, в целомудрии и покаянии и в прочих добродетелях, а войску и царским вельможам посылает свой пастырский совет жить во взаимной любви, мире и послушании царской воле: «аще цареве сердце в руце Божии, и по царскому велению ходити, и повиноватися с страхом и трепетом». В особенности же митрополит предостерегает воюющих от трех пороков, должно быть очень распространенных в военном лагере: гордости, блудного падения и пьянства; причем выписками из Священного Писания и свидетельствами истории ветхозаветной, византийской и русской он старается дока-

зять, насколько гибельны указанные пороки и, наоборот, какими доблестными победами сопровождаются «смиренная мудрость и чистота»⁵⁴. После этого, напомнив высказанные общие наставления «подвизаться о истине в покаянии и чистоте», митрополит Макарий заботливо останавливается на разъяснении царю необходимости его личного присутствия в казанском походе. «Ныне же лепо тебе, царю, и сушим с тобою, по твоей храбрости и премудростной хитрости, самому подвизатися с Божиею помощию, и сопотивники сице победив низложити: идеже бо хошет Бог, побеждается естества чин; а идеже царево пришествие с Божиею помощию, ту и чин преходит»⁵⁵. Но царь не должен обольщаться своим величием; по слову Божию, ему должно приличествовать смирение, и это смирение – верный залог победы над врагами⁵⁶. Далее, обращая внимание на мрачную сторону военного подвига: кровопролитие, раны и неизбежные случаи смерти, митрополит возбуждает дух воинов обещаниями, что если кто прольет кровь на войне и останется живым, то пролитием крови он искупит свои прежние грехи, воспримет приложение лет и здравие животу⁵⁷. Если же кто, пролив кровь, умрет, то получит вечные блага⁵⁸. После благодарности царю, похвалы его остроумию, премудрости и храбрости⁵⁹, а также совета сохранить четыре евангельские заповеди: храбрость, мудрость, правду и целомудрие, митрополит в заключение выражает различные благожелания⁶⁰.

По литературному изложению послание митрополита Макария к царю в Муром стоит ниже других посланий того же автора. Оно отличается крайней растянутостью и витиеватостью; часто одна и та же мысль в разной форме повторяется в нем несколько раз. Кроме того, если принять во внимание, что большая часть этого послания дословно или в пространной переделке заимствована из других произведений, то все эти недостатки делают его еще менее ценным в литературном отношении.

Третье, и последнее послание, составленное митрополитом Макарием, было отправлено им к Иоанну Васильевичу в то время, когда государь находился уже под Казанью и готовился к решительному приступу. Краткое и менее растянутое, хотя и не без повторений одних и тех же мыслей, это послание в литературном отношении стоит гораздо выше предыдущего. По стилю речи его можно было бы поставить в рядю хороших древнерусских произведений.

После обычного благословения и обращения к государю Иоанну Васильевичу, именуемому пространным титулом, митрополит Макарий просит государя не прогневаться на него за то, что он решился первый писать к нему, без вызова на то с его стороны⁶¹. Известив далее царя, по слухам уже отправившегося из Свияжска в Казань⁶², о здоровье его супруги Анастасии, брата Юрия Васильевича, Макарий выражает царю свое пожелание победы над врагами, призывает его вооружиться против «бесермен»⁶³; для большего же возбуждения воинственного духа в юном царе митрополит указывает на непрекращающиеся по всем русским церквам молебствия и литии⁶⁴, а также припоминает ему вины казанцев, «измену» с их стороны поставленному Москвою казанскому царю как представителю московского престола⁶⁵. Указав на измену казанцев, митрополит Макарий далее восторженною речью убеждает царя к решительным действиям против них: «Ты же, государю, великий царю, не унывай, но двигни своюю крепкою десницею... изыди, государь, противу их вскоре, изыди, Бог ти будет помощник; яко да покорени будут врази твои подножию ног ваших»⁶⁶. Воюющих не должны устрашать кровопролитие и смерть; их подвиг настолько высок, что уподобляет их святым мученикам. Впрочем, победа русских над безбожными агарянами вне сомнений, так как царь и все войско обнаружили свою доблесть и великое мужество. Наконец, за просьбой автора «не позазреть его нищете и худуюмию» следует заключение с обычными благословениями митрополита.

Митрополит Макарий писал послания по поводу не только политических, но и церковно-общественных вопросов времени. Таково послание его Иоанну Васильевичу Грозному, направленное против попытки этого государя лишить монастыри и вообще все высшее духовенство права имущественных владений. Послание это носит название: «Ответ Макария, митрополита всея Руси, от Божественных правил святых апостолов и отец семи соборов и поместных... и от заповедей святых православных царей к благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу о недвижимых вещех, вданных Богови в наследие благ вечных»⁶⁷. Сильное и энергичное, послание это прекрасно выражает протест владыки-иосифлянина против посягательства светской власти на имущественные права, издавна присвоенные Русской Церкви⁶⁸. Впрочем, «Ответ митрополита Макария» не есть что-либо новое в русской литературе; по своему характеру и по содержащимся в нем каноническим данным, на которых святитель основывал свой протест против притязаний власти, этот «Ответ» отчасти напоминает некоторые более древние русские произведения этого рода⁶⁹. Замечаемая же в нем до некоторой степени растянутость, повторение целых больших фраз по два, по три раза делают его не вполне безупречным и с точки зрения литературной формы.

Гораздо ценнее в литературном отношении сохранившиеся до нас ораторские произведения митрополита Макария: его церковные поучения и речи. Самостоятельности и отсутствие витиеватости ставят их несравненно выше рассмотренных посланий митрополита Макария.

Прежде всего что касается проповеднического таланта митрополита Макария, то современники описывают его самыми блестящими чертами. Их приводила в восторг простота и понятность его проповеди, соединенная с глубокой мудростью. Псковский летописец в таких словах передает впечатление, какое митрополит Макарий произвел своею проповедью в первый свой приезд в Новгород: «И введоша его (Макария) в церковь святых Софии Премудрости Божия; он же просветився силою Божиею, нача беседовати к народу повестми многими; и вси чюдисяся, яко от Бога дана ему бысть мудрость в Божественном Писании, просто всем разумети»⁷⁰. Обаяние митрополита Макария как проповедника не прекращается и в последующее время его управления Новгородской епархией. Когда митрополит Макарий в 1545 году принужден был отправиться из Новгорода в Москву по вызову царя и митрополита Даниила, Хутынский игумен Феодосий в послании Новгородскому Владыке высказывает свое нетерпеливое желание поскорее увидеть великого пастыря в храме святой Софии Премудрости Божией сидящим на своем святительском престоле и изливающим речи медоточивого учения, наполняющего души слушателей⁷¹.

Из всех этих свидетельств о проповеднической деятельности митрополита Макария мы убеждаемся, что эту деятельность он считал делом обычным. Мало того, проповедуя сам, митрополит Макарий побуждал к тому же и других служителей церковного слова в Русской Церкви. В своей Богомольной грамоте 1557 года в Новгороде, отправленной по случаю всеобщего голода в Новгородской земле, митрополит Макарий писал архиепископу Пимену следующие наставления: «Всячески увещай, моля, и коленное поклонение со слезами простри, по данному ти от Бога таланту, да твоего ради смирения и благопотребного моления священнический и иноческий чин и все христоименное людство уцеломудрятся и устрашатся великаго наказания и прещения гнева Божия» — и т. д.⁷² Хотя за отсутствием прямых сведений мы не можем судить о количестве поучений, сказанных митрополитом Макарием, но можно думать, что его проповедническая деятельность была очень широкая. Не говоря уже о тех «медоточивых поучениях», которые митрополит Макарий, по выражению

игумена Феодосия, как реки изливал со своей кафедры в Софийском соборе. Новгородский святитель, по указанию летописей, пользовался всяким случаем, чтобы обратиться с приличным назиданием к пасомым. Так, в 1532 году при рукоположении инока Феодосия во игумена он произнес поучение о «еже пребывати в посте и в молитвах и во бдениих и во всяких добродетелех, и попечение имети о своем спасенном стаде, елико Бог даст»⁷³. В 1533 году в Новгороде развилось сильное морозное поветрие на людей; ревностный архипастырь и тогда откликнулся на общественное бедствие своих пасомых и «нача учити игумены и священники и всех людей о покаянии»⁷⁴. Одно из его поучений, относящихся к этому времени, было произнесено при весьма интересных обстоятельствах. Для предотвращения ужасного мора новгородцы по совету своего святителя одним днем построили церковь; митрополит Макарий освятил эту церковь, совершил в ней литургию, «яко в два часа ноши», и здесь «поучал игумены и священники и весь народ»⁷⁵. Приведенные летописные свидетельства, конечно, не перечисляют всех случаев проповедничества митрополита Макария в Новгороде, но и по этим немногим свидетельствам можно заключать, что этот архипастырь умел откликаться живой проповедью на разные обстоятельства жизни, требовавшие произнесения его авторитетного слова, что ему были привычны проповеднические приемы и что он пользовался ими не раз, когда было нужно, не только в Новгороде, но, вероятно, и в Москве. Такая ревность к проповеднической деятельности отличает митрополита Макария от многих современных ему пастырей русской Церкви; она является одним из немногих счастливых исключений в эпоху XVI в., когда учительный голос пастырей вообще очень редко слышался с церковных кафедр.

Но, к сожалению, до нашего времени не сохранилась ни одна из проповедей митрополита Макария, обращенных к игуменам, священникам и простому народу, если не считать за поучение уже известный нам отрывок из Богомольной грамоты в Новгород от 1557 года. Быть может, эти проповеди, простые и безыскусственные, говорились без особого приготовления и не были даже предварительно записаны на бумаге.

До нашего времени вполне сохранились только два поучения митрополита Макария, и в обоих случаях лицом, к которому он обращает свое учительное слово, является царь Иоанн Васильевич IV в моменты его торжественного венчания на царство (16 января 1547 года) и его бракосочетания с Анастасией Романовной (13 февраля того же года).

Лучшим не только из двух сохранившихся до нас поучений, но и из всех вообще произведений митрополита Макария нужно признать его поучение к новобрачным царственным супругам. Прежде всего нас поражает в нем логическая стройность изложения. Поучение разделяется на три строго определенные части: в первой святитель преподает общие наставления об обязанностях христианских, во второй — царских, в третьей архипастырь поучает молодую чету исключительно супружеским обязанностям; в заключение, преподав еще несколько кратких уроков, проповедник выражает новобрачным разного рода благопожелания⁷⁶. При строгости плана это поучение отличается также своею простотою и безыскусственностью. Обращая внимание не на форму, а преимущественно на мысли и дух поучения, митрополит Макарий отрешается в нем от господствовавшего в его время риторизма; в этом поучении незаметно той условной торжественности, которая отличает изложение всех писателей XVI в. и даже самого Макария в его четырех посланиях. Поучение к новобрачным действительно вполне оправдывает слова летописца о способности Макария говорить просто и удобопонятно для всех.

Другое поучение Макария, сказанное им за месяц ранее первого, при совершении венчания на царство Иоанна IV, сохранилось в официальном чине этого венчания⁷⁷. Хотя оно и не надписывается собственным именем митрополита Макария, подобно первому, но, несомненно, принадлежит перу этого митрополита. Доказательством этой принадлежности, помимо всех других соображений, служит полнейшее сходство его с первым поучением. Предметом поучения митрополита при венчании на царство Иоанна Грозного служит изображение тех же общехристианских и царских обязанностей, которые составляют, как нам известно, первую и вторую части поучения к новобрачным. Мало того, даже внешнее изложение этих обязанностей в первом поучении почти буквально воспроизводится во втором⁷⁸. Но, в общем, поучение митрополита Макария, сказанное при венчании Иоанна Грозного, уступает поучению к новобрачным по своим литературным достоинствам, хотя оно отличается такую же простотой и задушевностью изложения. В изображении христианских и царских обязанностей замечаются повторения не только одних и тех же мыслей, но и одних выражений, отчего поучение получает характер некоторой растянутости. Наконец, оно не строго самостоятельное. В поучении есть строки, буквально взятые из произведений преподобного Иосифа Волоцкого. Таковы торжественные слова, в которых митрополит Макарий говорит о высоте положения и обязанностях московского православного царя⁷⁹.

Кроме двух указанных поучений, митрополиту Макарию приписываются еще три других. Преосвященный Филарет, ссылаясь на Описание рукописей Румянцевского музея⁸⁰, приписывает митрополиту Макарию весьма краткое поучение или, вернее, отрывок о молитве⁸¹. П. М. Строев считает несомненно принадлежащим ему «поучение попом», помещенное в августовской Минее Макарьевских Четиих Миней⁸²; а В. Жмакин с именем митрополита Макария издает поучение против разговаривающих в церкви⁸³. Но что на самом деле представляют собой эти поучения?

Пучение о молитве, по справке архиепископа Макария, с самой рукописью (XVII–XVIII вв.), в которой оно помещено, есть не что иное, как отрывок, дословно выписанный из 16-й главы Стоглава, с которым обыкновенно соединяли впоследствии имя митрополита Макария⁸⁴.

Содержание поучения против разговаривающих в церкви также является отчасти буквальным, а отчасти несколько переделанным заимствованием из 1-й главы первой «Духовной грамоты» преподобного Иосифа Волоцкого⁸⁵.

Но только эти заимствования, вероятно, не были делом митрополита Макария, потому что «Духовная грамота» преподобного Иосифа, многословная и растянутая, едва ли под пером митрополита Макария могла получить такую обработку, такую легкость стиля, какую мы замечаем в поучении против разговаривающих в церкви; в своих компилятивных работах митрополит Макарий, как нам известно, всегда следовал подлиннику.

Без знакомства с подлинным текстом «поучения попом» нельзя сказать о нем что-нибудь определенное; но, быть может, и оно, подобно поучению о молитве, составляет такое же буквальное заимствование из 16-й главы Стоглава, известной под заглавием «Правило св. Иоанна Милостиваго в поучение попом»⁸⁶.

Об ораторском таланте митрополита Макария, кроме его поучений, свидетельствуют еще три речи, сказанные им во Владимире воеводам перед отправлением в казанский поход, в Москве, по случаю заложения Свяжска, и здесь же при встрече великого князя из Казани. Простота и безыскусственность этих речей до того поразительны, что они справедливо дают основание архиепископу Макарию предполагать отсутствие предварительной их подготовки⁸⁷. Особенно это нужно заметить о

речи, обращенной к царю по поводу его намерения в 1551 году построить в земле казанской город Свияжск; здесь в нескольких словах митрополит указывает, что высокий долг царя — подвизаться за благочестие и за врученную ему от Бога паству, долг же всех государевых богомольцев — молить Бога о помощи царю⁸⁸. Речь, произнесенная во Владимире в 1550 году о вреде местничества, хотя по размерам и больше первой, носит на себе такой же характер простоты и задушевности, как и первая; в ней архипастырь, этот носитель мира и любви, увещает бояр оставить на время войны свои вредные споры о местничестве, отложить все взаимные счёты об «отечестве» до возвращения с земского государева дела⁸⁹.

Несколько особым характером отличается речь митрополита Макария при встрече царя, победоносно возвращавшегося из-под Казани. Она была сказана в ответ на подобную речь Иоанна Грозного, в которой он все свои успехи приписал молитвам митрополита Макария и после которой со всем войском поклонился пред ним до земли⁹⁰. Речь митрополита Макария проникнута вся глубоким патриотическим чувством, сознанием всей важности для России совершенного политического акта. Поэтому в ней оставляется учительный тон и ярко выступает основная идея прославления Бога за милость, оказанную покорением Казани, и царя за совершение трудного подвига. Эта идея сообщает речи в высшей степени торжественный характер, вполне соответствующий тому восторженному настроению, в каком находился русский народ. Здесь уже являются довольно длинные периоды, риторические сравнения царя Иоанна с императором Константином, с равноапостольным князем Владимиром, Димитрием Донским и Александром Невским; причем оратор подвиги молодого завоевателя ставит даже выше подвигов этих мужей. Речь митрополита заканчивается в высшей степени эффектным приемом. На поклон царя он ответил, в свою очередь, поклоном до земли, обратившись к нему со следующими словами: «А тебе, царю, благочестивому государю, за твои труды со всеми православными христианы челом бьем»⁹¹. Впечатление от этой речи на русский народ было сильное. По свидетельству летописи, много благодарных и радостных слез было пролито в тот момент «о царском здравом пришествии»⁹². Эта прекрасная речь митрополита кажется еще удачнее от того, что она едва ли могла быть приготовлена раньше, так как она составлена в ответ на царские слова.

Последнее произведение, вышедшее из-под пера митрополита Макария, — его «Духовная грамота», написанная им за несколько месяцев до смерти, в декабре 1563 года. Но эта грамота не есть самостоятельное произведение митрополита Макария: она почти буквально воспроизводит такую же грамоту митрополита Киприана⁹³.

При обозрении оригинальных литературных трудов митрополита Макария нам приходится встречаться еще с двумя анонимными произведениями, которые некоторыми исследователями присвояются митрополиту Макарию. Таковы послание неизвестного автора к Иоанну Васильевичу Грозному⁹⁴ и такое же безымянное послание от Новгородского архиепископа к Московскому митрополиту⁹⁵. Проверим, насколько серьезны те основания, по которым оба спорных послания считаются принадлежащими митрополиту Макарию.

Что касается мнения о принадлежности митрополиту Макарию первого послания, — мнения, высказанного архиепископом Макарием, то оно не заслуживает серьезного внимания. Это мнение является скорее малообоснованной догадкой, чем решительным выводом, предполагающим достаточную сумму научных аргументов. Архиепископ Макарий, высказываясь за принадлежность спорного послания митрополиту Макарию, с одинаковой степенью вероятности допускает также мысль о том, что послание могло быть написано священником Сильвестром⁹⁶. Таким обра-

зом, один только архиепископ Макарий, и то без достаточных оснований, склонен считать послание неизвестного автора к Иоанну IV принадлежащим митрополиту Макарию. Из всех других исследователей, кому только приходилось иметь дело с этим посланием, ни один не повторил мнение архиепископа Макария. Автором его они называют то митрополита Даниила⁹⁷, то священника Сильвестра⁹⁸, то Вассиана Топоркова⁹⁹. Кто из всех этих лиц действительно написал таинственное послание к Иоанну Грозному? Решение этого весьма трудного вопроса не входит ближайшим образом в нашу задачу, а с другой стороны, оно отвлекло бы нас далеко в сторону от главного предмета.

Едва ли может быть приписано митрополиту Макарию и анонимное послание Новгородского архиепископа к Московскому митрополиту, как думает В. Жмакин¹⁰⁰. Основываясь на некоторых данных, заимствованных из самого содержания послания, В. Жмакин приходит к тому заключению, что митрополит Макарий написал это послание в бытность свою в Новгороде и, следовательно, адресовал его на имя митрополита Даниила. Но скорее автором указанного послания следует признать Новгородского архиепископа Феодосия (1542–1551), адресовавшего его митрополиту Макарию¹⁰¹.

Прежде всего В. Жмакин в доказательство своего мнения указывает на то, что в послании неизвестный по имени митрополит представляется опекуном великого князя Иоанна Васильевича: этому митрополиту «случися в великих попечениях пребывати о царском здравии». Такимым, по мнению В. Жмакина, и состоит митрополит Даниил в отношении малолетнего Иоанна IV, тогда как митрополит Макарий в свое продолжительное первосвятительство держался будто бы в стороне от государственных дел. Но в выражении «случися в великих попечениях пребывати о царском здравии» нет нужды видеть указание на опеку малолетнего великого князя, — для непосредственного понимания очевидно, что здесь имеется в виду простая заботливость митрополита о здоровье и вообще внешнем благополучии государя, помимо каких-либо особых отношений к нему в качестве воспитателя, опекуна. Такою именно заботливостью, соединенною с нежностью друга и отца, и были проникнуты отношения митрополита Макария к Иоанну IV. Макарий не оставял без своего святительского совета и руководства ни одного важного дела, на которое решался юный царь, радовался всем его добрым начинаниям и поощрял их. Вспомним хотя бы то ближайшее участие, которое принимал митрополит Макарий во всех стадиях войны, то попечение о судьбе государя и его войска, которое он обнаружил во всех грамотах и речах, писанных и произнесенных по поводу казанского военного похода.

Во-вторых, в своем послании Новгородский архиепископ много распространяется о «нестерпимых болезнях» митрополита. В. Жмакин видит здесь указание на тяжелые болезненные припадки, которым подвергался митрополит Даниил. Но это свидетельство о болезнях одинаково может приложено и к митрополиту Макарию. Известно, какими печальными последствиями для его здоровья кончились большие московские пожары 1547 году, во время которых митрополит упал с высоты и до такой степени расшибся, что полуживой был отвезен в Новоспасский монастырь¹⁰². Таким образом, если автор, упоминая о болезнях митрополита, имеет в виду этот последний факт, то послание написано между 1547–1554 гг.

В-третьих, в послании Новгородского архиепископа находится свидетельство о том, что митрополит, много заботясь о благе русского государства и благополучии великого князя, старается устроить в государстве «соединение во всяком деле и слове». По мнению В. Жмакина, автор в данном случае будто бы имеет в виду окружное послание митрополита Даниила о согласии и любви, с которым он обращался к

своей пастве в январе 1539 года. Но указываемая в анонимном послании черта митрополита как поборника единения и любви более соответствует личности митрополита Макария, чем личности митрополита Даниила, считавшего «делом высоко нравственным производить вражду между порочными людьми и еретиками»¹⁰³. В подтверждение этой мысли достаточно упомянуть, что митрополит Макарий принимал весьма деятельное участие в уничтожении государем боярских крамол. Сам царь Иоанн Васильевич IV публично, перед всеми выборными земли Русской, с Лобного места засвидетельствовал о миролюбивом характере митрополита Макария. «Молю тебя, святой Владыко, да будеши помощник нам и любви поборник. Всем блага дела и любви желатель еси»¹⁰⁴. Далее, если мы вспомним речь митрополита Макария во Владимире к воеводам об уничтожении местнических споров, а также его нравственные наставления царским вельможам и войску о взаимной любви, мире и послушании царю, какие мы видим в его послании в Муром, то все это вместе возбуждает в нас уверенность в том, что неизвестный по имени миролюбивый митрополит в анонимном послании есть не кто иной, как митрополит Макарий.

Таким образом, все указанные В. Жмакиным места приводят нас к более вероятному предположению, что митрополит Макарий был не автором анонимного послания, но лицом, которому оно адресовано. Следовательно, автором его нужно признать известного современного митрополиту Макарию писателя – Новгородского архиепископа Феодосия.

Впрочем, против справедливости этого мнения В. Жмакин выставляет то, что стилистические особенности анонимного послания – витиеватость языка и красноречие – вовсе не соответствуют характеру письменных произведений архиепископа Феодосия, компилятивных и, в общем, представляющих весьма мало учительного и литературного. Но, во-первых, анонимное послание к Московскому митрополиту не отличается какими-либо особыми литературными достоинствами, чтобы считать архиепископа Феодосия неспособным написать подобное произведение. Такое же красноречие свойственно было вкусам всех вообще древнерусских книжников. Архиепископ Феодосий нисколько не отличался в этом отношении от своих современников; в этом может убедиться каждый, кто только прочтет его послание 1535 года к Новгородскому архиепископу Макарию¹⁰⁵. Во-вторых, если и согласиться с В. Жмакиным, что архиепископ Феодосий как компилятор не мог быть автором анонимного послания к Московскому митрополиту, то мы с одинаковым правом можем не считать автором его и митрополита Макария; вспомним, в какой степени пользовался митрополит Макарий уже существующей церковной литературой при составлении своих посланий.

Наконец, чтобы оправдать свое мнение, что архиепископ Феодосий, как компилятивный писатель, не мог быть автором послания к Московскому митрополиту, В. Жмакин указывает на послание архиепископа Феодосия к некоему высокопоставленному боярину¹⁰⁶, которое в одном месте буквально воспроизводит первое. На основании этого сходства В. Жмакин заключает, что архиепископ Феодосий воспользовался литературным трудом, принадлежащим митрополиту Макарию. Но представляется странным, каким образом архиепископ Феодосий, будучи в Новгороде, мог достать послание, если только оно действительно было написано митрополитом Макарием и отослано в Москву к митрополиту Даниилу. Гораздо естественнее представлять, что архиепископ Феодосий в данном случае произвел заимствования из своего же собственного произведения. Совершенно аналогичное этому литературное явление можно наблюдать в известных посланиях старца Филофея, в которых встречаются не только одни и те же мысли, но и одни и те же выражения¹⁰⁷.

Из анализа послания к Московскому митрополиту можно извлечь и еще некоторые данные в пользу нашего мнения. В этом отношении заслуживают внимания все те места, где автор распространяется об учительных талантах митрополита, удивляется «силе его словес», называет его «светом учителем», «языком Божиим», «гласом небесным», «книжником живота» и т. д. Эти лестные отзывы о высоких достоинствах митрополита как учителя не напоминают ли нам послание Хутынского игумена Феодосия к Новгородскому архиепископу Макарию, те его фразы, в которых автор указывает на привлекательность поучений своего владыки?¹⁰⁸ Сходство этих отзывов в стиле ораторского таланта митрополита в обоих упомянутых посланиях невольно заставляет предполагать и одного общего автора их — Феодосия. Затем при внимательном чтении этих посланий заметно обнаруживается их общий тон. Как в том, так и в другом послании пишет автор, стоящий в весьма близких и дружественных отношениях к тому лицу, которому адресуется послание. Нельзя ли и отсюда заключить, что анонимное послание к Московскому митрополиту принадлежит не митрополиту Макарию, а тому же Новгородскому архиепископу, бывшему Хутынскому игумену, Феодосию.

Из предыдущего обозрения видно, как небогат отдел оригинальных литературных произведений митрополита Макария. Но не в этих произведениях состоит его заслуга для русской письменности. Среди литературных деятелей XVI в. митрополит Макарий занимает совершенно особое место. Его литературный интерес сосредоточивался не столько на современной действительности, сколько на русской старине; у него было стремление не наводнять общество новыми книгами, а собрать и распространить уже имеющиеся, вызвать из глубины веков и представить во всеобщее сведение старые исторические воспоминания. Поэтому митрополит Макарий имеет гораздо большее значение, с одной стороны, как собиратель прежде существовавшей письменности, а с другой стороны, как возбудитель того литературного движения, плодом которого было появление у нас в большом количестве Житий русских святых.

ГЛАВА 3. Великие Чети Минен Всероссийского митрополита Макария

Между собирательными трудами митрополита Макария первое место, несомненно, принадлежит его Четиим Минеям, именуемым по своей необычайной обширности «Великими»¹⁰⁹. Они справедливо почитаются одним из драгоценнейших и богатых памятников древнерусской письменности как по богатству и разнообразию собранных в них произведений, так и по влиянию их на развитие литературного движения, характеризующего век митрополита Макария.

Мы уже имели случай выше указать на исторические условия развития русского общества, с которыми тесно связано происхождение Макарьевских Четиих Миней. Но, чтобы совершенно понять ту сторону литературной деятельности митрополита Макария, которая выразилась в составлении такого колоссального сборника, каким являются его Четиим Миней, нужно рассматривать ее непременно при свете двух условий: во-первых, тех нужд в образовательных средствах, которые действительно имел древнерусский книжник, и, во-вторых, общего характера всей древнерусской литературы, и в частности литературы XVI в.

Жизнь древнерусского человека исчерпывалась кругом церковной жизни, близко соприкасаясь с ее ежедневными отправлениями; все высшие интересы общества

были тесно связаны с Церковью, ее учением и историческими воспоминаниями, а потому, естественно, чувствовалась сильная потребность в чтении таких книг, которые служили бы этим интересам и соприкасались с церковною жизнью. Но состояние тогдашней письменности было таково, что представляло для грамотного человека непреодолимые затруднения при его настроенности следить по книгам за кругом церковной жизни и черпать из них назидание для своей души. При отсутствии до середины XVI в. типографского искусства медленный способ распространения сочинений путем переписывания делал списанные экземпляры очень дорогостоящими и сравнительно редкими, но и те книги, которые существовали, были разбросаны по частным рукам или библиотекам, совершенно недоступным для народного пользования. По сохранившимся до нас сведениям, наши предки владели такими богатыми библиотеками, как великокняжеская, которая привела в восторг прибывшего из-за границы в Россию образованного Максима Грека¹¹⁰.

Эту библиотеку, тщательно хранимую под каменными сводами, великие князья Василий Иоаннович и Иоанн Васильевич IV показывали иногда как диковинку иностранцам, но затем вновь запирали все книги под спуд и, таким образом, оставляли их как мертвый капитал без всякого употребления¹¹¹. Не менее богатые книжные сокровища были сложены в монастырских библиотеках; таковы библиотеки Корельского Николаевского монастыря¹¹², библиотека Иосифова Волоколамского монастыря¹¹³. Известны также сохранившиеся доселе некоторые рукописи XV и XVI вв., принадлежавшие библиотекам Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей¹¹⁴. Но и эти монастырские книгохранилища оставались также недоступными для белого духовенства и мирян¹¹⁵. Правда, возможность последовательного и систематического чтения еще в весьма древнее время облегчалась у нас посредством таких календарных сборников, какими были Чети Миней, предоставлявшие русскому книжнику в строгом порядке известный круг чтений на каждый день годового церковного круга. Но по богатству и широте содержания первенство между этими Минеями, бесспорно, принадлежит Великим Четиим Минеям митрополита Макария. Это такой труд, который действительно не заставлял древнерусского человека разбрасываться по различным книгохранилищам для приискания душеполезного чтения, так как он заключал в себе собранными все святыя книги, «которые в Русской земле обретаются»¹¹⁶. Два списка Макарьевских Четиих Миней были положены для всеобщего пользования в двух центральных пунктах земли Русской — в Новгородском и Московском соборах — и, таким образом, заменили собою недоступные библиотеки при великокняжеском дворце и монастырях. Поэтому архиепископ Филарет совершенно справедливо называет сборник митрополита Макария «целою библиотекою книг»¹¹⁷.

Сам митрополит Макарий ясно высказывает предназначение своего сборника для всего русского общества в своем «Летописце», или вкладной записи, приложенной в начале каждого месяца Успенского списка его Четиих Миней. Угрожая Божеским и человеческим судом каждому, кто дерзостно осмелился бы похитить Чети Миней, положенные для хранения в Московский Успенский собор, митрополит Макарий одобряет и хвалит тех любителей духовного просвещения, которые с благословения духовного начальства пожелаля бы взять эти книги для прочтения. «А кто сия святыя книги приемлет, по благословиению святительскому, и с страхом Божиим и с великим вниманием прочтает на душевную пользу себе же и слышашим, и той от Бога благословен будет и сугубу мзду от Него восприимет не токмо zde, но и в будущей век, по божественному Апостолу, иже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не възде, яже уготова Бог любящим Его, иже с страхом и с вниманием почитающим

сия святых книги»¹¹⁸. Как попечительный пастырь, заботящийся о духовно-нравственной пользе своих пасомых, митрополит Макарий составляет свой беспримерный сборник для того, чтобы каждый православный русский мог извлечь из него необходимое для себя назидание. Любовь к литературно-собираательной деятельности для митрополита Макария не определяла задачу сборника сама по себе: в этом случае он имел в виду еще известный круг читателей, главным образом из белого духовенства и мирян. «И те святых великия книги, — говорит митрополит Макарий в том же «Летописце», — дванадесять Миней Четиих дал есмь Пречистой Богородице в дом и великим чудотворцем Петру и Алексию и Ионе в святую соборную церковь Успения Пресвятыя Богородица Руския митрополия, на память своей души и по своих родителей в вечный поминок, и по себе настоящим святейшим митрополитом всеа Руси в душевную ползу, и прочим церковником, священным иереем, и архидиаконом, и протодиаконом, и диаконом, и чтецом, и певцом, и всем православным христианом, приемлющим сия святых книги»¹¹⁹. С другой стороны, появление такого огромного сборника, как Четии Миней, на составление которого митрополит Макарий положил десятки лет, не есть литературный анахронизм, совершенно не имеющий основания в общем направлении нашей древнерусской литературы — оно обуславливается общими взглядами того времени на характер, объем и задачи просвещения.

По взгляду древнерусских книжников, сфера всего просвещения, всех человеческих знаний заключается только в широкой области «божественных писаний», к которой предшественник митрополита Макария митрополит Даниил относил весь круг церковной письменности¹²⁰ с ее книгами не только каноническими, истинными, но и апокрифическими, отреченными. Этот религиозно-практический характер просвещения не допускал свободного проявления испытующей мысли человека; они сковывали его умственную деятельность авторитетом этих «божественных писаний» и понуждали его не только мыслить сообразно с теми идеями, каких держалось общество, но даже и выражать их теми же словами, какими они уже выражены были раньше в произведениях, авторитет и значение которых в древнерусском обществе установлены были, так сказать, исторически, веками. Этот взгляд на область «божественных писаний» как на область неизменных, неприкасаемых истин, естественно, сообщал всем современным литературным трудам сборный, компилятивный характер. Значение их оценивалось не с точки зрения свежести, силы и убедительности излагаемых в них мыслей, но с точки зрения их соответствия или несоответствия издавна принятому и установленному кругу литературных руководств. Всякая более или менее свободная и независимая от установившихся временем авторитетов деятельность ума, обозначавшаяся в то время характерным названием «мнения», даже «проклятого» мнения, безусловно отвергалась¹²¹. Известно из истории, какую бурю в русском обществе всегда вызывало высказывание даже самых безобидных мнений со стороны лиц, отличавшихся пытливым умом. Прекрасной характеристикой в этом отношении может служить история Московских Соборов по поводу новых появившихся ересей¹²². Поэтому все древнерусские книжники, связанные в своих суждениях авторитетом «божественных писаний», не осмеливались называть какие бы то ни было суждения своими; изречения, взятые из книг Священного Писания, святоотеческих творений, из сочинений церковно-богослужебного характера, из патериков, подвижнических сказаний и даже из сочинений апокрифических и подложных, заменяли живую мысль древнерусского человека. Поэтому, чтобы не прослыть в обществе за еретиков, древнерусские писатели при высказывании известных мыслей делали свод выдержек из разнообразных памятников тогдашней литературы¹²³. К этой безопасной литературной форме, так сказать, обеспечивавшей чистоту православных взгля-

дов, прибегали все лучшие духовные писатели эпохи XVI в., особенно из партии иосифлян, на стороне которой, кроме митрополита Макария, был такой солидный деятель-литератор, как митрополит Даниил. В своем обширном сочинении «Сборник», само уже название которого показывает его характер и степень самостоятельности, во введении митрополит Даниил прямо заявляет, что он «не от себя сие написал, но от Божественных писаний собрал»¹²⁴. Сами представители такого просветительского направления в Древней Руси, которое отличается господством более живого и рационального направления в умственной деятельности, направления, данного преподобным Нилом Сорским, и те уступали литературным требованиям времени. Вассиан Патрикеев пишет «Собрание на Иосифа от глав Никона Черногорца», «Собрание от разных книг» против Иосифа Волоцкого, «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания»¹²⁵. Таким образом, отсутствие авторской самостоятельности, компиляция составляют отличительные особенности, сообщающие произведениям ту типическую литературную форму, которая могла выработаться на началах книжного просвещения и которая очень хорошо определяется словом «сборник». Отсюда и великие Четии Минеи, этот колоссальный сборник древнерусской письменности, по своему характеру не только не стоят в противоречии с трудами современников митрополита Макария — напротив, они особенно ярко и типично выражают господствовавшее тогда литературное направление. Они наглядно показывают тот крайний предел, до которого должно было дойти развитие русской письменности в обществе, воспитавшем себя на авторитетах, чуждавшемся живых и оригинальных «мнений», как ереси, и подводившем только итог тех суждений, которые издавна передавались в «божественных книгах». Один исследователь литературной деятельности митрополита Даниила верно указывает отношение его «Сборника» к Четии Минеям митрополита Макария. «Указанная митрополитом (Даниилом) литературная форма (сборника) оставила после себя место только для одного собрания в одно целое, компактнее всего того, что существовало в церковной письменности в наличности и в разбросанном виде, что, конечно, не может быть признано особой или даже вообще литературной формой, а скорее механическим трудом переписчика». «Действительно, — говорит тот же исследователь дальше, — попытку собрать воедино все важное в церковной письменности сделал не кто другой, как современник, совоспитанник и преемник Даниила по должности, именно митрополит Макарий в своих великих Минеях Четиих»¹²⁶. Митрополит Макарий завершил тот путь, которым шла до его времени древнерусская литература; он довел ее эклектическое направление до того крайнего пункта, дальше которого оно не могло пойти. Если митрополит Даниил и собирал свой «Сборник» «от божественных писаний», если Вассиан Патрикеев писал «Собрание на Иосифа от глав Никона Черногорца», «Собрание от разных книг» и т. п., то митрополит Макарий, не удовлетворяясь этим, собрал «все святые книги, которые обретаются в Русской земле». В больших размерах действительно нельзя выразить тот принцип, которому служила наша древнерусская литература.

Макарий, еще будучи Новгородским архиепископом, приступил к выполнению своей смелой задачи: собрать в свои Четии Минеи все сочинения, которые были известны в России в XVI в., и, поместив их в двенадцати книгах, по числу двенадцати месяцев, предложить во всеобщее употребление. «А писал есми сиа святыя великия книги в Великом Новгороде, как есми тамо был архиепископом»¹²⁷. Софийская, Вязицкая, Отенская и, вероятно, многие другие новгородские библиотеки открывали возможность совершить это предприятие. Мы не знаем подробно тех внешних обстоя-

тельств, при которых шла в Новгороде работа над составлением великих Четиих Миней. Нам известны только необыкновенная энергия собирателя, с которой он относился к своему полезному делу и о которой он сам свидетельствует в так называемом «Летописце», или вкладной записи, приложенной им к каждому месяцу сохранившегося до нас в полном виде Успенского списка Миней. Знаменитый Новгородский архипастырь, движимый усердием к духовному просвещению отечества, не щадил материальных средств для приобретения необходимых книжных списков и для составления целого штата писцов. «А писал есми и собирал и в едино место их совокуплял дванадесять лет многим именован и многими различными писари, не щедя сребра и всяких почестей»¹²⁸. До какой степени митрополит Макарий был занят делом книжного собирания в один большой сборник, в частности собирания статей русского происхождения, на это указывает один агиобиограф. По словам иеромонаха Илии, «изрядное дело поискати святых жития» день и ночь занимало архиепископа в Новгороде¹²⁹. Благодаря таким неустанным трудам Макарий за свою бытность в сане Новгородского архиепископа успел приготовить свой первый список Четиих Миней в двенадцати книгах и пожертвовать его в Новгородский Софийский собор уже в последний год своего архиепископства (1541), незадолго до избрания Московским митрополитом (19 марта 1542 года). Об этом мы узнаем из вкладной записи архиепископа Макария, сохранившейся при трех книгах новгородских Четиих Миней – сентябрьской, октябрьской и майской¹³⁰. «В лето 7040 девятое, во Христолюбивое царство святейшего царя и государя великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца и господаря нашего, в первое же надесятое лето от рожества его се яз смиренный Макарие, архиепископ Богоспасаемых градов Великого Новаграда и Пскова, дал есми сию святую великую книгу Минею Четию месяц сентябрь и прочих дванадесяти Миней Четиих во святую великую и соборную церковь святых София неизреченных Премудрости Божия того же преславушаго Великого Новаграда, в шестоенадцатое лето святительства и паствы своего смирения, на память своей души и по своих родителех в вечной поминак»¹³¹.

Двенадцать лет трудился Макарий над исполнением своего предприятия в Новгороде. Он сам извещает об этом читателей в предисловии, или «Летописце» 1552 года, находящемся при Успенском списке, который появился уже в бытность Макария в Москве Всероссийским митрополитом: «А писал есми и собирал и в едино место совокуплял дванадесять лет». В остальных списках – Софийском и так называемом Царском – этого указания на двенадцатилетний срок работы Макария над составлением Четиих Миней нет¹³². Но это не значит, что известие о двенадцатилетней работе Макария имеет отношение к Успенскому списку, при котором оно помещено. Преосвященный Макарий и проф. В. О. Ключевский уже давно высказали свое мнение о смысле этого известия; за ними следовали все, кто только касался вопроса об исторических обстоятельствах происхождения Четиих Миней, и нам остается только повторить чужие выводы. Митрополит Макарий, как заметили указанные исследователи, в своем «Летописце» определяет время составления одного только Софийского списка. «Из вкладной, – говорит В. О. Ключевский, – приложенной к Новгородскому списку Миней, видно, что в 1541 году этот список в составе 12 книг был окончен и подарен архиепископом Софийскому собору; июльская же книга этого списка, как видно из приписки в конце ее, начата и кончена в 1538 году»¹³³. Отсюда В. О. Ключевский, отсчитывая на основании заметки о времени составления июльской книги приблизительно по одному году для составления каждой из прочих книг, приходит к тому выводу, что работу над Минейми митрополит Макарий предпринял в 1529–1530 гг.¹³⁴ Таким образом, митрополит Макарий на составление одного только Софийского списка в Новгороде положил целых 12 лет (1529–1541 гг.).

«Но известие вкладной записи 1552 года о 12-летнем труде митрополита Макария над Минеями в Новгороде не совсем точно определяет ход их составления». Дело в том, что 1541 годом Макарий не завершил своей работы над Минеями. Положив один список в Софийском соборе в Новгороде, он продолжал заниматься тою же работой в Москве в сане Всероссийского митрополита, составляя новую, более полную редакцию Миней сравнительно с Софийской редакцией. Результатом этой дальнейшей работы было появление двух новых списков Миней, из которых один, так называемый Успенский список в 1552 году был пожертвован митрополитом Макарием в Успенский собор, а другой, называемый Царским, как догадываются исследователи был поднесен тогда же царю Иоанну Васильевичу¹³⁵. Эти списки, в общем сходные между собою, как увидим ниже, не были повторением Новгородского. Кроме того, что в них по местам статьи расположены в другом порядке, а некоторые статьи из одних месяцев перенесены в другие, в этих списках оказывается много книг и сочинений, которых нет в Новгородском¹³⁶. Таким образом, период времени, в продолжение которого Макарий работал над составлением своих Четиих Миней, нужно определять в крайнем случае между 1529—1530 и 1552 гг., т. е. Миней готовились более 20 лет. Но по некоторым основаниям можно думать, что отдельные статьи заносились в Четии Миней и после 1552 года. В октябрьской Минее по Царскому списку, где помещена книга Апостол с толкованием, в подписи на л. 638 значится, что эта книга писана в Новгороде с рукописи Отенского монастыря для царя Иоанна Васильевича и окончена в мае 1554 года¹³⁷. В этом же году, 22 ноября, как уже нам известно, новгородец Мокий окончил переписывание Киево-Печерского Патерика для майской Миней. Правда, второй, Московский экземпляр Миней предназначался специально для самого царя, готовился по его личному желанию и приказанию и, несомненно, на его средства; но не может быть, чтобы митрополит Макарий не принимал личного участия в изготовлении Царского списка. Близко заинтересованный в этом деле, которому он посвятил много лет и сил, он не мог не следить за работой над новым, Московским списком так же, как и раньше. Это показывает отчасти некоторая разница между обоими Московскими списками в порядке и составе произведений, разница, несомненно обнаруживающая руководственные указания какого-то лица¹³⁸. Мог ли быть этим лицом другой, кроме митрополита Макария?

Такова внешняя история происхождения Четиих Миней, составленных упорными трудами митрополита Макария в двух различных редакциях — Софийской и Московской¹³⁹. Посмотрим, насколько существенна разница между ними, чтобы составить себе более полное понятие о характере и сравнительном объеме работы митрополита Макария в Новгороде и Москве.

По своему внутреннему характеру Новгородские Четии Миней, разумеется, сходны с Московскими Успенского собора. В составе тех и других под каждым числом месяца находятся произведения и статьи одинакового содержания. Новгородский список, как показывают «Заметки о Новгородских Макариевских Четиих Минеях» Преосвященного Макария¹⁴⁰, отличается от Московских более в количественном отношении. Это можно заметить уже по самому количеству листов в тех и других. В Московских — во всех почти месяцах вдвое, а иногда и втрое больше листов, чем в Новгородском¹⁴¹. Такая разница в объеме произошла оттого, что Софийские Четии Миней содержат в себе не так много больших книг, которые находятся в Московских. Укажем частные взаимные отличия тех и других.

Сравнивая содержание Новгородских и Московских Четиих Миней, Преосвященный Макарий в Новгородских Четиих Минеях находит статьи, которые под теми же

числами месяцев не находятся в Московских. Так, в Новгородских помещены: под 14 октября – Житие блаженного Константина Философа, «первого наставника словенску языку», и под 26 октября – слово похвальное св. Димитрию Солунскому архиепископа Григория (Цамблака). В Московских Четиих Минеях этих статей нет под указанными числами¹⁴²; но несравненно более мы видим таких статей, и статей важных, которых недостает в Новгородских Четиих Минеях сравнительно с Московскими. Так, в Новгородских не находятся следующие статьи, помещенные в Московских: под 1 сентября – слово о Иисусе Навине, книге Судей Израилевых, о Гедеоне пророце, о Сампсоне, о Руфи; под 9 сентября – книга игумена Иосифа Волоцкого; под 20 июня – книга Мефодия, епископа Патарского, «О вещи и самовластве» и проч., два послания Никифора, митрополита Киевского, к князю Владимиру; под 29 июня – слово святым апостолам Петру и Павлу Григория монаха, пресвитера (Цамблака); под 30 июня – Апостол, собрание его слов, Златая цепь, Пчела¹⁴³. Уже одного этого перечня достаточно, чтобы понять количественную разницу материала, содержащегося в Новгородском и Московских списках Четиих Миней. Новгородский список – это результат двенадцатилетней работы над Минеями, работы, далеко не законченной, которая продолжалась почти столько же лет и после, на митрополичьей кафедре в Москве. Поэтому неудивительно, что Московские списки сравнительно с первым, Новгородским оказались гораздо полнее по своему содержанию. Они оказались исправнее его даже и по своему внешнему виду. Вот что сообщает Преосвященный Макарий о внешнем виде Новгородских Четиих Миней: «Книги писаны разными руками и почерками, на отдельных тетрадах, которые потом сложены и переплетены вместе, различаясь нередко и качеством, и величиною бумаги. Есть страницы и целые листы вовсе не писанные, есть страницы недописанные и есть писанные, но зачеркнутые. Встречаются статьи только начатые или доведенные до половины, но неоконченные, и другие, впрочем, небольшие, которые написаны по два раза»¹⁴⁴. Уже из этих замечаний видно, что Макарий, будучи Новгородским архиепископом, несмотря на то что не щадил ни трудов, ни богатств на интересовавшее его литературное дело, мог только приготовить, по выражению Преосвященного Макария, список «как бы черновой и первоначальный»¹⁴⁵. Полноту содержания и внешний исправный вид он успел придать своему сборнику только в Москве.

Во-вторых, в Московских Четиих Минеях мы видим памятники, которые впервые появились на свет уже после 1541 года, когда были закончены Софийские Миней. Это – русские Жития Александра Свирского, Иосифа Волоцкого, Павла Обнорского, Евфросина Псковского, Александра Невского, митрополита Ионы, из которых первое, по выводам В. О. Ключевского, написано в 1545 году, второе – не раньше 1545, третье – не раньше 1546, остальные – в 1547 году¹⁴⁶.

В-третьих, разница между обеими редакциями Четиих Миней, хотя и несущественная, наблюдается в порядке размещения статей. В Московских Минеях под каждым числом месяца на первом месте стоит Пролог, за ним следуют Жития, слова, различные сказания и т. п., и все это заключается еще вторым Прологом; в Новгородских же Минеях помещается только один Пролог, в конце каждого числа «с стихами тем же святым, а иногда и без стихов»¹⁴⁷.

Наконец, обращает на себя внимание еще одна маленькая разность, именно та, что самая вкладная запись в Новгородских Минеях гораздо короче сравнительно с помещенною при Московском Успенском списке и не содержит в себе тех любопытных сведений ни о составе Четиих Миней, ни о трудах над ними митрополита Макария, которые мы читаем в «Летописце» Успенского списка.

Но всех этих общих заметок недостаточно для ознакомления с содержанием и характером Макарьевских Четиих Миней. Между тем это ознакомление необходимо, с одной стороны, для характеристики образованности митрополита Макария, которая должна была выразиться в характере и составе изготовленного им сборника; а с другой стороны, изучение Четиих Миней само по себе, без отношения к личности митрополита Макария, имеет весьма большой научный интерес, так как этот сборник, представляя собой монументальную энциклопедию древнерусской письменности, наглядно знакомит нас с наличным письменным богатством древнерусского человека.

Уже достаточно одного филологического разбора названия «Четии Миней», чтобы определить их содержание и характер. Название «Четии Миней» — сложное, состоящее из двух слов: славянского (от глагола «чѣсти» — читать)¹⁴⁸ и греческого (от прилагательного μηνιον βιβλιον с подразумеваемым существительным, означающего «месячник», «месячная книга»)¹⁴⁹. Церковнославянское «чѣтии» есть остаток причастия страдательного залога будущего времени и означат то, что будут читать или что должно читать) (legendus)¹⁵⁰. Отсюда Четии Миней есть сборник известных статей, предлагаемых православным для чтения на каждый день месяца и сообразно с этим расположенных по числам. Поэтому справедливо выражается один исследователь Мимотинских Миней, что Четии Миней служили для русских в свое время тем же, чем в наше время служат газеты и журналы¹⁵¹. Но, несмотря на то что понятие о чтении само собою соединяется с понятием о каждой книге, не все произведения древнерусской письменности называются «четиями», т. е. приличными для чтения всякому православному христианину. Это название, по терминологии древнерусских людей, соответствовало только книгам святым и поучительным для каждого христианина. Книги судебные, расходные и т. п. имели свой круг читателей, но не носили названия «четиих» в указанном смысле. «Четия» — это книга, преимущественно назначенная для чтения; она не имеет специального круга читателей, ее должны и могут читать все православные христиане, так как нравственно-назидательный элемент в ней выступает на первый план; отсюда неудивительно, что некоторые рукописи, содержащие в себе только одно Житие, называются «четиими»¹⁵². Обязательная необходимость этого рода чтений определялась церковно-религиозным характером жизни древнерусского человека, его духовно-нравственными запросами. Каждый вновь наступавший день прежде всего напоминал древнерусскому человеку память известного святого или церковноисторического события. И в самом деле, древнерусский человек так привык жить церковными воспоминаниями, приуроченными к каждому дню, что они служили для него как бы живыми уроками, помогавшими ему ориентироваться в своих собственных личных воспоминаниях. Так, например, писатель Остромирова Евангелия отмечает срок своего письменного труда в таких выражениях: «Почах писати месяца октября 21 на память Илариона, а окончах месяца маиа 12 на память Епифана»¹⁵³. Отсюда совершенно понятно, какого материала для ежедневного чтения требовал для себя древнерусский книжник. Это прежде всего Жития святых, составлявшие самый первый и необходимый отдел во всех наших Минейях, изложение истории праздника и разные похвальные и торжественные слова в честь святых или по поводу празднуемых церковных событий. Таково действительно и было исключительное содержание всех домакарьевских и даже послемакарьевских Миней¹⁵⁴. Это в собственном смысле минейное содержание, дающее на каждый день месяца душеполезное чтение для каждого христианина, составляет также необходимый отдел в Макарьевских Четиих Минейях. Обратим внимание прежде всего на этот отдел как самый типичный для Миней¹⁵⁵.

Общее содержание собственно минейной части в сборнике митрополита Макария указывается в нем самом, в заглавии сентябрьской книги: это сказание о жизни и мучении святых: «Книга глаголема Миней Четия. Сказание и страдание святых апостол, и пророк, и святителей, и мученик, и мучениц, и преподобных отец, Богу угождавших муж и жен, терпения и страсти и исправления, от обоюнадесяте месяца, собрание святых всего лета, отгде и койждо изыде, и где родися, и кими леты, или мучения ради или пошения деля, кайждо венец приал есть, или труда ради, или милостыни творением кийждо их Христа умилостиви себе и в местех райских водворяются зачало сотворих о Бозе и яже з Богом попочинаем»¹⁵⁶. Но, кроме сказаний о житиях святых, в Макарьевских Минеях по примеру всех других Миней необходимое содержание минейного отдела составляют также «праздничныя слова и похвалныя слова»¹⁵⁷. Таким образом, в Макарьевские Четии Миней прежде всего вошли те произведения, которые издревле составляли любимейшее чтение древнерусского человека. Это агиологические и нравоучительные произведения, входившие в состав древнерусского Пролога, Четиих Миней, сборников Житий и поучений, Торжественников и т. п.

Так как в Макарьевских Четиих Минеях на первом плане везде стоят проложные статьи, нередко повторяющиеся, то можно сказать, что первоначальной задачей составителя Четиих Миней было сделать свод различных редакций Пролога, или, правильнее сказать, синаксария¹⁵⁸. И это нельзя не признать естественным, зная содержание и состав древнерусского Пролога. Архиепископ Филарет указывает «четыре рода славянских синаксарий: одни, самые древние, только с Житиями святых; другие, кроме Житий, содержат поучения и краткие стихи; в третьих – Жития и поучения; в четвертых прибавлены Жития русских святых, сперва немногих, а потом, в XVI в., уже многих»¹⁵⁹. Другой исследователь, проф. Н. И. Петров, в своем исследовании о Прологе указывает на так называемые полные Прологи¹⁶⁰. Эти полные Прологи, расширяясь до пределов энциклопедии, заключали в себе краткие Жития и памяти вселенских и русских святых, назидательные повести религиозно-нравственного содержания и характера из восточных и западных патериков и, наконец, нравственные поучения и торжественные слова¹⁶¹. Таким образом, неудивительно, что митрополит Макарий при составлении своего сборника поспешил прежде всего воспользоваться тем богатым агиологическим материалом, который помещался в наших древнерусских Прологах. В основание Четиих Миней легли два Пролога: 1) Пролог, который архимандрит Сергей называет Прологом второй, полнейшей редакции, или перифраза, месящеслова, несправедливо приписываемого императору Василию Македонянину, и 2) стихшой¹⁶². Эти Прологи и послужили канвой, в которую вставлены были другие произведения духовной литературы, относящиеся к памяти разных святых, празднуемых Церковью; все это вместе и составило тот обширный минейный отдел, до которого не возвысился ни один Пролог, ни одна из Четиих Миней домакарьевского состава.

То, что было собрано митрополитом Макарием в круг минейного отдела, расположено в Четиих Минеях под каждым числом месяца в особом порядке. Здесь сначала идет первый Пролог, заключающий в себе обычные проложные статьи: краткие сведения о житии или мучении святого, о дневном празднике и разные мелкие статьи назидательного чтения, но относящиеся к дневному празднику; затем следует отдел, куда помещались, по словам Преосвященного Макария, более или менее подробные Жития и такие же повествования об открытии мошей, предполагавшиеся в сборниках Житий и переписывавшиеся отдельно, похвальные слова святым, слова учительные, торжественные на разные праздники Господские, Богородичные

и святых, предлагавшиеся в Торжественниках, в сборниках поучений и других подобных книгах¹⁶³, в заключение же дневного чтения под каждым числом месяца предлагается второй Пролог.

Прежде всего что касается двух Прологов, то второй Пролог отличается от первого тем, что перед краткими проложными известиями имеется еще «стих»¹⁶⁴. Иногда в этом втором Прологе помещается один стих без проложного сказания; это бывает в том случае, когда о святых ничего неизвестно, кроме рода их кончины, изображаемого в первой строке перед стихом, где указываются памяти и имена святых¹⁶⁵; а также и наоборот, стих не всегда здесь предшествует проложному сказанию¹⁶⁶.

Стих, насколько можно судить по образцам, заключающимся в изданных Четиих Минеях, есть фигурально выраженное, краткое известие о роде смерти святого или о каком-либо его подвиге с присоединением иногда указания на небесную награду как следствие добродетельного подвига или на какое-нибудь нравственное свойство святого и проч. Фигуральность выражения, допущенная, вероятно, в целях облегчить для памяти усвоение известия о святом, состоит большею частью в игре словом, обозначающим имя или звание святого; от этого имени и звания и берутся преимущественно мысли для стиха¹⁶⁷.

Наконец, в начале второго Пролога, внесенного в Четиих Миней, обращает на себя внимание еще одна особенность, а именно предисловие, которое извещает о составителях Пролога¹⁶⁸. В этом предисловии повествуется, что многие, «философиею велми возсиавше», старались описать отечество, житие и кончину «на всяк день поминаемых святых», но все эти попытки жизнеописателей не имели успеха, так как они изложили свои описания «не по составу, не по чину, смятено и неподобно». В противоположность этим трудам здесь восхваляется труд священника Или. Он изучил все книжные сказания и древние писания о святых; не оставил без исследования писания ни об одном месте восточном и западном, в которых прославились святые, и все это изложил по чину в книгах сих. В конце предисловия указывается имя последнего собирателя Пролога: «Се же преложение пространно написано в память их бысть Симеоном священником, иже всеблагочестне живуша, и молимся за нь»¹⁶⁹.

Кроме двух Прологов, в состав Макарьевских Четиих Миней вошли еще многие восточные и русские Жития святых, а также весьма богатый отдел похвальных и учительных слов.

При рассмотрении того обширного агиологического и нравоучительного материала, какой мы видим в Макарьевских Минеях, основным вопросом, несомненно, является вопрос о тех источниках, из которых митрополит Макарий черпал указанный материал. Таким источником из целого ряда рукописных книг прежде всего служили Четиих Миней домакарьевского состава. Посмотрим, в какой мере пользовался ими митрополит Макарий.

Мы не будем здесь производить детального сравнения Макарьевских Миней с другими, известными нам по описаниям домакарьевскими Минеями. Отчасти это сравнение (хотя, нужно признаться, не везде полное) произведено архимандритом Сергием¹⁷⁰. Мы ограничимся здесь перечнем прежде всего тех статей восточного происхождения, которых не оказывается в существовавших до времени митрополита Макария древнерусских Четиих Минеях, для того чтобы видеть, в какой степени он изменил внутренний состав этих Миней.

В Макарьевских Четиих Минеях в первый раз появляются следующие житийные и гомилетические произведения:

СЕНТЯБРЬ¹⁷¹

- 1-е число – Три поучения, переведенные с греческого¹⁷².
 4 – Мучение священномученика Вавилы.
 5 – Слово о рождестве Иоанна Предтечи и о смерти отца его Захарии¹⁷³.
 6 – Слово похвальное св. великому архангелу Михаилу, по некоторым указаниям принадлежащее Михаилу, епископу Синадскому, а по другим – Пантолеону, диакону константинопольскому (перевод Максима Грека)¹⁷⁴.
 9 – Слово на благовещение Иоакима и Анны – Иоанна Мниха (Евбейского, жившего в середине VIII в.)¹⁷⁵; еще похвальное слово Козьмы Веститора¹⁷⁶.
 13 – Житие св. мученика Варипсава¹⁷⁷; Евфимия, патриарха Терновского, повесть об обновлении храма Воскресения¹⁷⁸ и поучение в Неделю пред Воздвижением¹⁷⁹.
 14 – Несколько дополнительных слов на Воздвижение Креста Господня¹⁸⁰.
 15 – Мучение св. Никиты, составленное Симеоном Метафрастом¹⁸¹, и похвальное слово св. Никите – Аркадия, архиепископа Кипрского (конец VI в.)¹⁸².
 26 – Два слова в день св. Иоанна Богослова, лишних сравнительно с Академическим списком¹⁸³.

ОКТАБРЬ¹⁸⁴

- 2 – Житие св. Андрея Юродивого¹⁸⁵.
 3 – Мучение св. Дионисия Ареопагита, написанное Симеоном Метафрастом¹⁸⁶.
 6 – Похвальное слово св. апостолу Фоме¹⁸⁷.
 17 – Мучение св. Гликерии¹⁸⁸ и мучение свв. Хрисанфа и Дарии¹⁸⁹.
 18 – Св. апостола и евангелиста Луки о послании Авгаря к Иисусу¹⁹⁰ и два похвальных слова апостолу Луке¹⁹¹.
 26 – Поучение на память св. мученика Димитрия¹⁹².

НОЯБРЬ¹⁹³

- 1 – Слово похвальное св. бессребрникам Косме и Дамиану и поучение на их память¹⁹⁴.
 8 – Пантолеона диакона сказание чудес Михаила Архистратига¹⁹⁵.
 9 – Мучение свв. Тимофея и Мавры¹⁹⁶.
 13 – Поучение св. Иоанна Златоуста¹⁹⁷; сказание Георгия о житии св. Иоанна Златоуста¹⁹⁸; слово св. Иоанна Златоуста¹⁹⁹; слово Анастасия Синайского²⁰⁰; Житие св. Таисии²⁰¹.
 14 – Похвальное слово на память св. апостола Филиппа²⁰²; усение св. Григория, архиепископа Солунского (синаксарь на 2-ю неделю св. Четырдесятницы, в Триоди Постной)²⁰³.
 16 – Похвальное слово св. апостолу Матфею²⁰⁴; чудо св. Евгения о змии²⁰⁵.
 17 – Житие препп. Варлаама и Иосафа царевича²⁰⁶.
 21 – Четыре поучения на Введение Пресвятой Богородицы²⁰⁷.
 25 – Житие Климента, епископа Римского²⁰⁸; похвальное слово священномученику Клименту²⁰⁹.
 29 – Житие св. Стефана Исповедника, приписываемое Симеону Метафрасту²¹⁰.
 30 – Мучение св. апостола Андрея (апокрифическое)²¹¹.

ДЕКАБРЬ²¹²

- 4 – Два слова с именем св. Иоанна Дамаскина²¹³.
- 5 – Похвала Евфимию Великому и Савве Освященному²¹⁴.
- 6 – Житие Святителя Николая²¹⁵ и похвальное ему слово²¹⁶.
- 16 – Память св. царицы Феофании²¹⁷; сказание в Неделю св. праотец²¹⁸ и слово св. Иоанна Златоуста в эту Неделю²¹⁹.
- 17 – Мучение и похвала св. трех отроков²²⁰.
- 18 – Память св. Модеста, патриарха Иерусалимского²²¹.
- 19 – Книга и Житие св. Григория, епископа Омиритского²²²; поучение в Неделю пред Рождеством Христовым – Иоанна, патриарха Константинопольского²²³.
- 23 – 12-е Огласительное слово св. Кирилла Иерусалимского²²⁴.
- 25 – Несколько слов на Рождество Христово.
- 27 – Мучение св. архидиакона Стефана²²⁵; два похвальных слова св. Стефану Иоанна Златоуста (на самом деле Прокла) и Григория Нисского²²⁶.
- 30 – Мучение св. Зотика²²⁷.

ЯНВАРЬ²²⁸

- 1 – Житие св. Василия Великого, написанное Амфилохием Иконийским²²⁹.
- 4 – Мучение свв. Зосимы и Афанасия²³⁰.
- 5 – Житие преп. Павла Фивейского²³¹.
- 6 – 5 слов лишних сравнительно с Минеей Моск. Дух. академии.
- 7 – Слово Иоанна Златоуста на Собор св. Иоанна Предтечи²³².
- 10 – Житие преп. Маркиана²³³.
- 11 – Житие преп. Феодосия²³⁴.
- 13 – Поучение в Неделю по Крещении Филофея, патриарха Константинопольского²³⁵.
- 14 – Житие св. Саввы Сербского²³⁶.
- 15 – Житие преп. Иоанна Христа ради нищего²³⁷.
- 17 – Житие преп. Антония²³⁸.
- 25 – Житие св. Григория Богослова²³⁹.

ФЕВРАЛЬ²⁴⁰

- 2 – 5 слов лишних сравнительно с Академическим списком²⁴¹.
- 3 – Слово Амфилохия Иконийского²⁴².
- 11 – Житие Григория Синаита²⁴³.
- 24 – Слово на Обретение главы св. Иоанна Крестителя, лишнее сравнительно с Академическим списком²⁴⁴.

МАРТ²⁴⁵

- 20 – Мучение св. Фотины²⁴⁶.
- 25 – 5 слов на Благовещение Пресвятой Богородицы, новых сравнительно с Супрасльским и Академическим списками²⁴⁷.
- 26 – Житие преп. Василия Нового²⁴⁸.
- 27 – Житие преп. Исаакия²⁴⁹.

АПРЕЛЬ²⁵⁰

Апрельская Миней митрополита Макария в отделе восточных слов и Житий от известных нам Миней домакарьевского состава не отличается.

МАЙ²⁵¹

- 1 – Житие преп. Марка Афонского²⁵².
- 4 – Страдания св. мученицы Дросиды²⁵³.
- 6 – Сказание о св. мученике Варваре разбойнице.
- 8 – Похвальное слово св. Иоанну Богослову – Иоанна Златоуста²⁵⁴ и похвала св. Арсению – Феодора Студийского²⁵⁵.
- 10 – Страдания св. мученика Еразма²⁵⁶ и похвальное слово св. апостолу Симону Зилоту²⁵⁷.
- 11 – Житие преп. Исихия Чудотворца²⁵⁸.
- 22 – Мучение св. Василиска²⁵⁹.
- 28 – Житие преп. Филофеи²⁶⁰.
- 29 – Житие св. мученицы Феодосии²⁶¹.

ИЮНЬ²⁶²

- 7 – Мучение св. Фсодота Анкирского²⁶³.
- 8 – Мучение св. Феодора Стратилата²⁶⁴.
- 21 – Повесть о св. мученике Мираксе²⁶⁵.
- 24 – Несколько слов на Рождество св. Иоанна Предтечи, лишних сравнительно с Академическим и Синодальным списками²⁶⁶.
- 29 – 1-е похвальное слово апостолам Петру и Павлу – Иоанна Златоуста²⁶⁷; похвальное слово Исихия, пресвитера Иерусалимского²⁶⁸.

ИЮЛЬ²⁶⁹

- 1 – Похвальное слово свв. Косме и Дамиану²⁷⁰.
- 8 – Мучение св. Прокопия Палестинского²⁷¹.
- 9 – Житие св. Феодора Едесского²⁷².
- 11 – Память св. мученицы Евфимии²⁷³.
- 16 – Мучение св. Антиоха²⁷⁴ и еще три слова о Вселенских Соборах (Первом, Втором и Четвертом)²⁷⁵.
- 20 – Похвальное слово пророку Илии, лишнее сравнительно с Академическим списком²⁷⁶.
- 21 – Мучение св. Иулиана²⁷⁷.
- 25 – Житие св. Евпраксии²⁷⁸.

АВГУСТ²⁷⁹

- 2 – Слово св. Лукиана пресвитера о перенесении мошей св. архидиакона Стефана²⁸⁰ и такое же слово св. Иоанна Златоуста²⁸¹.
- 5 – Мучение св. Евсигния²⁸².

- 6 – Два слова на Преображение Господне²⁸³.
 9 – Слово похвальное св. апостолу Матфею²⁸⁴.
 15 – Несколько слов на Успение Пресвятой Богородицы²⁸⁵ и сказание Епифания о житии и воспитании Пресвятой Богородицы²⁸⁶.
 16 – Слово о Нерукотворном образе²⁸⁷, слово о перенесении Нерукотворного образа²⁸⁸ и повесть Константина Порфирогенита²⁸⁹.
 21 – Похвальное слово св. ап. Фаддею²⁹⁰ и житие св. Аврамия²⁹¹.
 29 – 4 слова на усекновение главы Иоанна Крестителя²⁹².
 30 – Похвала св. Иринею²⁹³.
 31 – Похвальное слово на Положение пояса Пресвятой Богородицы²⁹⁴.

Вот перечень тех статей восточновизантийского происхождения, которых нет в сохранившихся до нас домакарьевских Четиих Минеях. Конечно, весьма важно было бы указать доподлинно книжные источники для всех этих статей. Но, не имея под руками необходимых средств, мы не можем даже с приблизительной точностью определить, откуда митрополит Макарий извлекал каждое из указанных агиологических и нравоучительных произведений²⁹⁵. Вообще же с несомненностью можно утверждать, что митрополит Макарий весь церковноисторический и гомилетический материал полной рукой почерпал из того богатого отдела древнерусской письменности, который был открыт для него в виде сборников Житий и поучений, Торжественников, т. е. сборников похвальных слов, а также отдельных списков Житий и т. п. Впрочем, весьма возможно и то, что некоторые из тех перечисленных выше статей, которых нет в указанных нами Четиих Минеях, были взяты митрополитом Макарием из каких-либо других списков Миней, неизвестных нашему времени. Что же касается сравнительно большого числа остальных агиологических произведений, вошедших в состав Макарьевских Миней, то все они есть в известных нам Минеях домакарьевского состава²⁹⁶. По большей части они помещены здесь под теми же числами месяцев, что и у митрополита Макария, и только некоторые, немногие из них, в большинстве случаев ошибочно²⁹⁷, находятся в Макарьевских Минеях под другими числами. Сам ли митрополит Макарий изменял существовавший до него порядок в размещении четии-минейного материала, или он имел под руками какой-либо другой неизвестный нам образец Четиих Миней, или же это было результатом редакторского недосмотра со стороны митрополита Макария при ошибочности переписчиков – неизвестно. Но трудно допустить, чтобы митрополит Макарий, этот, несомненно, отличный знаток ежедневных церковных служб, сознательно производил указанные ошибочные изменения церковного календаря. Более естественное объяснение все эти изменения находят в ошибках писцов, – ошибках, не усмотренных митрополитом Макарием в целой массе четии-минейного материала. Ясным доказательством этой мысли служит, между прочим, то обстоятельство, что все ошибочно перенесенные в Макарьевские Миней памяти святых приходятся преимущественно на соседние числа.

Русские агиологические произведения, по словам В. О. Ключевского, в сборнике митрополита Макария составляют незаметную группу²⁹⁸. Но тем не менее это очень интересная группа, так как она почти впервые появляется только в Макарьевских Четиих Минеях. Из общего числа (70–80) помещенных здесь Житий русских святых, похвальных им слов, различных сказаний о святых, о их мучениях, кончине, об открытии и перенесении их мощей и т. п. только 15 статей встречаются в других, домакарьевских Минеях, которые, быть может, и послужили для митрополита Макария литературным источником этих статей.

Таковы: сказание Пахомия о мученической кончине свв. Черниговского князя Михаила и боярина его Феодора (20 сентября)²⁹⁹; Пахомиева редакция Жития преп. Сергия Радонежского (25 сентября)³⁰⁰; Киприаново Житие св. Петра, митрополита Киевского и всея Руси (21 декабря)³⁰¹ и похвальное ему слово (24 августа)³⁰²; Житие славянского учителя св. Константина Философа (14 февраля)³⁰³; Житие свв. мучеников Литовских Антония, Иоанна и Евстафия (14 апреля)³⁰⁴; Спиридоновская редакция Жития препп. Соловецких Зосимы и Савватия (17 апреля)³⁰⁵; Епифаниево Житие св. Стефана, епископа Пермского (26 апреля)³⁰⁶; Житие преп. Феодосия Печерского (3 мая)³⁰⁷; Житие св. Дионисия Глушицкого (1 июня)³⁰⁸; похвальное слово этому святому³⁰⁹; Пахомиево житие св. Кирилла Белозерского (9 июня)³¹⁰; Житие св. Петра, царевича Ордынского (29 июня)³¹¹; сказание о мученичестве свв. Бориса и Глеба и похвала святым³¹².

Все остальные русские житийно-гомилетические произведения, вероятно, были заимствованы митрополитом Макарием из тех же источников, откуда были взяты и статьи восточного происхождения, отсутствующие в домакарьевских Минеях³¹³. Таковы: Житие Григория Пельшемского (30 сентября)³¹⁴; Житие св. Иоанна, архиепископа Новгородского (7 сентября)³¹⁵; похвальное слово Филолога черноризца св. князю Михаилу Черниговскому (20 сентября)³¹⁶; Епифаниево Житие преп. Сергия Радонежского (30 сентября)³¹⁷ и похвальное ему слово того же автора (25 сентября)³¹⁸; Антониева редакция Жития св. Феодора, князя Смоленского и Ярославского (19 сентября)³¹⁹; Житие св. Авраамия Ростовского (29 октября)³²⁰ и похвальное ему слово; Пахомиево Житие преп. Саввы Вишерского (1 октября)³²¹; Житие преп. Варлаама Хутынского (6 ноября)³²²; Житие св. Ионы, архиепископа Новгородского (5 ноября)³²³; сказание о св. Меркурии Смоленском (24 ноября)³²⁴; убийство св. великого князя Михаила Тверского (22 ноября)³²⁵; Пахомиево слово об открытии мощей св. митрополита Петра (24 августа)³²⁶; Житие св. Иоанна Казанского (24 января)³²⁷; Житие св. митрополита Алексия (12 февраля)³²⁸; похвальное слово свв. Кириллу и Мефодию (14 февраля)³²⁹; Пахомиево Житие св. Евфимия, архиепископа Новгородского (11 марта)³³⁰; Житие преп. Евфросинии Полоцкой (23 мая)³³¹; Житие св. Игнатия, епископа Ростовского (28 мая)³³²; Житие св. Исая, епископа Ростовского (15 мая)³³³; Житие св. Исидора, блаженного Ростовского (14 мая)³³⁴; Житие св. Леонтия, епископа Ростовского³³⁵, вместе со сказанием о мощах и похвалой святому (23 мая)³³⁶; Житие св. Никиты Переяславского (23 мая)³³⁷ с похвалой святому; Житие преп. Пафнутия Боровского (1 мая)³³⁸ с похвалой святому³³⁹; похвальное слово свв. Борису и Глебу (24 июля)³⁴⁰; Житие св. Киприана, митрополита Киевского (31 июля)³⁴¹; Житие преп. Авраамия Смоленского с похвалой святому (21 августа)³⁴².

Таким образом, агиологический отдел Четиих Миней в сравнении с домакарьевскими Минеями значительно пополняется новыми статьями как восточного, так и русского происхождения. Но этим не исчерпываются те дополнения во внутреннем составе Миней, которые были произведены митрополитом Макарием. Макарьевская Миней окончательно перевела на новый путь Миней Четию, завершив ее историю изменением самой идеи сборника, придав ей характер собрания «всех чтимых на Руси богослужебных книг».

На обширное содержание своих Четиих Миней указывает сам митрополит Макарий в «Летописце», или предисловии, к Успенскому списку. «И в тех Четиих Минеях, — говорит он, — все книги Четии собраны: святое Евангелие, четыре Евангелисты толковые, и святой Апостол, и все святые Апостольския послания и

деяния с толкованием, и три великия Псалтыри розных толковников, и Златоустовы книги, Златоуст и Маргарит и Великий Златоуст, и Великий Василий, и Григорий Богослов с толкованием, и великая книга Никонская с прочими посланными его, и прочия все святыя книги собраны, и написаны в них пророческия, и апостольския, и отеческия, и праздничныя слова, и похвалныя слова, и всех святых отец жития, и мучения святых мученик и святых мучениц, жития и подвизи преподобных и Богоносных отец, и святых преподобных жен страдание и подвизи, и все святыя Патерики написаны: азбучныя, иерусалимския, и египетския, и синайския, и скитския, и печерския и все святыя книги собраны и написаны, которые в Русской земле обретаются, и с новыми святыми чудотворцы»³⁴³. Таким образом, митрополит Макарий, насколько можно заключать из его же слов, задался целью расширить свой сборник до размеров энциклопедии, имевшей совместить в себе всю древнерусскую богословскую письменность. И в самом деле, кроме книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета, он внес в свои Четии Минеи целый отдел отеческой письменности, состоявший из творений многих отцов как Греческой, так и Русской Церкви. При этом митрополит Макарий не придерживался какой-либо особой системы в размещении священных книг; и здесь усматривается тот же минейный порядок, как и в размещении житийного и гомилетического материала. Помещая в день памяти известного святого его Житие, митрополит Макарий тут же помещал обыкновенно и все творения, принадлежавшие святому. Что же касается тех сочинений, авторы которых не были прославляемы Церковью, то одни из них помещались в дни памяти тех святых или церковных событий, к которым могло иметь ближайшее и непосредственное отношение содержание этих сочинений, а другие в виде приложений вносились под последние числа месяцев.

Священнобиблейские книги, какие только помещены в Макарьевском сборнике, почти все, за исключением немногих, приурочены к тем числам, когда Православная Церковь воспоминает в своих службах их святых авторов.

Из книг Ветхого Завета митрополит Макарий книгу Иова поместил под 6 мая, когда празднуется память этого ветхозаветного мужа³⁴⁴. По замечанию архимандрита Иосифа, текст этой книги разделен по-нынешнему, на 42 главы, но содержит в себе некоторые дополнения³⁴⁵. На этом основании можно думать, что митрополит Макарий книгу Иова извлек из какого-то списка, содержащего в себе текст, отличный от текста существовавшей тогда полной, Геннадиевской Библии, ныне хранящейся в разных списках Московской Синодальной библиотеки за № 1—3. Быть может, он имел под руками какую-либо отдельную, неизвестную нам рукопись книги Иова, а, может быть, он заимствовал последнюю из древнерусской Четии Минеи, в состав которой еще до митрополита Макария входили иногда, хотя и в редких случаях, целые библейские книги³⁴⁶. Впрочем, в Царском списке Четиих Миней, под 18 октября, помещен другой текст книги Иова, с толкованием, тождественный с текстом полной Библии № 1³⁴⁷. Но это не значит, что он был взят из последней; как увидим ниже, митрополит Макарий едва ли видел полный список Библии. Вероятно, и в этом случае Макарий имел у себя отдельный список книги Иова с тем невразумительным, по словам А. Горского и К. Невоструева, толкованием, с которым он и поместил эту книгу в Царском списке своих Миней.

В день памяти св. ветхозаветного семейства Маккавеев (1 августа) на страницы Макарьевских Миней внесены первая и вторая книги Маккавейские³⁴⁸, списанные, вероятно, также с какой-нибудь отдельной рукописи, по тексту не отличающейся от тех книг Маккавейских, которые содержатся в полной Библии³⁴⁹.

В день памяти св. пророка Самуила (20 августа) митрополит Макарий поместил первую книгу Царств: первые 15 глав ее под заглавием «Слово о житии святого пророка Самоила и о Сауле цари, и о святем пророцы Давиде цари и о прочих царех»³⁵⁰ и остальные главы до конца книги, озаглавленные: «Зачало царства Давида сына Иесеова»³⁵¹. Сюда же внесены и 1–23-я гл., 2-й книги Царств³⁵². Затем, под 14 июня и 20 июля, в дни празднования памяти пророков Елисея и Илии, мы видим в Макарьевских Минеях отрывки из 3-й и 4-й книг Царств, а именно: 17–22-ю главы 3-й книги Царств и 1–13-ю главы 4-й книги Царств, приведенные под названиями: «Житие св. славного пророка Илии»³⁵³, а также «О Илии пророце и Елисеи»³⁵⁴. Но эти книги не могут быть названы в собственном смысле библейскими книгами; все они, дополненные различными вставками, были взяты из Палеи³⁵⁵. Из этого же источника были заимствованы митрополитом Макарием еще некоторые ветхозаветные книги: Иисуса Навина, Судей Израилевых и Руфь, помещенные под 1 сентября, в день памяти св. Иисуса Навина³⁵⁶.

Кроме этого, в Макарьевских Минеях есть полный отдел ветхозаветных пророческих книг, помещенных под теми числами месяцев, когда Церковь прославляет память каждого из св. пророков, за исключением книги одного только пророка Ионы, которая вместе с Житием этого пророка помещена собирателем под 21 января. Так, под 9 мая, 1 мая, 21 июля и 17 декабря внесены четыре книги великих пророков: Исаии, Иеремии, Иезекииля и Даниила³⁵⁷, из которых первые три книги приведены митрополитом Макарием в двух разных редакциях; отличие между этими редакциями, кроме разности переводов, состоит в том, что текст одной из них сопровождается толкованием, а текст другой приводится под теми же числами без толкования³⁵⁸; для текста книги пророка Даниила митрополит Макарий толкования, очевидно, не нашел. Интересно знать, откуда были взяты собирателем указанные книги великих пророков. С определенностью можно сказать только одно: для этих книг едва ли могла послужить источником полная Библия. По крайней мере, это справедливо в приложении к книге пророка Даниила, так как в ней замечается размещение глав, несколько отличное от размещения в полных списках Библии; по замечанию А. Горского и К. Невоструева, в начале книги пророка Даниила помещена 13-я глава, после чего последовательно идут все другие главы, начиная с первой³⁵⁹. Между рукописями Московской Синодальной библиотеки находятся две XVI в., содержащие в себе собрание 16 пророчеств, в которых книга пророка Даниила является с таким же точно размещением глав, как в Макарьевских Минеях³⁶⁰. Не одна ли из этих рукописей или подобная им послужила для митрополита Макария источником, из которого он почерпнул книги великих пророков для своего сборника? Этот вопрос могло бы разрешить тщательное сравнение с подлинником.

Что же касается творений малых пророков, то все они, за указанным исключением книги пророка Ионы помещены также в минейном порядке: книга пророка Иосии — под 17 октября³⁶¹, книга пророка Иоила — под 19 октября³⁶², книга пророка Амоса — под 15 июня³⁶³, книга пророка Авдия — под 19 ноября³⁶⁴, книга пророка Михея — под 14 августа³⁶⁵, книга пророка Наума — под 1 декабря³⁶⁶, книга пророка Аввакума — под 2 декабря³⁶⁷, книга пророка Софонии — под 3 декабря³⁶⁸, книга пророка Аггея — под 16 декабря³⁶⁹, книга пророка Захарии — под 8 февраля³⁷⁰ и, наконец, книга пророка Малахии — под 3 января³⁷¹. Текст всех 12 малых пророков, совершенно тождественный с текстом полной Библии № 1–3, внесен в Макарьевские Минеи без толкований³⁷², хотя эти толкования, несомненно, существовали во время митрополита Макария³⁷³. Не заимствованы ли и эти книги малых проро-

ков из какого-либо списка, подобного рукописям Московской Синодальной библиотеки № 18–19³⁷⁴?

В помещении двух остальных свяшенно-ветхозаветных книг, вошедших в Чети Миней, — Псалтири и Екклесиаста — митрополит Макарий отступил от своего обычного минейного порядка. Не имея повода приурочить книгу Екклесиаста к памяти какого-либо святого мужа, он поместил ее под последним (31) числом июля-месяца³⁷⁵. При дальнейшем обозрении состава Макарьевских Миней мы увидим, что митрополит Макарий извлек эту библейскую книгу из того списка, где содержался «Просветитель» преподобного Иосифа Волоколамского³⁷⁶, поэтому он и поместил ее рядом со знаменитым творением преподобного Иосифа, как бы в виде приложения к последнему.

Что же касается Псалтири, внесенной под 20 августа³⁷⁷, то в помещении ее под этим числом проглядывает действие внешней ассоциации у собирателя. 20 августа Церковь празднует память св. пророка Самуила. Память этого пророка, очевидно, послужила для Макария поводом к тому, чтобы поместить в этот же день статью из Палеи³⁷⁸ в 25 словах, представляющую перечень пророчеств, содержащихся в Псалтири³⁷⁹; а эта статья, в свою очередь, по ассоциации навела митрополита Макария на мысль поместить здесь уже саму книгу Псалтирь; иначе было бы непонятно, почему она внесена под 20 августа, а не под последним числом какого-либо месяца в отделе приложений, куда собиратель помещал обыкновенно те произведения, которые не могли удовлетворить требованиям минейной классификации. Толковая Псалтирь, внесенная в Макарьевские Миней, представляет большой библиографический интерес. Это та самая Псалтирь, которая по повелению архиепископа Макария была переведена в Великом Новгороде с латинского языка так называемым Дмитрием Толмачом (окончена 15 октября 1536 г.)³⁸⁰. Перевод ее в свое время представлялся таким важным событием, что отмечен был даже в летописи³⁸¹. В этой Псалтири заключается пять толкований, собранных «потружением блаженного Брюнона», епископа Гермополенского: толкования блаж. Иеронима, блаж. Августина, св. Григория Великого, Боды пресвитера и Кассиодора³⁸².

Из книг Священного Писания Нового Завета митрополит Макарий отвел соответствующие минейные места только четырем Евангелиям и Апокалипсису. Так, под 16 ноября он поместил Евангелие от Матфея³⁸³, под 25 апреля — от Марка³⁸⁴, под 18 октября — от Луки³⁸⁵, под 26 сентября — Евангелие и Апокалипсис святого Иоанна Богослова³⁸⁶. Все эти новозаветные книги содержат в себе толкования к тексту, причем Евангельский текст сопровождается толкованиями блаж. Феофилакта, архиепископа Болгарского, а Апокалипсис — толкованиями Андрея Кесарийского. Уже сами толкования, присоединенные к книгам, показывают, что последние были заимствованы митрополитом Макарием из отдельных, существовавших в его время списков. Действительно, А. Горский и К. Невоструев из целого ряда сохранившихся до нашего времени древнерусских библейских рукописей знают несколько, которые по тексту и толкованию совершенно сходны с указанными книгами Макарьевских Миней³⁸⁷. Что же касается остальных новозаветных книг, то митрополит Макарий внес их целой группой с толкованиями под 30-е число июня, в день Собора св. апостолов³⁸⁸. Здесь помещены: а) книга Деяний св. апостолов, б) семь Соборных Посланий и, наконец, в) 14 Посланий апостола Павла — все с толкованиями многих отцов и учителей Церкви. Почему митрополит Макарий в помещении

указанных новозаветных книг отступил от обыкновенного минейного порядка — это объясняется тем, что собиратель в этом случае имел под руками не отдельные списки этих книг, но общий их список, так называемый Толковый Апостол, заключающий в себе как Деяния, так и Послания св. апостолов. А. Горский и К. Невоструев действительно указывают такую рукопись XV в., в которой в том же порядке и переводе и с теми же толкованиями помещены все новозаветные книги, вошедшие в состав Макарьевского Толкового Апостола³⁸⁹.

Как бы не удовлетворяясь одними полными списками библейских книг, митрополит Макарий, стремившийся собрать в своих Четиих Минеях по возможности все содержавшееся в книжной области, наряду с этими списками помещал иногда избранные извлечения из них. Так, в статье, озаглавленной «Пророчество велегласного Исаия пророка, сына Амосова, о последнем времени»³⁹⁰, сведены разные отрывки из книги пророка Исаии в следующем порядке: 6, 1–12; 1, 1–20; 7, 1–16; 8, 9–10; 9, 6–7; 11, 1–16; 12, 1–2; 49, 8–15; 35, 1–10; 55, 1–5; 12, 3–7; 2, 3–11; 9, 9–21; 10, 1–4; 8, 13–22; 9, 1–5; 49, 8–15³⁹¹.

Кроме книг Священного Писания, в Макарьевские Четии Минеи вошел целый отдел отеческих творений и других различных произведений духовного содержания. В размещении их на страницах сборника наблюдается стремление к такому же минейному порядку, как и в расположении библейских книг; но нужно заметить, что этот порядок и здесь не всегда выдерживается собирателем.

Укажем в порядке месяцев церковного года те отеческие и вообще духовные произведения, которые были уложены под минейную систему классификации.

В день преп. Иосифа Волоколамского (9 сентября) внесены его две духовные грамоты: первая, пространная, — в 11 главах и вторая, заключающая в себе 12–14-ю главы³⁹². В день преставления св. Иоанна Златоуста (14 сентября) помещен сборник его слов и бесед, известный под названием «Маргарит»³⁹³. В день священномуч. Киприана (2 октября) — «Покаяние Киприаново»³⁹⁴. В день св. Дионисия Ареопагита (3 октября) помещено его сочинение «О небесном священноначалии»³⁹⁵. Под 11 ноября — книга преп. Феодора Студийского, заключающая в себе 128 огласительных поучений³⁹⁶. Под 13 ноября, в день св. Иоанна Златоуста, помещено обширное собрание его слов, известное по другим рукописям под названием «Златоструй», с присоединением в конце нескольких слов, не принадлежащих св. Иоанну Златоусту³⁹⁷. Под 4 декабря мы видим «Изложение православной веры», или «Богословие св. Иоанна Дамаскина», по переводу Иоанна, экзарха Болгарского, в 54 главах с присоединением в том числе и тех шести глав, которые обыкновенно прилагаются в списках экзархова перевода; здесь же помещается и «Философская книга», или так называемая «Грамматика» св. Иоанна Дамаскина, а также его «Диалектика», предваряемая посланием Косме, епископу Маиумскому, на самом деле не принадлежащим св. Иоанну Дамаскину³⁹⁸. Под 19 декабря вместе с Житием св. Григория, епископа Омиритского, помещаются его «Прения» с иудейскими законоучителями (Герваном)³⁹⁹. Под этим же числом, кстати, помещается вследствие своего одинакового с «Прениями» противоиудейского содержания статья, которая находится в рукописи Синаодальной библиотеки № 156, где содержатся творения св. Иоанна Дамаскина⁴⁰⁰. В день кончины инока Антиоха (24 декабря) помещена его книга «Пандекты, или Собрание поучений Антиоха»⁴⁰¹. Под 1 января предлагается обширное собрание аскетических трудов св. Василия Великого⁴⁰². Под 2 января помещаются вопросы и ответы св. Сильвестра и преп. Антония о разных богословских предметах⁴⁰³ — произведение, по мнению А. Гор-

ского и К. Невоструева, принадлежащее не Сильвестру и Антонию, а некоему Кесарию⁴⁰⁴. Под 25 января помещаются 16 слов св. Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского⁴⁰⁵; сюда же прибавлены следующие статьи: краткое послание Григория Богослова к Филагрию⁴⁰⁶, отрывок из слова на смерть Кесария⁴⁰⁷, «Сказание словесем Григория Богослова от слов еже в Новую неделю», т. е. краткие отрывочные замечания на некоторые выражения, встречающиеся в слове св. Григория Богослова на неделю Новую⁴⁰⁸, и еще два отрывка из толкования на книгу Деяний апостольских о том, почему апостол Павел называл себя римским гражданином, и о наименовании судилища Афинского Ареопагом⁴⁰⁹. В день св. Ефрема Сирина (28 января) положен его «Паремисис», или собрание слов⁴¹⁰. Под 29 февраля — 8 бесед св. Кассиана Римлянина с присоединением в конце краткого наставления о воспоминании смерти и ненависти к миру⁴¹¹. Под 11 марта помещены «Вопросы и ответы св. Григория Двоеслова о житии св. италийских отцев»⁴¹², а также его 38 бесед на тексты Евангелия, произнесенных в разных церквях⁴¹³. Под 18 марта — 18 Огласительных и 5 Тайноводственных поучений св. Кирилла Иерусалимского с присоединением одной беседы св. Кирилла Александрийского⁴¹⁴. Под 30 марта — «Лествица» преп. Иоанна Синайского, заключающая в себе 30 слов, с толкованиями; ей предшествуют: а) послание Иоанна, игумена Раифского, к св. Иоанну Синайскому, б) предисловие с изображением степеней Лествицы и в) Житие преп. Иоанна Синайского⁴¹⁵. Под 2 мая внесены 4 слова св. Афанасия Александрийского против арианского лжеучения с заметкой в начале о переводе их с греческого языка на славянский епископом Константином в 6414 году⁴¹⁶. В день преставления преп. Феодосия Печерского (3 мая) помещается Патерик Печерский⁴¹⁷. Под 5 июня — 25 поучений св. аввы Дорофея, с присоединением еще нескольких его посланий⁴¹⁸. Под 20 июня помещены творения св. Мефодия Патарского с присоединением двух посланий митрополита Киевского Никифора к князю Владимиру Всеволодовичу, а также схолии на некоторые избранные места Бытия, Исход и Левит, впрочем, без приведения слов объясняемого текста⁴¹⁹. Наконец, в день памяти св. князя Владимира (15 июля) помещено известное слово митрополита Иллариона о Законе и благодати⁴²⁰.

Вот перечень тех книг, отеческой и вообще духовно-религиозной письменности, к которым митрополит Макарий мог приложить свою минейную программу при размещении их в Четиих Минеях. Но далеко не все книги, вошедшие в состав последних, по своему содержанию могли иметь отношение к церковным памятям тех или других святых и, следовательно, не все могли уложиться в сборник по этой программе. Поэтому некоторые из них митрополит Макарий неизвестно по каким соображениям (вероятно, совершенно случайно) поместил под 11 февраля, без всякого отношения к памяти празднуемых в этот день святых, все же остальные произведения этого рода он внес в виде приложений под последние числа месяцев. Впрочем, собиратель иногда вносил в конце месяца и такие произведения, которые, по правилам минейной программы, легко могли быть приурочены к определенному числу. Вероятно, митрополит Макарий находил эти произведения уже после того, как были приготовлены те из 12 книг его Четиих Миней, в которых они должны быть помещены. Поэтому «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого внесен не под 9 сентября вместе с его духовными грамотами, а под 31 июля; собрание слов св. Иоанна Златоуста, известное под именем Златоструй, помещено под 29 февраля, тогда как составитель Четиих Миней сообразно со своей минейной программой мог бы поместить его под 27 января (память перенесения мощей св.

Иоанна Златоуста) или 30 января (собор трех святителей) и т. п. Думать, что собиратель переносил некоторые произведения из одного месяца в другой с целью сообщить равномерный объем книгам сборника, нет основания; в самом деле, мы видим в сборнике Успенского списка такое неодинаковое количество листов за разные месяцы, как 878 (за октябрь), 1283 (за ноябрь), 1344 (за январь) и 1569 (за август)⁴²¹. Укажем те произведения, в размещении которых митрополит Макарий отступил от минейной программы.

Под 11 февраля собиратель поместил целую группу отеческих творений. Сюда вошли творения свв. Симеона Богослова и Петра Дамаскина⁴²², творения св. Григория Синаита⁴²³ с присоединением Жития этого святого в начале и поучения св. Иоанна Златоуста на утрени и Святую Пасху в конце. Затем мы видим целый ряд следующих произведений: 400 глав преп. Фалассия к Павлу пресвитеру и извлечения из десятильных глав преп. Феодора, епископа Едесского; слова Геннадия, архиепископа Константинопольского, пресвитера Исихия, преп. Макария Египетского и преп. Максима Исповедника, главы синайского инока Филофея; 150 глав Нила Постника о молитве и его же — о бесстрастии души и тела; слово преп. Марка «О гордящихся от дел правды»; продолжение творений Симеона Нового Богослова (12–49 главы) и, наконец, вновь повторяемая под 11 февраля книга св. Петра Дамаскина, к которой присоединены слово о Кресте и еще другой отрывок из творений св. Епифания, архиепископа Кипрского, «О семи делех»⁴²⁴.

Все эти статьи, как можно видеть из описаний рукописей различных библиотек, помещались во многих древнерусских сборниках; поэтому весь ряд указанных статей, вероятно, целиком был взят собирателем со страниц какого-либо одного или, вернее, нескольких из этих сборников⁴²⁵, на что указывает двукратное помещение книги св. Петра Дамаскина под одним и тем же числом, кроме того, помещена она под 11 февраля, в ущерб предназначенному минейному плану.

Но это совершенно единичный факт, свидетельствующий о редакторском недосмотре собирателя в отношении к размещению книг. Во всех случаях, когда митрополит Макарий затруднялся приложить свою минейную систему классификации к каким-либо произведениям, он помещал их под последними числами месяцев. Так, под 31 декабря внесены Патерики: Скитский⁴²⁶, Азбучный, с заглавием «Жития блаженных и свв. отец наших»⁴²⁷, и Иерусалимский, с заглавием «Повести блаженных и святых отец наших»⁴²⁸; здесь же помещена «книга Фотиос», заключающая в себе собрание поучений Киевского митрополита Фотия с присоединением статьи о кончине этого митрополита и его завещания⁴²⁹. Под 29 февраля помещены: «Диоптра» («Зерцало») инока Филиппа⁴³⁰; книга «Кормчий»⁴³¹; книга Иосифа Маттафиева о пленении Иерусалима, представляющая собой частью перевод, частью сокращение, а частью и дополнение «Истории Иосифа Флавия о войне Иудейской»⁴³², и, наконец, собрание слов св. Иоанна Златоуста, известное под именем «Златоструй»⁴³³.

Под 30 апреля внесены Пандекты⁴³⁴ и Тактикон⁴³⁵ Никона Черногорца. Под 31 мая помещены поэтические слова св. Исаака Сирина⁴³⁶. Под 30 июня помещены: Патерик Синайский⁴³⁷, Патерик Египетский (сказание о египетских черноризцах) с присоединением 30 подвижнических уставов св. Василия Великого и еще двух статей⁴³⁸; Хождение игумена Даниила во Святую Землю⁴³⁹; «Премудрого Георгия Писиды Похвала к Богу о сотворении всея твари» — одно из тех древнерусских переводных сочинений, из которых наши предки почерпали сведения о внешней природе⁴⁴⁰; собрание статей в пользу трегубой аллилуии и, наконец, «Прение философа Панагиота с латинянами о правоверной вере христианской и о вере фряжской» в 30

вопросах и ответах⁴⁴¹, между которыми есть любопытный вопрос, когда-то сильно волновавший наших предков, вопрос о брадобритии.

Под 31 июля помещены: переводное сочинение Риклада Латинянина о сарацинской вере, содержащее в себе обличение магометанства, и произведение русского происхождения «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого, за которым следуют: послание Константинопольского патриарха Антония по поводу новгородской ереси стригольников, одно слово против латинян, книга Екклесиаста, грамоты некоторых всероссийских митрополитов и проч.⁴⁴² Далее, под тем же числом мы видим «Шестоднев» Иоанна, Экзарха Болгарского⁴⁴³, «Измарагд»⁴⁴⁴, сборник святоотеческих слов, преимущественно св. Иоанна Златоуста или только приписываемых ему, в действительности же принадлежавших русским авторам⁴⁴⁵. Здесь же помещены: собрание слов Киевского митрополита Григория Цамблака⁴⁴⁶, к которому присоединено учительное послание Константинопольского патриарха Фотия⁴⁴⁷, а также два больших древнерусских сборника, известных под заглавиями «Златая Цепь»⁴⁴⁸ и «Пчела»⁴⁴⁹.

Наконец, весьма обширный отдел приложений помещен в конце последней, августовской книги Четиих Миней. Сюда без всякой системы вошли произведения самого разнообразного содержания, какие только мог находить митрополит Макарий в нашей древнерусской письменности. После сочинения Козьмы Индикоплова, трактующего о миротворении и космографии с точки зрения Священного Писания⁴⁵⁰, здесь можно видеть довольно большое собрание полемических статей против латинян⁴⁵¹, а также произведения нравоучительного содержания («Василия, царя греческого главизны наказательны (66 гл.), к сыну своему царю Льву»)⁴⁵². Но особенно любопытное смешение в одной группе статей самого различного содержания открывается далее; такую комбинацию статей, не связанных каким-либо единством содержания, не объединенных одной целью, можно наблюдать в большей части наших древнерусских сборников. В самом деле, рядом с нравоучительными главизнами царя Василия под 31 августа в Макарьевских Четиих Миней помещены три статьи полемического характера (л. 1445–1469 по «Оглавлению» архим. Иосифа), а за ними мы видим небольшую группу канонических правил (л. 1471, 1474, 1475 об., 1479), между которыми, кстати, вставлено слово о женах из «Пчелы» (л. 1471 об.), вместе со сказанием о построении церкви женою Ярослава (л. 1473 об.), выхваченным, очевидно, из какой-нибудь летописи. Тут же рядом вписаны два отрывка космографического содержания об устройстве неба и земли (л. 1479, 1479 об.), а непосредственно за ними — два кратких словотолкователя еврейских выражений, встречающихся в Евангелии, Апостоле, Псалтири и паремиях, и нескольких слов из половецкого языка (л. 1480, 1481). Далее, несколько объяснительных слов об антиминсе и поучение св. Иоанна Златоуста о милостыне (л. 1482) стоят рядом с каким-то «приточником», содержащим в себе загадки с объяснениями (л. 1482) и письмовником, указывающим несколько форм для различного рода писем (л. 1482 об. — 1486). Затем идут литургические чины избрания и рукоположения в разные церковные должности с присоединением к ним исторических указаний об обстоятельствах избрания некоторых русских митрополитов (л. 1502, 1505) и текст исповеданий веры, которые они произносили при своем избрании (л. 1506, 1506 об., 1507 об.). Наконец, помещается длинный ряд святительских посланий и грамот (л. 1508 об. — 1533 и др.), грамот великих князей (л. 1534 об.) и даже польских королей (л. 1535), ставленнических грамот (л. 1543 об., 1544) и других мелких статей самого разнообразного содержания; сюда же внесены, между прочим, две грамоты и самого собирателя, митрополита Макария (л. 1562 об., 1563 об.). Последний столбец Миней занимает «Указ о трегубой аллилуии», зачеркнутый позднейшею рукою какого-то

противника творения аллилуии, — тот самый указ, который раньше был уже помещен митрополитом Макарием в июньской книге⁴⁵³.

Из предыдущего обозрения состава Макарьевских Четиих Миней видно, какое обилие и вместе разнообразие статей вмещал в себе этот сборник. Чтобы яснее представить себе заключающееся в нем письменное богатство, мы разделим все главнейшие сочинения, вошедшие в состав Макарьевских Четиих Миней, на следующие систематические группы:

I. Собственно четии-минейный отдел, в состав которого входят: 1) Прологи, или синаксарии; 2) более или менее подробные Жития греческих и русских святых и, наконец, 3) целый ряд похвальных и учительных слов.

II. Отдел приложений, куда помещены: 1) книги Священного Писания и толкования на них; 2) Патерики; 3) сочинения отцов Церкви, русских и греческих; 4) сочинения, не принадлежащие святым отцам, но пользовавшиеся уважением и распространением на Руси, нравоучительного («Пчела», «Златая Цепь»), исторического (книга Иосифа Флавия), канонического (сочинения Никона Черногорца), космографического (книга Козьмы Индикоплова, «Похвала Богу» Георгия Писиды) и др. содержания; 5) авторские сочинения, путевые записки («Странник» игумена Даниила), послания и грамоты русских князей, митрополитов, епископов, полемические статьи, притчи, небольшие сказания, иногда апокрифического характера, и множество других материалов, помещавшихся в наших старинных сборниках. Отсюда можно представить себе ту энергию и труд, какие потребовались от митрополита Макария для того, чтобы собрать в один общий сборник указанную выше массу произведений древнерусской письменности, кроме того, расположить весь собранный материал по известной системе и приготовить все это в трех огромных списках Четиих Миней, которые, нужно заметить, не были буквальным повторением один другого.

Но как ни велики были усилия со стороны митрополита Макария «собрать все святые книги, которые в Русской земле обретаются», задача, которую он поставил себе, не была им выполнена вполне. По словам Преосвященного Макария, «он собрал в своих Четиих Минейх многие, весьма многие, но отнюдь не «все святые книги, какие обретались тогда в Русской земле»⁴⁵⁴.

Все канонические книги Священного Писания Нового Завета помещены в Макарьевских Четиих Минейх: при обозрении содержания Миней мы видели, что в состав их вошли четыре Евангелия, Деяния Апостольские, 7 Соборных Посланий, 14 Посланий апостола Павла и Апокалипсис. Но Ветхозаветные книги помещены следующие: первая и вторая книги Царств (из Палеи), книга Иова, Псалтирь, Екклесиаст, книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова и все книги пророческие. Таким образом, сравнительно с полным составом Библии в Макарьевских Четиих Минейх недостает целых 23 ветхозаветные книги: Пятикнижия Моисея, книг Иисуса Навина, Судей Израилевых и Руфь, 3-й и 4-й Царств, если не считать отрывочные главы этих книг, приведенные из Палеи, обеих книг Паралипоменон, трех книг Ездры, книг Неемии, Товита, Иудифи, Есфири, Притчей Соломоновых, Песни песней Соломона, Премудрости Соломона и 3-й книги Маккавейской⁴⁵⁵. Это обстоятельство обыкновенно вызывало удивление у всех, кто, занимаясь исследованием состава Макарьевских Четиих Миней, обращал на него внимание. «Отсутствие (библейских) книг, при намерении Макария собрать все книги, — говорит один из исследователей, — нельзя не признать странным, потому что нельзя не предположить, чтобы

книги эти не были в числе чтомых, если уже предшественник Макария на Новгородской кафедре Геннадий имел полный список славянской Библии»⁴⁵⁶. Поэтому тот же исследователь, считая несомненным, что митрополит Макарий имел под руками Геннадиевский список Библии, отсутствие некоторых из библейских книг в Четиих Минеях митрополита Макария старается объяснить следующим образом. «Очень могло быть, — говорит он, — что вследствие распространения ереси жидовствующих и вольнодумного направления, ими развитого, — направления, принявшего идею единства Божества в иудейском духе и отрицавшего поклонение иконам как идолопоклонство, православные (следовательно, и митрополит Макарий?) могли скрывать некоторые ветхозаветные книги, в которых идея единства Божия и отрицание идолопоклонства могли служить мнимым основанием идей жидовствующих»⁴⁵⁷. Причем Н. Лебедев в виде аргумента указывает на одно место из книги Зиновия Отенского, где клирошане в разговорах с Зиновием Отенским по поводу ереси Феодосия Косого особенным достоинством аргументации Феодосия и главной причиной ее убедительности для народа поставляют то, что Косой мысли свои доказывает столповыми (т. е. Моисеевыми) книгами и всем их показывает, в то время как у православных эти книги будто бы «лежат запечатанными в монастырях и таятся от людей»⁴⁵⁸. Но последнее замечание еретиков, действительно высказываемое ими, сам же Зиновий Отенский обличает в несправедливости; этот представитель официального Православия заявляет: «В том Косой солгал на нашу землю, будто книги Моисея у нас таятся и лежат запечатанными: они читаются православному народу в продолжение Великого поста в паремиях на вечернях и преждеосвященных литургиях»⁴⁵⁹. Отсюда жалоба клирошан на умышенное укрывательство священных ветхозаветных книг справедлива разве постольку, поскольку она указывает на недостаток духовного оружия православных для просветительной борьбы с еретиками. Зиновий, возражая последователям Косого, действительно мог указать на известность книг Ветхого Завета только по паремиям, избранным для богослужения. Таким образом, странно было бы предполагать, что митрополит Макарий по каким-либо соображениям старался скрыть от православных читателей книги Священного Писания Ветхого Завета, в то время как еретики, силою своей проповеди увлекая к рационализму и вольномыслию невежественную массу, пользовались преимущественно священными книгами Ветхого Завета, истолковывали их по-своему⁴⁶⁰, в свою пользу. Допустить это значило бы думать, что митрополит Макарий хотел самого себя лишить духовного оружия и безжалостно отдать свою паству влиянию еретического слова. Напротив, мы знаем, что древнерусская иерархия никогда не оставалась равнодушною к вольнодумным речам еретиков, всегда старалась бороться с ними на твердой почве Священного Писания. Так, предшественник митрополита Макария по Новгородской кафедре, архиепископ Геннадий, застигнутый врасплох разрушительными учениями жидовствующих, прежде всего спешит добыть нужные для борьбы книги Священного Писания, которых не оказалось в Софийской библиотеке. В феврале 1489 года в послании к Ростовскому архиепископу Иоасафу он, между прочим, спрашивал последнего, нет ли «в Кирилове, или Фарафонтове (Ферапонтове), или Каменном» монастырях Ростовской епархии книг: «Пророчество, да Бытия, да Царство, да Притчи, да Иисус Сирахов», «занеже те книги у еретиков есть»⁴⁶¹; а через некоторое время после этого он собрал в один состав все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Таким образом, подозревать причину отсутствия священных ветхозаветных книг на страницах Макарьевского сборника в намерении собирателя скрыть их от православной паствы более чем странно. В самом деле, неужели митрополит Макарий стал бы хранить под спудом то, что было

приготовлено его предшественником специально для противодействия еретической пропаганде, тем более что сами современные ему еретики (последователи Косого) упрекали православных людей в совершенном незнании «столповых книг».

Другой исследователь литературной деятельности митрополита Макария – К. Заусцинский причину отсутствия в Макарьевских Четиих Минеях некоторых ветхозаветных библейских книг усматривает в том, что митрополит Макарий, собирая книги, «имел в виду другую цель – великую душевную пользу читателей, то есть нравственное их назидание, и потому, естественно, старался прежде всего отыскать сочинения, соответствующие этой цели». «Вот почему, – говорит К. Заусцинский, – из книг Священного Писания он поместил преимущественно те, к которым мог найти толкования»⁴⁶². Но если митрополит Макарий при выборе в свой сборник книг Священного Писания руководился указанными соображениями, то в таком случае зачем он внес в него книгу Иова (под 6 мая), две книги Маккавейские и двенадцать книг малых пророков, которые все помещены без толкований? Далее, при этом соображении митрополиту Макарию наряду с пророческими книгами Исая, Иереми и Иезекииля, которые сопровождаются толкованиями, незачем было бы помещать тех же пророков во второй раз без толкований.

Вообще, если бы мы, объясняя отсутствие в Макарьевских Четиих Минеях некоторых священных книг Ветхого Завета, начали аргіогі приписывать митрополиту Макарию разные соображения, по которым он, имея под руками полный список Геннадиевской Библии, намеренно не хотел поместить 23 недостающие библейские книги, то нам пришлось бы вращаться все время в области малообоснованных догадок. В самом деле, какими особенными мотивами мог руководствоваться митрополит Макарий, когда он из Соломоновых творений поместил только одну книгу – Екклесиаст, когда книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, он внес в свой сборник, книгу же Премудрости Соломоновой исключил, а вместо подлинных книг Моисеевых, Иисуса Навина, Судей, Руфи, Царств – поместил какие-то заимствованные из Палеи и т. п.? Очень трудно указать какие-либо верные основания для такого мнимого предпочтения одних библейских книг перед другими. Между тем гораздо естественнее этот интересный вопрос о недостающих библейских книгах разрешается тем, что митрополит Макарий не имел под руками полного списка Библии.

1. И действительно, очень вероятно, что он мог совсем не иметь полного списка Библии. По крайней мере, едва ли пользовался он в Новгороде и Москве, где производилась работа над Четиими Минеями, теми списками Геннадиевской Библии, которые сохранились до нашего времени. Самый старший из этих списков, переписанный в 1499 году при дворе архиепископа Геннадия, «повелением архиепископа архидиакона Герасима»⁴⁶³, несомненно, не был в Новгородской Софийской библиотеке в то время, когда архиепископ Макарий начал составлять свой сборник. В этой рукописи, на 1-м листе предисловия, с лица, современной рукописи почерком написано: «Книга Варлаама митрополита», а на 1–4-м листах текста сохранилась следующая подстрочная подпись: «Дал сию книгу Варлаам митрополит всеа Руси в обитель живоначальна Троица и преподобнаго Сергия чудотворца по своей душе и по своих родителей»⁴⁶⁴. Из этих надписей можно заключить, что Геннадиевская Библия 1499 года каким-то образом перешла из Новгорода в Москву, в руки митрополита Варлаама (1511–1522), который во время своего предстоятельства на всероссийском престоле, т. е. не позднее 1522 года, передал ее в Троице-Сергиеву Лавру, между тем как архиепископ Макарий, по мнению В. О. Ключевского, предпринял работы над Минеями в Новгороде не раньше 1529–1530 гг.⁴⁶⁵ Макарий не мог видеть этого списка и во время своего путешествия в Москву в 7043 (1535) году по вы-

зову царя и митрополита Даниила, потому что софийские летописи ничего не говорят о поездке архиепископа Новгородского Макария в Троицкую обитель, где хранился указанный список⁴⁶⁶. Далее, совершенно одинаковое количество библейских книг как в новгородских, так и в московских Четиих Минеях показывает, что Макарий и во время своих московских работ также не обращался к Библии 1499 года, несмотря на то, что он несколько раз мог быть в месте ее нахождения. Вероятно, он не подозревал о ее существовании в Лавре, а быть может, и знал про нее, но не обратил на нее должного внимания, будучи в то время занят любимым делом собирания Житий русских святых. Что же касается других, сохранившихся до нашего времени списков Библии, то все они относятся уже к тому времени, когда митрополит Макарий закончил составление своих Четиих Миней. Один из них писан в 1558 году, по повелению царя Иоанна Васильевича IV⁴⁶⁷, а другой, принадлежавший Рязанскому епископу Сергию, относится к еще более позднему времени (1572 г.)⁴⁶⁸.

2. Впрочем, если и допустить, что ни один из сохранившихся до нас древних списков Библии не был в руках митрополита Макария, то одно это не может служить несомненным речательством того, что митрополит Макарий не пользовался другими полными списками Библии, быть может существовавшими в его время, но не сохранившимися до нас, подобно списку Иосифо-Волоколамского монастыря (не позднее 1573 г.), известному нам только по описи книг этого монастыря от 1573 года⁴⁶⁹. Гораздо больше подтверждение наше мнение о том, что митрополит Макарий не имел у себя полного списка Библии, находит в общем характере работы митрополита Макария над составлением Четиих Миней. Мы уже имели случай познакомиться с отношением митрополита Макария к тем источникам, из которых он почерпал материалы для своего сборника, когда, излагая перечень произведений, вошедших в состав Четиих Миней, указывали в подстрочных примечаниях соответствующие некоторым из них древние списки, сохранившиеся до нашего времени. Это сличение в большинстве случаев дает нам, кажется, несомненное право утверждать, что митрополит Макарий буквально заимствовал в свой сборник по большей части все статьи, какие находились в бывших у него рукописях и совершенно в том же порядке. Помещая под известным числом творения какого-либо святого отца, митрополит Макарий рядом с ними помещал и еще несколько посторонних статей, не имеющих никакого отношения к древнему празднику, только ради того, что он находил их в одном списке с указанными творениями. Несомненно, только по этой причине под 26 июня к творениям св. Мефодия Патарского присоединены два послания Киевского митрополита Никифора к князю Владимиру Всеволодовичу и схолии на некоторые избранные места Священных книг: Бытия, Исход и Левит⁴⁷⁰; к «Просветителю» преподобного Иосифа Волоколамского (31 июля) прибавлены: послание Константинопольского патриарха Антония, одно слово против латинян, книга Екклесиаст, грамоты Всероссийских митрополитов и проч.⁴⁷¹; к творениям Григория Синаита (11 февраля) — поучение св. Иоанна Златоуста на первый день Пасхи; к группе произведений, внесенных под тем же 11 февраля, после слов Григория Синаита присоединены два отрывка: «о кресте» и «седми делех»; и проч. Все эти мелкие статьи и всевозможные отрывки, каких немало можно видеть в Четиих Минеях рядом с более пространными творениями, ясно свидетельствуют о той критической неразборчивости, с какою митрополит Макарий заносил на листы своих Миней все, что только попадалось ему в области древнерусской письменности и что, по его мнению, соответствовало его принципу назидания, могло быть названо «святой книгой». Неужели после этого митрополит Макарий мог бы оставить за пределами своего сборника некоторые библейские книги, если бы он действительно

имел у себя полную Библию? Из этой Библии он непременно постарался бы извлечь и те священные книги, которых мы не досчитываемся в его Минеях.

3. Далее, если бы у митрополита Макария была полная Библия, то и те библейские книги, которые вошли в его Четии Минеи, ему не было бы нужды заимствовать из различных сборников смешанного содержания. Между тем мы уже знаем, что книга Екклесиаст, несомненно, была взята митрополитом из той рукописи, ныне хранящейся в Румянцевском музее, откуда были заимствованы им сочинение Риклада Латинянина и «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого⁴⁷². Но если предположить и то, что митрополит Макарий отдал предпочтение указанному списку книги Екклесиаст перед помещенным в полных Библиях ради тех толкований, которые по местам находятся в первом, то он, как весьма исправный и ревностный собиратель, наверное, не оставил бы без внимания и второй список. Мы знаем, что толковые пророческие книги не помешали стоять рядом с ними тем же книгам без толкований. Но против нашего вывода, по-видимому, говорит то обстоятельство, что ветхозаветные библейские книги, помещенные в Макарьевских Четиих Минеях без толкования, по составу текста, как известно, нисколько не отличаются от тех, которые находятся в полных списках Библии Московской Синодальной библиотеки. Таковы: книга Иова, две книги Маккавейские и все пророческие книги. Но это возражение находит для себя опровержение в том, что вообще все наши древние списки библейских книг отличаются однообразием в тексте. По выводам А. Горского и К. Невоструева, перевод священных ветхозаветных книг, содержащихся в отдельных списках, тот же самый, что и в трех полных списках Библии: только книга Песнь песней найдена в переводе, отличающемся от помещенного в Библиях⁴⁷³.

Быть может, кому-нибудь покажется странным также и то, почему митрополит Макарий не восполнил пробелы в отделе библейских книг посредством заимствований из книг богослужебных, из так называемых «Паремийников», если действительно он не имел возможности добыть полного списка Библии. Но, во-первых, в этом случае мы представляли бы митрополита Макария слишком активным литературным деятелем. В самом деле, для того чтобы по паремийным чтениям восстановить в целом виде какую-нибудь книгу Священного Писания, чтобы скомбинировать в одно компактное целое отдельные главы, разбитые по дням годового богослужебного круга, для этого со стороны собирателя требовался бы немалый труд. Между тем митрополит Макарий по цели своего сочинения избегал всякого рода активной работы: он только собирал, и собирал готовое. Во-вторых, целью митрополита Макария, как он заявляет в «Летописце», было собрать только «четии книги», т. е. дать православным читателям назидательный материал, главным образом приличный для домашнего чтения; поэтому с его стороны естественно было не обратить внимания на богослужебные книги (разумеется, исключая необходимые для всякого христианина Евангелие и Апостол), так как чтения из них и без того слышатся каждый день в церкви. Вероятно, поэтому митрополит Макарий и не поместил в своем сборнике ни одной богослужебно-литургической книги, за исключением некоторых чинов, внесенных в отдел приложений к августовской минее (под 31-м числом)⁴⁷⁴, и, вероятно, подобно множеству других статей, взятых из какого-нибудь сборника⁴⁷⁵.

Если митрополит Макарий не мог выполнить в Минеях своего желания собрать все библейские книги, то трудно ожидать в его сборнике полноты и по другим отраслям нашей древней литературы. Достаточно самого беглого сравнения состава Макарьевских Четиих Миней с тем количественным составом творений отцов Церкви в древнерусской письменности, какой обследован в небольшой книге одного нашего ученого⁴⁷⁶, чтобы убедиться, что Макарьевский список не успел вместить

в себе все даже большие отеческие трактаты. Равным образом и русская литература собрана далеко не вся. Преосвященный Макарий, разрабатывавший эту сторону вопроса, говорит следующее: то, что помещено из русской литературы в Минеях, «отнюдь не исчерпывает вполне нашей древней литературы до половины XVI века, если даже иметь в виду одних наших известных писателей. Так, преп. Феодосия Печерского здесь помещено только одно послание к князю Изяславу о латинской вере, св. Кирилла Туровского — только одно слово на собор 318 отцов, митрополита Киприана находятся только три послания, митрополита Фотия — только девять, митрополита Ионы — только три, преп. Иосифа Волоколамского — только два сочинения, правда самые важные и обширные — «Просветитель» и монашеский Устав, но посланий нет ни одного, и из многочисленных сочинений преп. Максима Грека — только одно слово против латинян. А слов Серапиона, епископа Владимирского, вовсе нет; посланий и поучений святителей Московских Петра, Алексия и Филиппа и преп. Кирилла Белозерского нет; нет также и путешествий Стефана Новгородца, иеродиакона Игнатия, дьяка Александра, иеродиакона Зосимы; нет ни устава, ни посланий преп. Нила Сорского; нет ни одного из слов и посланий митрополита Даниила»⁴⁷⁷. Объясняя причину отсутствия в Четиих Минеях всех этих сочинений, Преосвященный Макарий указывает на то, что собиратель одних из этих сочинений мог совершенно не знать, других мог не отыскать, а сочинения своих современников — митрополита Даниила и преп. Максима Грека, который был тогда еще жив и находился под епитимиею, — мог не поместить потому, что признавал это по каким-либо соображениям неудобным и неблаговременным. Далее, митрополит Макарий соединил в своем сборнике далеко не все русские Жития, написанные до 1530 года. По мнению В. О. Ключевского, некоторые из них, вероятно, остались неизвестны митрополиту Макарию; но отсутствие других в его Четиих Минеях, по мнению того же ученого, объясняется другой причиной, а именно: влиянием литературного взгляда собирателя на форму и характер житийных повествований. Участие этого взгляда при составлении житийного отдела Четиих Миней произвело то, что в состав последних не вошли или краткие Жития первоначальной, неразвитой конструкции, или жизнеописания, отличающиеся характером простой биографии исторического лица и чуждые агиобиографической риторики, витиеватости⁴⁷⁸. Наконец, нечего уже говорить о том, что в Макарьевские Минеи не вошли такие отделы литературы, как юридический, за ничтожными исключениями, и исторический, с его хронографами и летописями, так как сборник имел исключительно нравственно-назидательную цель.

Тот наличный состав произведений, какой мы указали в Макарьевских Четиих Минеях, естественно, побуждает нас к решению того вопроса, в какой степени этот состав обязан самостоятельной критической деятельностью митрополита Макария; иначе говоря, является ли этот состав результатом суммирования всего того, что ни попадалось в руки митрополиту Макарию, или же последний по каким-либо редакторским соображениям часть существовавшей тогда письменности оставлял за пределами своего сборника, хотя она была для него известна. Этот вопрос важно решить потому, чтобы кто-нибудь, составив себе преувеличенное представление о литературной деятельности митрополита Макария, не стал думать, что он при собирании сочинений отыскивал, например, более древние их списки или выбирал лучшие их редакции, отделяя подлинные сочинения от подложных, испорченных и т. п.

Как митрополит Макарий относился к тем спискам, которые служили источником для его сборника, нам уже известно. Это лучшее доказательство невнимания митрополита Макария к критическому началу в собственном смысле слова. В этом удосто-

веряет нас также и комбинация некоторых произведений под известными числами месяцев, которая казалась бы нам очень странною и удивительною без предположения, что она буквально заимствована собирателем из какого-либо сборника. В самом деле, какое иное объяснение можно дать тому факту, что под 11 февраля творения св. Симеона Нового Богослова помещены за два приема: первые 12 глав помещены между прочими творениями почти на первом месте⁴⁷⁹, последние же 37 глав продолжены лишь в самом конце дня⁴⁸⁰? Затем, масса повторений одних и тех же статей по нескольку раз⁴⁸¹, иногда под одним и тем же числом, даже непосредственно одна за другой, красноречиво говорит о том, что внимание и кругозор митрополита Макария не простирались дальше того списка с известной группой произведений, который он имел у себя как один из источников при составлении Четиих Миней. Все, что ни заключалось в нем, ревностный архипастырь спешил увековечить на страницах своего сборника, не справляясь о том, не являются ли некоторые вновь помещаемые произведения повторением уже помещенного прежде. Правда, многие случаи повторения можно объяснить, с одной стороны, тем, что в Миней вошли два Пролога, содержащие в себе часто одни и те же статьи, а с другой стороны, тем, что некоторым святым празднование совершается не однажды в году. Поэтому еще можно думать, что все эти повторения допущены собирателем не без цели. Но есть много и таких повторений, которые трудно объяснить чем-либо, кроме пристрастия к подлинному списку и вообще редакторского недосмотра, который, впрочем, вполне возможен при составлении такого большого сборника, как Четии Миней. Тот же недостаток надзора доказывается далее тем, что в Четиих Миней помещаются статьи, совершенно не соответствующие своим заглавиям. Например, под 26 октября помещено поучение на память св. мученика Димитрия; это поучение содержит в себе объяснение на слова в Евангелии Иоанна: «Си заповедаю вам, да любите друг друга»; о мученике же не говорится в поучении ни слова⁴⁸². Наконец, в Четиих Миней помещаются и такие статьи, почувствовать которым митрополит Макарий не мог. Так, например, под 31 августа помещена статья, содержащая «написание вдового попа Георгия Скрипицы из Ростова града»⁴⁸³. Это сочинение представляет собой протест против постановления Собора 1503 года, запрещающего священнодействовать вдовым попам⁴⁸⁴, — постановления, которое ревностно исполнял митрополит Макарий в Новгороде и которое он повторил потом на Стоглавом Соборе⁴⁸⁵. В Четиих Миней дважды (под 30 июня и 31 августа) помещена статья о трегубой аллилуии⁴⁸⁶, между тем как известно, что сам митрополит Макарий принимал мнение Стоглавого Собора о сугубой аллилуии. Прение Философа Панагиота содержит в себе учение о троеперстии⁴⁸⁷, тогда как митрополит Макарий принимал двуперстие⁴⁸⁸. Эти последние факты весьма характерны в том отношении, что они показывают, насколько митрополит Макарий был чужд каких-либо богословско-критических тенденций при выборе книг для сборника, — тенденций, которые потом заставляли наших предков вычеркивать или вырывать из его Четиих Миней разные статьи, не соответствовавшие истине⁴⁸⁹. Таким образом, ложно представлял бы деятельность митрополита Макария тот, кто стал бы думать, что Макарий, составляя свой сборник, отыскивал в целой массе существовавших в его время произведений письменности только те произведения, которые он считал соответствующими известным критическим задачам⁴⁹⁰. В этом случае митрополиту Макарию нужно было бы приписать решение таких вопросов, которые были ему не по силам, каковы вопросы: о подлинности или подложности сочинений, об их редакциях, о древности списков, об их испорченности и т. п. Одним словом, мы не должны смотреть на его труд с точки зрения научных приемов критики нашего времени, иначе мы позабыли бы разницу между XVI и нашим веками.

Впрочем, у митрополита Макария был своего рода принцип, которым он руководствовался при выборе произведений для сборника. Этот принцип – духовное назидание. Митрополит Макарий не ставил для своей работы каких-либо научных целей, но зато он имел в виду духовно-нравственное назидание, «душевную пользу» православных читателей Четиих Миней. В начале «Летописца» митрополит Макарий ясно указывает, какие книги вошли в его Четии Миней, – это книги «святые». На само дело собирания он смотрит не с литературно-критической точки зрения, а с точки зрения религиозного настроения как на благочестивый и спасительный подвиг. «Понеже в тех святых Четиих Минеях все святые книги четии собраны и написаны, и того ради всех молю и коленома касаюся с верою прочитающих сия святая книги, да вспоминают смиренную и грешную мою душу в святых своих ко всеильному Богу молитвах»⁴⁹¹. Таким образом, вся забота митрополита Макария была устремлена на то, чтобы сочинения, входящие в состав сборника, были назидательны и удобопонятны слушателям и читателям, могли возбуждать и поддерживать благочестивое внимание⁴⁹².

Указанный взгляд митрополита Макария на Четии Миней как на книги святые и назидательные побуждал ревностного архипастыря при собирании книг делать разграничение между книгами полезными, пригодными для христианина и книгами ложными, еретическими. В своем предисловии к Четиим Минеям митрополит Макарий, делая замечание о том, что им собраны и написаны все святые книги, спешит оговориться следующим образом: «А будет где посреде тех святых книг написано ложное и отреченное слово святыми отцы, а мы того не возмогохом исправили и отставили, и о том от Господа Бога прошу прощения за молитв всех святых, иже в книгах сих написанных»⁴⁹³. В этих словах митрополит Макарий ясно выразил свое старание о том, чтобы в его Миней не вошли книги неправые, еретические. Эту сторону деятельности митрополита Макария с особенным вниманием отмечает в своей «Истории Русской Церкви» архиепископ Филарет и справедливо ставит ее в связь с сознанием русскими книжными людьми неискренности в наше древнее время разных сборников и книг церковных. «Хотя преп. Максим, – говорит Преосвященный Филарет, – тяжело страдал за святые труды свои; хотя люди темные не преставали соединять с его именем мысли о греховности исправления старины, но обличения и защищения его не оставались бесплодным семенем в лучших сердцах; они заставляли сознаваться, что сборники и книги церковные действительно худы и что худое поправлять не есть дело худое, а потому надобно делать что-нибудь для улучшения книг. На первый раз твердо уверились, что надобно выбрать из кучи книг сборники лучшие. Того, по крайней мере, усердно желали, и желали хорошего. Но выполнилось ли желание? Архиепископ Макарий еще в Новгороде (1526–1546) по сей мысли составил три огромных сборника» (т. е. Великую книгу правила келейного, Великие Четии Миней и Кормчую)⁴⁹⁴. Что митрополиту Макарию действительно было присуще сознание неискренности книжного дела на Руси, это не возбуждает ни малейшего сомнения; несомненна также и попытка со стороны митрополита Макария очистить древнерусскую литературу от примеси ложных и еретических книг. В этом отношении Преосвященный Филарет справедливо указывает заслуги митрополита Макария в истории книжного исправления в России после преп. Максима Грека, но он преувеличенно, кажется, представляет его исправительные стремления, считая их одним из тех поводов и побуждений, которые вызвали митрополита Макария на собирание Четиих Миней. «Архиепископ Макарий еще в Новгороде, – говорит Преосвященный Филарет, – по сей мысли (т. е. по мысли очистить древнерусскую письменность от ложных и еретических книг) составил три огромных сборника». Между тем сам митрополит Макарий не говорит ничего подобного в своем

«Летописце». Его первая и прямая задача состояла в том, чтобы «собрать и во единое место совокупить» все святые и назидательные книги с целью дать православным людям на каждый день года такое чтение, которое бы служило, как он выражается, «в душевную пользу» читателям и слушателям. Что же касается критической работы разграничения истинных книг от ложных, то она сама собою следовала за указанной задачей. Собирая все святые и назидательные книги, читаемые в Русской земле, митрополит Макарий естественно, не должен был без разбора помещать в свои Чети Миней всякие книги ввиду существовавшего при нем всеобщего сознания несправности книжного дела на Руси. Поэтому при составлении Миней ему всегда было присуще опасение, как бы в его сборник не вошло что-либо «ложное или отреченное святыми отцы».

Посмотрим, насколько увенчалось успехом полезное стремление митрополита Макария различить в области содержания древнерусской письменности, вносимой в его Чети Миней, «ложное и отреченное слово» от истинного.

Это стремление было присуще митрополиту Макарию не только при составлении Четий Миней. Обнаруживая его в качестве скромного собирателя святых и назидательных книг, обретаемых в Русской земле, он торжественно заявил о нем и как церковный администратор, как участник и председатель Стоглавого Собора. В соборном ответе на один из царских вопросов мы читаем постановление Стоглавого Собора о том, «чтобы православные христиане богоотреченных и святыми отцы седмью соборы отверженных всех еретических книг (Рафли, Шестокрыл, Воронограй, Остромиий, Зодей, Алманах, Звездочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретические и коби бесовские) у себя не держали и не чли»⁴⁹⁵. Это постановление касается отдела так называемых светских гадательных книг, который, по словам Н. С. Тихоурава⁴⁹⁶, не входит в состав древнехристианской литературы, так как он весь слагается из оригинальных произведений русских, сербских и болгарских, в которых выражается старинное язычество, народная поэзия. Гадательные книги начали обращаться в нашей Древней Руси довольно рано. Уже в Требнике митрополита Киприана (XVI в.) они упоминаются под названием «богоотметных и ненавидимых книг». Это была та отрасль отреченной литературы, которая ранее других стала пересаживаться на нашу почву из Византии и южнославянских земель; как темное языческое суеверие, она находила себе поддержку в древних языческих верованиях Руси⁴⁹⁷. На этой благоприятной почве остатков язычества русская гадательная литература продолжала расти и в следующие столетия, и, наконец, к концу XV в. она достигла того объема, о котором мы можем судить по самому полному перечню гадательных книг в Кирилловой книге (1644 г.)⁴⁹⁸. Басни, сказки, заговоры (т. е. лживые молитвы), всякого рода суеверные приметы и гадания – таково содержание этого рода литературы. Отреченный характер древнерусских гадательных произведений, чуждых благочестивого и назидательного элемента, был слишком очевиден для наших предков. Еще митрополит Киприан жаловался, что «в толстых сельских сборниках» много ложного, «посеянного еретиками на пакость невежам попам и дяконам, в молитвенниках лживые молитвы о трясавицах и недужех»⁴⁹⁹. Поэтому и митрополит Макарий вместе с прочими участниками Стоглавого Собора предостерегает благочестивых христиан от «богоотреченных и святыми отцы седмью соборы отверженных всех еретических книг, разумея под ними гадательную отрасль светской литературы, а в своих Четий Минейях (под 31 августа) он помещает даже несколько статей, направленных против этой литературы⁵⁰⁰.

Но в нашей древнерусской письменности, вообще проникнутой религиозным началом, ко времени XVI в. образовалась целая интересная отрасль так называемых

апокрифических сочинений (*libri psevdoeipigraphi*, αλοκριφ — «потаенные» книги), в которых священные истины и события смешивались с блужданиями народной фантазии⁵⁰¹, в которых слышались иногда отголоски некоторых христианских ересей⁵⁰² и которые тем не менее в заглавии выставляли своими авторами не только отцов Церкви, но и апостолов, патриархов и даже Самого Иисуса Христа⁵⁰³. В апокрифах сама ложь была назидательна: она предлагалась в форме какого-нибудь благочестивого сказания; подлог же употреблялся в них как средство для более широкого распространения их в народной массе. Болгарская и сербская редакции многих памятников апокрифической литературы показывают, что они, подобно другим памятникам церковной письменности, принесены к нам из Болгарии, от южных славян, посредствовавших между Россией и Византией в деле литературных сношений⁵⁰⁴. Между нашими предками, умевшими различать истинные сказания от ложных, они и известны были под именем «болгарских басней»⁵⁰⁵.

Распространение этих «болгарских басней» еще в XVI в. вызвало со стороны Церкви запрещение читать их⁵⁰⁶. Но, несмотря на это запрещение, ложные сказания всегда составляли любимый предмет чтения в русском обществе. Наши древнерусские сборники были переполнены ими, и большинство из древних читателей не думали сознавать тех нелепостей и ошибок, того странного смешения вымысла с истиной, какие поражают нас в отреченной апокрифической литературе. Апокрифы пользовались таким доверием наших предков, что наряду с каноническими книгами читались даже в церквях; это видно из правила, запрещавшего их употребление⁵⁰⁷. Ими пользовались даже просвещеннейшие древнерусские святители и передовые книжные люди. Так, Новгородский архиепископ Геннадий верил в «Шестокрыл» и книгу Еноха праведного⁵⁰⁸; а старец Елеазарова монастыря Филофей в своем известном полемическом послании к дьяку Мисюрю «на звездочетцы и на латыны» свое учение о течении светил небесных заимствует из апокрифического «Видения апостола Павла»⁵⁰⁹.

Итак, можно ли при таком общем уважении к апокрифам в Древней Руси ожидать какого-либо критического отношения к ним со стороны митрополита Макария? Оставив за пределами Четиих Миней отреченные произведения светского характера, митрополит Макарий не избежал помешения в них апокрифов и разного рода ложных благочестивых сказаний. По недостатку критического отношения к собираемой письменности он не обращал внимания на то, насколько верны исторически рассказываемые в апокрифах события и насколько согласны с духом и учением христианства проповедуемые в них истины. Он не задавал себе также и того вопроса, действительно ли известное сказание или учение принадлежит тому авторитетному лицу, именем которого оно надписывается. Мы знаем цель митрополита Макария при составлении Четиих Миней; эта цель — собрать со всей Руси в один сборник все «святые» и назидательные книги. Коль скоро какое-либо произведение удовлетворяло этой цели, т. е. носило в себе элементы религиозного назидания, оно усваивало себе все права для того, чтобы быть внесенным в Четии Миней, как бы двусмысленно ни было оно по своему внутреннему содержанию. Таким образом, тот принцип, которым руководился митрополит Макарий при выборе сочинений для своего сборника, — принцип назидательности оказался не всегда верным пробным камнем при определении истинности или ложности разных сказаний и потому не спас собирателя от тех ошибок, которых он сам опасался, боясь, чтобы в его Четиих Минейх «посреде святых книг» не было «написано ложное отреченное слово святыми отцы» («Летописец»). Благодаря этому в Макарьевские Четии Миней вошло нечто такое, что вовсе не заслуживало названия «святых книг», что под ви-

дом благочестивого сказания содержало в себе заведомую ложь. Впрочем, принимая во внимание огромность сборника, должно заметить, к чести собирателя, что апокрифических сказаний на страницах Четвиих Миней находится весьма немного в сравнении с тем общим количеством их, которое указывает нам древнерусская статья «О книгах истинных и ложных»⁵¹⁰.

Так, под 14 сентября помещено «Слово Севериана, епископа Авальского, о древе всеспасенного креста, где обретется и како бысть»⁵¹¹. Это – апокрифическое сказание, взятое будто бы из послания какого-то жидовина в Вирите. Здесь говорится, будто крест Господень устроен из древа, выросшего из трех «главней», посаженных близ Иордана по повелению Авраама и перенесенного потом при Соломоне в храм Иерусалимский⁵¹².

Благочестиво настроенная фантазия древнерусского человека создала под авторитетным названием «Слова св. отца нашего Григория Богослова» еще другое апокрифическое сказание – «О кресте честнем Господа нашего Иисуса Христа и о разбойнических крестех, како зачахуся»⁵¹³. Митрополит Макарий и его внес в свои Четви Миней под 30-м числом июня. В этом любопытном сказании происхождение трех крестов, стоявших на Голгофе, ведется от того древа райского, от которого наши прародители вкусили запрещенные Богом плоды. Помещаемое же непосредственно за апокрифом о трех крестах «Слово за главу Адамову», в частности, содержит в себе сказание о том, что в основании того древа, на котором был распят Иисус Христос, лежала глава нашего праотца Адама.

Под 17 декабря вместе с библейским повествованием о пророке Данииле и трех отроках: Анании, Азарии и Мисаиле – соединяется апокрифическое сказание об их мученической кончине от руки царя Аттилы, преемника Навуходоносора⁵¹⁴.

Под 31 декабря помещено также довольно известное в нашей литературе апокрифическое сочинение, так называемое «Слово от книг Еноха праведного, прежде потоп»⁵¹⁵. Это произведение грозно-пророческого характера, написанное в тоне библейских учительных книг и приписываемое допотопному патриарху Еноху. Енох рассказывает здесь, что Господь, «прежде даже вся не быша, постави века тварного», а потом создал всякую тварь и, наконец, человека, что Он ради человека разделил век на времена и лета, месяцы, дни и часы, что под конец века Он назначил суд для человека по делам его. Тогда времена погибнут и лет не будет, дни и часы не будут считаться, «но станет век один».

Под 16 августа, в день перенесения Нерукотворенного Образа, в Макарьевских Четвиих Минейх мы видим «Послание Авгаря царя к Господу нашему Иисусу Христу», произведение весьма излюбленное древнерусскими людьми⁵¹⁶, помещенное вместе с «Отписанием Господа нашего Иисуса Христа, посланным со Ананиею борзоходящем ко Авгарю царю в град Едес»⁵¹⁷. «Послание Авгаря к Иисусу Христу» – это само по себе каноническое произведение, по замечанию Н. С. Тихонравова, было внесено в индекс отреченных книг потому, что оно было обезображено апокрифическими дополнениями⁵¹⁸. И действительно, само посольство Авгаря, чудесное происхождение образа Иисуса Христа на убресе, обстоятельство торжественного перенесения этого образа во Едес, наконец, исцеление Авгаря и его обращение ко Христу описаны здесь с такими подробностями, как будто бы автор этого произведения был непосредственным очевидцем всех рассказываемых событий. «Отписание Иисуса Христа ко Авгарю» еще более обезображено различными апокрифическими прибавками. Непосредственно за самим посланием, весьма кратким и немногословным, следует приложение, в котором сообщается, будто послание Иисуса Христа, написанное к Авгарю Его собственной рукой, было запечатлено семью печатями,

причем тут же объясняется и таинственный смысл этих печатей. Затем посланию приписывается такая спасительная сила, которая охранит от скорой и злой смерти, от болезни, от напасти и «от всякия вещи лукавыя» всякого человека, кто будет читать или носить у себя на шее это чудодейственное послание.

В Макарьевских Четиих Минеях встречаются и такие сказания, лживость которых признана современниками митрополита Макария.

Так, под 25 декабря помещено «На Рождество Христово сказание Афродитиана о бывшем в Перстей земли чуде»⁵¹⁹, — сказание, придуманное для объяснения того, почему персидские волхвы прежде всех пришли поклониться новорожденному Иисусу Христу⁵²⁰. Против этого сказания вооружался современник митрополита Макария преподобный Максим Грек в своем сочинении «Слово обличительно вкупе и развращательно лживого писания Афродитиана Персянина Зломудренного»⁵²¹. Это слово заключает в себе подробное критическое рассмотрение Афродитиановой повести о Рождестве Христовом и волхвах. Обращая внимание на писателя, преп. Максим Грек говорит: «Что писание Афродитиана неизвестно Соборной Церкви и не слышно в церковных повествованиях, это известно и поселянам»⁵²². Но, чтобы показать всю нелепость Афродитианова сказания, преп. Максим обращается к его содержанию и объясняет, как мысли его не согласны с богодухновенным учением, как оно противоречит иногда даже самому себе. Если судить по обличительному слову преп. Максима, то это сказание есть какое-то бессмысленное переплетение фактов истории, не признающее никакой хронологической последовательности, смесь языческой греко-персидской мифологии с положениями христианской религии. Здесь в одном рассказе о Рождестве Христовом соединены: боги Кронос, Зевс и Ира, евангельская история рождения Спасителя и поклонения волхвов, и все это отнесено ко времени персидского царя Кира. Повествование Афродитиана, — повествование до крайности странное, но тем не менее, по замечанию преп. Максима Грека, пользовавшееся уважением у некоторых православных христиан, как «честно и прелюбимо», — до такой степени, должно быть, понравилось митрополиту Макарию, что он поместил его трижды под одним числом: во второй раз в том же переводе, но со значительными дополнениями⁵²³, а в третий — в ином переводе⁵²⁴. Едва ли причиной внесения Афродитиановой повести в Макарьевские Минеи можно считать редакторский недосмотр со стороны митрополита Макария; против этого говорит трехкратное повторение ее в различных вариациях под одним и тем же числом.

Под 31 августа помещено также довольно часто встречающееся в древнерусских рукописях сказание «О воскресении Господни и о светлей недели»⁵²⁵. В этом сказании объясняется, почему Светлая пасхальная неделя называется «великим днем». Когда Христос воскрес, то до 6-го часа взшло солнце и стояло на востоке два дня на одном месте, потом на юге три дня и на западе два дня, а в 8-й день зашло. «Тем же, — говорится в сказании, — оттоле прослы велик день». Против этого сказания, как ложного, вооружался критикой тот же современник митрополита Макария — ученый преп. Максим Грек в своем сочинении «Сказание к глаголющим, яко в всю светлую неделю солнце не заходя г стояло, и того ради глаголют един день всю светлую неделю»⁵²⁶. В полемической статье преп. Максима Грека весьма любопытно предисловие, так как оно прекрасно характеризует состояние критического развития у современных ему передовых русских книжников. «Иже в последних сих наших летех, — говорит преп. Максим Грек, — на власти сушеи и всякого художества премудрого отнюдь суше непричастни, егоже ради и божественных писаний проходяще по чернилу, сокровенный в них ум никакоже разумеюше, какова мудрствуют и деют, на иное время лепо есть поведеа-

ти словесы должнейшими пречудная исправления их, а яко премудраго художества последним ненаучением недугуют, обличение явственнейши есть еже от них мудрствуемое и проповедуемо сопротив всякой евангельстей и апостольстей и отечестей истинне и преданию, носится убо у них, якоже они глаголют, списание некое несвидетельствовано, егоже они предлагают крепкое показание глаголюще, яко по всей светоносней седмицы ста солнце от своего шествия и ношь не бысть, но единойднвна бысть вся светозарная седмица»⁵²⁷. Неизвестно, кого разумел преп. Максим Грек под теми, о которых он говорит: «Иже в последних сих наших летех на власти сушеи», но, быть может, в частности, он имел в виду и Всероссийского митрополита Макария, этого Первоиерарха Русской Церкви, без критики принявшего сказание о Светлой седмице в разряд «святых» книг, которые он собирал для своих Четних Миней.

Под 9 декабря, в «Слове Иоанна мниха и просвитера Евсевия на Благовещение Иоакима и Анны» передается апокрифическое сказание о поставлении Христа в священство⁵²⁸. По этому сказанию, Иисус Христос был произведен во иерейство при следующих обстоятельствах. В год крещения Иисуса Христа, 30-й год Его жизни, один из 40 священников, которые, по ветхозаветному обычаю, непременно в полном составе должны были отправлять службу «в великий день», умер. После продолжительных и безуспешных попыток найти человека, достойного заменить умершего, оставшиеся в живых иереи остановили свой выбор на Иисусе Христе и с честью посвятили Его во священство; впрочем, после они возненавидели Иисуса и исключили Его из своего общества⁵²⁹.

Далее нужно заметить, что митрополит Макарий не придавал большого значения проблеме выбора для своего сборника разных Житий святых: иногда он без критики принимал все житийные сказания, какие находил в рукописях, служивших литературным источником для его Четних Миней. Доказательством такого отношения митрополита Макария к житийной литературе служит присутствие в его Минеях таких сказаний о жизни святых, которые указаны в древнерусском индексе ложных и отреченных сочинений, таковы: чудо Феодора Тирона, Ириново мучение и др. В «Чюде святого Феодора Тирона, како выведе мать от змиа»⁵³⁰, помещенном в Четних Минеях под 17 февраля, излагается сказание о чудесном освобождении матери св. Феодора ее сыном из кладези, или страшного подземелья, в котором обитало множество «зверей, змей и иного гада». «Мучение святыа и славныа мученица Иринии», помещенное под 5 мая⁵³¹, не менее поражает нас обилием вымышленных подробностей страданий св. Ирины. Под 4 сентября помещено апокрифическое Житие св. пророка Моисея⁵³², заимствованное из Палеи⁵³³, в котором наряду с библейским повествованием содержатся разные исторические данные, не имеющие себе подтверждения в Библии. Под 19 января в отделе Пролога помещено краткое апокрифическое сказание о св. Макарии Римском⁵³⁴ и о пребывании его в пустыне, в 20 попришах от рая, где спустя несколько лет после поселения он был найден тремя монахами. «Слово святого отца нашего Агапия, что ради человек оставляет дом свой, и жену и дети и род свой, и возмет крест и идет в след Христа», помещенное под 14 апреля, содержит в себе апокрифическое сказание о видении преп. Агапием рая⁵³⁵.

Кроме этого, в Макарьевские Миней внесено несколько апокрифических сочинений под общим названием «слов». Таково слово «О рождестве Иоанна Предтечи и о умертвии отца его Захария», внесенное под 5 сентября⁵³⁶. В этом слове к церковным преданиям о гонении царя Ирода против пророка Иоанна Крестителя и об умерщвлении св. Захарии, отца Иоанна Предтечи, примешиваются ложные сказания; например, здесь рассказывается, будто Захария был воскрешен и крещен Господом Иисусом Христом в Вифлееме по возвращении из Египта с архангелом Гав-

риилом; будто тело Захарии было принесено в Вифлеем «в церковь Божию» четырьмя архангелами: Михаилом, Гавриилом, Уриилом, Рафаилом и т. п. Под 25 декабря мы видим еще два таких апокрифических слова на Рождество Господа нашего Иисуса Христа⁵³⁷, из которых одно приписывается «св. апостолу Иакову, брату Господню по плоти»⁵³⁸. По замечанию Востокова, как в том, так и в другом слове содержатся апокрифические повести о Благовещении и Рождестве Христовом, заимствованные из «Первоевангелия Иакова»⁵³⁹. В другом месте, под 8-м числом сентября, это «Первоевангелие Иакова» помещено в Макарьевских Четиих Минеях в целом виде с надписанием «Слово на Рождество Пресвятыя славныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Мариа»⁵⁴⁰. Здесь, кроме рассказа о Рождестве Пресвятой Богородицы, содержатся еще апокрифические повествования «О введении Богородицы в Святая Святыя», «О Благовещении Богородицы» и «О Рождестве Христове». Более или менее значительный отрывок из того же «Первоевангелия Иакова» приводится также в другом слове на Рождество Пресвятой Богородицы, приписываемом св. Иоанну Златоусту⁵⁴¹.

В Четиих Минеях митрополита Макария иногда помещаются такие библейские повествования, в которых исторически достоверные и несомненные события странным образом перепутаны с ложными выдумками. Такова помещенная под 1 мая, в день памяти св. пророка Иеремии, «Повесть святого и великого пророка Иеремиа о преселении и о прогнании Иерусалимли»⁵⁴². Это так называемый Паралипоменон Иеремии «О пленении Иерусалимском Иеремиина, что орла слали с грамотою в Вавилон к Еремеи» — повествование, которое числилось в древнерусских перечнях запрещенных для чтения книг⁵⁴³. Здесь говорится о семидесятилетнем сне Авимелеха, избавившего пророка Иеремию из рва, и о пробуждении его по окончании плена Вавилонского, о том, как Вавирух и Авимелех с орлом послали весть к пророку Иеремию, будто бы переселенному в Вавилон, и пр.⁵⁴⁴

Что касается указанной «повести пророка Иеремии», то в ней по крайней мере, наряду с апокрифическими элементами, содержатся и исторически достоверные факты, которые легко отделить от первых. Но в Четиих Минеях встречаются (впрочем, не часто) и такие сказания, которым не должно быть места в сборнике ввиду той серьезной цели, которую поставил перед собой составитель Миней: собрать святые и назидательные книги. Таково, например, помещенное под 17 декабря «Сказание о Вавилоне»⁵⁴⁵, в котором говорится, что царь Ливуй, в крещении Василий, послал трех человек: из «Греков, из Обеж и из Руси», по одному для получения знамения от гроба трех вавилонских отроков, именно: двух венцов, устроенных еще Навуходоносором и предназначенных им для царя Ливуя⁵⁴⁶.

Нечто подобное мы встречаем также в статье «О происхождении различных народов от Авраама и Лота», помещенной под 31 августа⁵⁴⁷, в ряду полемических статей, направленных против латинян. В конце этой статьи под именем «писания» приводится следующая притча: «Жидове с латынею сеять у пня, закрывши очи листовием, а правовернии приходяще плод обирають»; в заключение, делая объяснение приточных образов, автор притчи говорит в укор латинянам: «Пень есть церкви, а плодучение святых книг, а листовие учение диаволе»⁵⁴⁸.

Таким образом, хотя древнерусский индекс в числе истинных книг помещал и «12 Миней Четиих, в них же написана жития святых пророк и апостол и святитель и страсти мученические»⁵⁴⁹, в Минее митрополита Макария вкралось несколько запрещенных апокрифических произведений. В составе Макарьевского сборника можно было бы указать еще несколько апокрифов⁵⁵⁰. Но, кажется, и приведенных

примеров вполне достаточно для того, чтобы составить себе ясное представление о критической стороне деятельности митрополита Макария как собирателя древнерусской литературы. Митрополит Макарий на Стоглавом Соборе безусловно отвергнул употребление между православными светской гадательной литературы (Рафли, Аристотель и т. п.), так как ее отреченный характер был слишком очевиден для всякого, даже для не вполне развитого в критическом отношении ума, но зато он не избежал общего современного ему увлечения апокрифическими сказаниями. Уже одна внешняя, религиозно-назидательная сторона содержания подкупала митрополита Макария в пользу этих сказаний. Мы видели, в какой степени митрополит Макарий проявил свою самостоятельность вообще при выборе произведений для своих Четиих Миней. В этом случае гораздо в большей мере действовали случайные условия, чем свободнокритический выбор: митрополит Макарий без особого критического разбора вносил в свой сборник по большей части все попадавшие ему произведения, какие только удовлетворяли его принципу религиозной назидательности. Не мудрено, что митрополит Макарий при таких общих условиях литературной работы, не производя должного разграничения между книгами истинно религиозного содержания и апокрифами, поместил в своих Четиих Минеях немало апокрифических сочинений, которые он извлекал из рукописных сборников, служивших источником литературного материала для его Четиих Миней. Впрочем, митрополит Макарий мог бы и без особого критического отношения к делу отбросить апокрифические сочинения на основании статьи о книгах истинных и ложных, но он, очевидно, не был знаком с перечнем тех книг, которые признавались Церковью запрещенными. Хотя, по замечанию Н. С. Тихонравова, древнерусский индекс и был ненадежным указателем при определении истинности или ложности некоторых произведений, например «Обходов апостольских»⁵⁵¹, но тем не менее при помощи этого индекса митрополит Макарий мог бы избежать внесения в свой сборник таких классических апокрифов, как «Сказания Афродитиана», «Сказание о светлой неделе», «Отписание Господа нашего Иисуса Христа к Авгарю» и пр.

Но, быть может, апокрифы в немалой степени обязаны своим присутствием в Четиих Минеях редакторскому недосмотру митрополита Макария? Конечно, в некоторых случаях этот недосмотр весьма возможен в таком огромном сборнике, каковы Великие Четии Миней, но, как мы видели, апокрифов внесено такое количество, что одним недосмотром объяснять их присутствие на страницах сборника нельзя. По крайней мере если бы это было так, то митрополит Макарий, несомненно, потом постарался бы исправить ошибку, вырвав или зачеркнув те листы, на которых помещены ложные сказания, что и сделал, например, один из преемников митрополита Макария по управлению Московской митрополией — патриарх Филарет, приказав «лживое и еретическое слово («Сказание Афродитиана») из книги выдрати»⁵⁵². Наконец, и сам митрополит Макарий, допуская возможность присутствия «посреде святых книг», содержащихся в Четиих Минеях, «ложного и отреченного святыми отцы слова», винит в этом случае только «свое неразумие», недостаточность в себе критического развития, при котором он мог бы «отставить» все несоответствовавшее задачам его сборника.

Мы видели, как незначительно было применение критического начала при выборе содержания для Макарьевских Четиих Миней. Но митрополит Макарий производил еще исправления в области внешней формы, языка тех произведений, которые он помещал в своих Четиих Минеях. По его собственным словам, он «многи труды и подвиги подъял от исправления иностранных и древних пословиц, преводя на русскую речь»⁵⁵³.

Что нужно разуметь под этими «иностранными и древними пословицами», которые подвергались исправлению и замене со стороны митрополита Макария? По мнению наших авторитетных исследователей, это не что иное, как иностранные и устаревшие слова и выражения, оставшиеся в произведениях древнерусской письменности от того старого времени, когда эти произведения в первый раз появились на русской почве⁵⁵⁴.

И действительно, русская письменность времен митрополита Макария укрывала в себе большое количество древних, отживших элементов славянского языка, а с другой стороны, содержала в себе остатки и других наречий. Для того чтобы лучше составить себе понятие о состоянии и характере языка в тех церковно-богословских сочинениях, которые в XVI в. обогащали нашу древнерусскую письменность, мы позволим себе сделать небольшую заметку о том, откуда и каким образом они приобретались нашими предками.

Главным источником, поставлявшим произведения для нашей письменности с самого древнего времени, служила Болгария. IX и X века были цветущими веками болгарской литературы, а равно временем расцвета и всей вообще древнейшей славянской письменности. В сравнительно непродолжительный период времени болгарская письменность обогатилась массой самых разнообразных переводов с греческого. Рядом с переводами шли опыты и самостоятельной литературной деятельности⁵⁵⁵. Благодаря этому древнеболгарская письменность достигла такого блестящего развития, что «могла по богатству литературных произведений духовно-нравственного содержания смело стать на ряду с самыми богатыми в то время литературами — греческою и латинскою, превосходя в этом отношении все другие европейские литературы»⁵⁵⁶. Начавшиеся церковные сношения русских — после принятия ими христианства от греков — с южнославянскими христианами послужили причиной того, что от последних стало переходить к ним богатство как иностранных произведений, переведенных на славянский язык, так отчасти и оригинальных произведений славянских писателей. Таковы книги Священного Писания, толкования на них, церковные поучения, сочинения, касающиеся догматов веры и нравственности, сборники, Жития святых и т. д.⁵⁵⁷ Есть известие, что болгарский царь Симеон, покровитель письменности, прислал в Россию вместе с духовными лицами и много книг⁵⁵⁸, а в 1274 году на Владимирском Соборе митрополит Кирилл указывал на новый славянский список церковных правил, присланный по его просьбе в Россию болгарским деспотом Иаковом Святиславом⁵⁵⁹. Книжное влияние Болгарии и других южнославянских стран продолжалось и в последующие века. Памятником его остались многочисленные рукописи с правописанием сербским, болгарским или смешанным с русским⁵⁶⁰ и вообще с признаками болгарского или сербского языков⁵⁶¹. Но помимо Болгарии переводы книг с греческого языка с первых же времен производились и непосредственно в России. О Ярославе I (1019—1054) летопись говорит, что он, собирая книги, велел непереведенные переводить с греческого на славянский⁵⁶². И так как переводчиками были, конечно, те же болгары или греки, постоянно приходившие в Россию с греческими митрополитами и епископами, то они, в сущности, вносили в древнерусские переводы те же особенности языка, какие переходили к нам вместе с южнославянскими произведениями.

Века шли за веками. Русский язык успел пережить некоторые стадии в своем развитии, но древнерусская письменность, унаследованная от южных славян, продолжала хранить в себе следы древней, южнославянской речи вместе с остатками греческого языка, которые были внесены переводчиками в виде разных слов и

грамматических оборотов. В таком состоянии эту письменность застает митрополит Макарий в XVI в. Все ее старинные особенности в области языка к середине XVI в. являлись у нас до такой степени анахронизмом по отношению к тогдашнему письменному языку, что затрудняли чтение и заставляли прибегать к помощи словотолковников, в которых объяснялись непонятные в то время слова⁵⁶³. Но древнерусские книжники этим не удовлетворялись. В середине XVI в. с их стороны мы встречаем стремление к замене устаревших слов и выражений новыми, современными, а также к сглаживанию слов иноземных. Митрополит Макарий был одним из этих книжников, понимавших нужды письменности своего времени. Большая часть статей, помещенных в его Великих Четиих Минеях, состоит из древних переводов с греческого языка, и потому ему естественно было обратить внимание на многие удержавшиеся в них остатки древней южнославянской и греческой речи.

К каким же результатам привели «многие труды и подвиги» митрополита Макария по части исправления и перевода «древних и южнославянских пословиц»?

Мы не имели возможности произвести какие-либо текстуальные сравнения книг, содержащихся в Макарьевских Минеях, с теми оригиналами, с которых они списывались, или по крайней мере со списками одинаковой с ними редакции. Поэтому нельзя с точностью определить меру и характер исправлений, сделанных Макарием в тексте книг. Но, несомненно, что эти исправления были самые незначительные. Если только они действительно были, то, вероятно, они не шли дальше замены устаревших и иностранных слов современными русскими на основании существовавших тогда словотолковников. Но разве можно ожидать какой-либо серьезной услуги в деле исправления текста от всех этих толкований непонятных слов, когда их было так мало и когда они занимали иногда не более одной страницы в небольшую четверку, да и те в довершение всего терпели под пером переписчиков разные изменения⁵⁶⁴. Исправление текста читаемых на Руси книг требовало гораздо большего, нежели простая замена некоторых слишком заметно бросающихся в глаза устаревших выражений и слов по каким-то сомнительного происхождения толковникам. Для этого нужно было действительно подыять большие труды и подвиги, и притом обладать некоторыми необходимыми для успешной работы условиями, как-то: более или менее основательным запасом филологических познаний в области славянской речи и обязательно знанием греческого языка. Но первое условие было невозможно для того времени, когда жил митрополит Макарий, а второе тоже составляло роскошь в отношении образования, о которой русские при упадке просвещения во время монголо-татарского ига и долгое время после него позабыли и думать. Митрополит Макарий не знал греческого языка. Стоглавый Собор, под председательством митрополита Макария решая вопрос о средствах исправления книг церковных, постановил, чтобы протопопы и благочинные (поповские старосты) исправляли церковные книги по хорошим спискам⁵⁶⁵, очевидно разумея под ними не греческие, а славянские списки. При печатании первой книги Апостола, которое производилось при жизни митрополита Макария и было окончено вскоре после его смерти, участвовавшие в издании не принимали во внимание греческий текст. Да едва ли кто-нибудь из них и знал греческий язык; явной уликой в этом против издателей служит то, что они текст Нового Завета называют текстом LXX толковников⁵⁶⁶. Поэтому и сам митрополит Макарий не придает какого-либо серьезного значения своей работе над правкой текста. Упомянув в «Летописце» о своих трудах по части исправления текста книг, он добавляет: «Сколько нам Бог дарова уразумети, толико и возмогохом исправити; иная же и доднесь в них неисправлена пребысть, и сия оставихом по нас могу-

щим с Божиею помощью исправить»⁵⁶⁷. Признание совершенно искреннее и соответствующее действительному положению дела.

В самом деле, очень многие переводные произведения в Макарьевских Четиих Минях носят на себе следы древности. Укажем для примера несколько устаревших непонятных слов и выражений, подмеченных нашими известными филологами А. Горским и К. Невоструевым.

В «Слове на Рождество Пресвятыя Богородицы» (8 сентября) сохранились выражения: «и в тче колимог свой тоу», «благословествять» (вм. «благословять») ⁵⁶⁸. В «Слове на зачатие Иоанна Предтечи» (23 сентября) встречаются такие слова и обороты древнего языка, как, например, «крес», «чиститель» (вм. «иерей»), «да бым обрелися непостыдни» и пр. ⁵⁶⁹ В «Мучении св. Феклы» (24 сентября) врач именуется «балиа» ⁵⁷⁰. В сборнике, известном под названием «Иоанна Златоустого разуми полезни от андриант» (29 февраля), достойно замечания употребление слова «облашь» (вм. «мирской»), равно как «матка огненная» (вм. «геенна огненная») ⁵⁷¹. В древнем и, должно быть, болгарском переводе «мучения св. Феодота» (1 марта) встречаются выражения: «бошию» (на греч., вероятно, *mallon*), «тоуньба» (вм. «дар», от «туне») ⁵⁷². В «Мучении св. Павла и Улиании» (4 марта) встречаются такие слова и выражения, как «в гыжду», «дуплятица огнены горяща» ⁵⁷³; а в «Мучении 42 сирийских мучеников» (6 марта) читаем: «Призвав же единого от святых. Феодора непобедимого крагера тако нарицаемого славна же и чятьхула скопца естеством... Феофила чятьхула... Калиста чигота» ⁵⁷⁴. В «Похвале св. евангелисту Иоанну» (8 мая) вместо слова «сый» неоднократно употребляется «сай» ⁵⁷⁵ и т. д. ⁵⁷⁶ Иногда случалось, что некоторые древние слова за утратою их значения изменялись под рукою переписчиков. В Макарьевских Четиих Минях есть образцы и подобного рода искажений древних слов. Например, в «Похвале св. Василия 40 мученикам» (9 марта) выражение «труд воинских» употреблено вместо «полк воинский» ⁵⁷⁷. Конечно, нечего уже говорить о том, что на страницах Четиих Миней остались неизглаженными внешние признаки древности переводов – сербское и болгарское правописание. В этом легко убедиться, развернув любой из изданных Археографической Комиссией выпусков Миней ⁵⁷⁸. В последних есть слова, написанные даже глаголическими буквами ⁵⁷⁹.

Не с большим успехом митрополит Макарий производил исправления и «иностранных пословиц». Кроме встречающихся иногда каких-то невразумительных выражений ⁵⁸⁰, в его сборнике находится масса слов греческого корня ⁵⁸¹. Причем незнакомство переписчика с греческим языком послужило причиною того, что многие слова, взятые из греческих подлинников, внесены в Макарьевские Миней в искаженном виде ⁵⁸². Наконец, при отсутствии у митрополита Макария какой-либо подготовки к текстуальным исправлениям весьма естественным является и то обстоятельство, что переводные произведения Макарьевских Миней удержали в себе и ту темноту в выражении мыслей подлинника, те неправильности, которые легко объясняются неполным уразумением со стороны переводчика смысла слов греческих ⁵⁸³.

Таким образом, митрополит Макарий обнаружил бессилие при исправлении текста книг со стороны тех особенностей языка, на которые он обратил внимание как на остатки древнего перевода. Но еще большего внимания заслуживала и больше требовала исправления масса ошибок, внесенных в текст переписчиками. Невозможно, чтобы митрополит Макарий не подозревал существования их в тех книгах, которые он собирал для Четиих Миней. Вопрос об исправлении этих ошибок был одним из существенных вопросов на Стоглавом Соборе, на котором председательствовал митрополит Макарий. Но, несмотря на это всеобщее сознание нужды в исправлении

книг от всевозможных порчей, собиратель Миней в «Летописце» ни слова не говорит о какой-либо попытке со своей стороны к их искоренению. Вероятно, эта работа представлялась Макарию настолько не по силам (так как она требовала основательного знания языка), что он счел лучшим оставить ее для потомков. В самом деле, при исправлении «древних и иностранных пословиц» Макарий мог по крайней мере пользоваться хоть какими-нибудь внешними указаниями словотолковников. При исправлении же ошибок, внесенных переписчиками, он не имел даже и этих пособий. Поэтому в Макарьевских Четиих Минеях мы видим массу всякого рода ненамеренных погрешностей, обычных при списывании книг недостаточно внимательными и необразованными переписчиками. Это целый ряд пропусков, свидетельствующих о том, что утомившийся глаз переписчика перебежал с одного слова на другое⁵⁸⁴, ряд всевозможных описок, состоявших в том, что переписчик, неясно разбиравший или же невнимательно читавший рукопись, без смысла заменял одни этимологические формы слова другими⁵⁸⁵, а также вместо известного слова писал другое, созвучное или похожее на первое по правописанию⁵⁸⁶; сюда же относится весьма большое число искажений собственных имен⁵⁸⁷. Описки в Великих Четиих Минеях часто доходят до совершенной бессмыслицы⁵⁸⁸, а иногда эта бессмыслица еще более усиливается в них через совместную ошибку переводчика и переписчика⁵⁸⁹. И весь этот испорченный книжный текст митрополит Макарий вносил в свой сборник без всякой поправки в том виде, в каком он извлекал его из обращавшихся в его время рукописей, если только к готовым ошибкам этих рукописей не присоединялись еще новые, со стороны переписчиков Четиих Миней.

Итак, все предыдущее обозрение по вопросу о редактировании митрополитом Макарием материала, собираемого им для Великих Четиих Миней, приводит нас к следующему выводу. Весьма ошибся бы тот, кто, составив себе преувеличенное представление о критических способностях митрополита Макария, стал бы смотреть на его сборник как на труд, ценный в редакторском отношении. Против этого говорит, с одной стороны, критическая неразборчивость митрополита Макария при выборе произведений для сборника, а с другой стороны, отсутствие редактирования произведений со стороны их внешней формы, подобного редактированию св. Димитрия Ростовского⁵⁹⁰, если только не придавать серьезного значения попытке митрополита Макария к замене и исправлению «древних и иностранных пословиц». Присутствие в Четиих Минеях целого отдела ложных и апокрифических сочинений, а также вся сумма текстуальных неисправностей заставляют нас считать митрополита Макария только собирателем и организатором. Единственное, что может свидетельствовать о некоторого рода личной самостоятельности этого неутомимого собирателя древнерусской письменности, — это классификация произведений по числам каждого месяца. Но сколько бы ни казались нам недостаточными критические способности митрополита Макария, как ни слабо удовлетворял он современным запросам относительно исправления книжного дела, во всяком случае нужно заметить, к чести этого знаменитого иерарха, что он был одною из числа тех светлых личностей XVI в., которые близко к сердцу принимали печальное состояние современной литературы и хотели помочь русскому обществу в деле его очищения и исправления. Если же труд митрополита Макария и не обладал тем высоким научно-критическим уровнем, то в этом виновата эпоха, в которую приходилось жить и действовать этому мужу. Она не дала своему сыну образовательных средств в том необходимом количестве, чтобы он в сфере древнерусской письменности мог исправлять ошибки своих предшественников.

Резюмируя все сказанное выше о Макарьевских Четиих Минеях, мы приходим к тому, что митрополит Макарий при составлении Четиих Миней не выполнил в должной мере задачи, которую он поставил для своего сборника, — задачи собрать в проредактированном виде все истинные, святые книги, обретаемые в Русской земле. Во-первых, он оставил за пределами своего сборника немало произведений, несомненно существовавших в XVI в.; во-вторых, в его Четиих Минеях нашли себе приют многие ложные произведения, указываемые в древнерусских индексах запрещенных книг; в-третьих, к совершенно незначительным результатам привело митрополита Макария и стремление к текстуальным исправлениям собираемых им книг. Но все эти упущения и ошибки, замечаемые в Макарьевском сборнике, не дают нам права относиться со строгими критическими претензиями к знаменитому собирателю и его почтенному труду. С одной стороны, нельзя забывать массу разного рода внешних условий, которые могли затруднять поиски сочинений для сборника, а с другой стороны, при оценке критического отношения митрополита Макария к собираемому им материалу мы не должны упускать из виду представление о низком уровне научно-критической образованности его времени. Несмотря на все свои недостатки, труд митрополита Макария заслуживает полного уважения по своему громадному значению в русской литературе. Наука не может без благодарности отнести к Макарьевским Четиим Минеям, так как, по замечанию Преосвященного Макария, многие русские сочинения, в особенности Жития, помещенные здесь, не сохранились в более древних списках, а все вообще собранные здесь произведения русской литературы представляют богатое и драгоценное пособие при изучении этих произведений, при сличении и оценке их редакций и разновременных списков, сохранившихся в других памятниках нашей письменности⁵⁹¹. Но еще большее значение Макарьевского сборника состоит в том, что внутренний состав этого сборника, до крайней степени разнообразный, наглядно отображает в себе литературные и вообще духовные интересы наших предков. В Макарьевских Четиих Минеях совмещена вся сумма знаний тогдашнего образованного человека, энциклопедия всех известных ему наук. По ним мы можем судить, каков был его умственный горизонт, каков был, вследствие целого ряда неблагоприятных исторических обстоятельств, уровень его образования. Библия, творения отцов Церкви, Жития святых и другие книги учительного содержания, сочинения о естественно-научных знаниях вроде книги Козьмы Индикоплова, апокрифы — вот весь арсенал образовательных средств древнерусского книжника, о которых мы можем судить на основании внутреннего состава Великих Четиих Миней митрополита Макария. Этот письменный памятник наглядно свидетельствует, что русское общество, по выражению одного исследователя, почти накануне своего появления в качестве деятельного фактора среди европейских народов все еще не могло покончить со своими средними веками⁵⁹².

ГЛАВА 4. Макарий, митрополит Всероссийский, как инициатор возрождения древнерусской агиографической литературы

Из всех отделов, вошедших в состав Макарьевских Четиих Миней, больше всего возбуждал интерес собирателя отдел Житий святых — не только греческих, но и отечественных и вообще славянских. На них преимущественно и обратил свое внимание митрополит Макарий при составлении своих Четиих Миней. По словам одного биографа, иеромонаха Илии, митрополит Макарий любил «день и ночь, яко

пчеле сладость отвсяду приносить, поискати святых жития»⁵⁹³. С этой целью собиратель образовал около себя кружок людей, которые работали для его дела. Одних он привлек к себе, не шадя злата, серебра и всяких почестей, а другие, вероятно, работали так же, как и он, из любви к делу. Таким образом, составилось целое литературное общество, члены которого рылись в монастырских библиотеках, стараясь найти вместе с другими произведениями нужные им Жития святых, переписывали разные редакции этих Житий и располагали их по числам месяцев. Такое общество — явление единственное в то время в Московской Руси.

Но митрополит Макарий имел и другое, более положительное и существенное влияние на нашу житийную литературу, способствуя ее дальнейшему развитию и обогащению новыми произведениями. То были исключительно Жития русских, отечественных святых, которые под руководством знаменитого архипастыря в том же литературном обществе составлялись вновь или же радикально переделывались сообразно литературным требованиям времени. Ближнему или отдаленному влиянию митрополита Макария обязано своим происхождением такое количество вновь составленных и переделанных Житий русских святых, что оно дает нашим ученым основание обозначить именем митрополита Макария целую эпоху в истории древнерусской агиобиографии⁵⁹⁴. В четверть века, как справедливо заметил В. О. Ключевский, написано было о русских святых не меньше, чем в сто лет, следовавших за смертью митрополита Макария⁵⁹⁵. Такое сильное возбуждение сообщено было русской житийной литературе главным образом двумя явлениями, ознаменовавшими деятельность митрополита Макария: это составление Великих Четиих Минеи и канонизация русских святых на Соборах 1547 и 1549 гг., а равно и после них. Под влиянием этих факторов совершился весь процесс возникновения севернорусских Житий Макарьевского времени. Но, прежде чем приступить к указанию целого ряда этих Житий, необходимо сказать несколько слов об общем направлении, господствовавшем в этой отрасли русской литературы XVI в. Иначе для нас будет непонятен особый специфический характер, который носит на себе каждое Житие, возникшее под редакцией митрополита Макария как литературное целое.

Древнейшие Жития русских святых отличаются краткостью и простотою в рассказе, «имеют в основе своей известную историографическую задачу, на первом плане ставят фактическое содержание, не обращая его в материал для церковной проповеди или нравственно-риторического рассуждения»⁵⁹⁶. Но с конца XVI в. литература Житий русских святых, сильно разрастаясь и развиваясь, принимает иное направление. Это направление возникло под влиянием Византии и южнославянских стран, после того как вместе с массой славянских оригинальных произведений и переводов к нам явились литературные таланты, мастера житийного искусства сербы митрополит Киприан и инок Пахомий Логофет. Они-то и установили у нас новую теорию для составления агиобиографических произведений, дав несколько образцов Житий в новом направлении. Непременным следствием вновь установленного взгляда на задачу Жития является то, что прежняя простота заменяется искусственными литературными приемами. Народное предание для большинства новых Житий перестает быть не только единственным, но и главным источником. Личность агиобиографа, прежде неизвестная, теперь выступает на первый план, и само Житие иногда является только поводом автору выставить на вид свое красноречие, которое полагалось большей частью в напыщенности и растянутости, «плетении словес», как удачно называли его сами слагатели Житий⁵⁹⁷. Под влиянием указанного литературного взгляда на Житие с XIV и особенно с XV в. было составлено много новых Житий; но немало было переработано также старых, простых редакций, найденных с литератур-

ной точки зрения неудовлетворительными. Конечно, и митрополит Макарий не мог не подчиниться литературным требованиям современной ему русской агиографии. Это обстоятельство необходимо иметь в виду для того, чтобы лучше понять и оценить значение митрополита Макария в этой отрасли литературы.

Прежде всего очень важным фактором появления большого количества русских Житий при митрополите Макарии, как мы уже замечали, были его Четии Минеи. Ревностный архипастырь, отыскивая в Новгороде для своего сборника Жития русских святых, должен был убедиться, что Жития некоторых из них вовсе не были написаны, а других если и были составлены, то неудовлетворительно. Поэтому собиратель при всяком удобном случае старался восполнять пробелы в житийной литературе. Первый такой случай представился в Новгороде в 1537 году. По сообщению новгородского летописца, в это время по воле государя послан был из Москвы в Великий Новгород для собирания ратных людей боярский сын Василий Михайлович Тучков. Архиепископ Макарий, услышав о новоприбывшем, «яко издетска сей Василей навик велми божественнаго Писания», упросил его написать и распространить Житие и чудеса Михаила Клопского⁵⁹⁸, вручив ему для этого древнюю редакцию⁵⁹⁹. Побуждение, вызвавшее новую редакцию Жития, было чисто литературное: митрополит Макарий был недоволен «весьма простым» изложением древней редакции, появившейся, по замечанию летописца, в то время, когда «человецы в Новгороде еще быша не велми искусны божественнаго Писания». Поэтому, требуя распространности Жития, Новгородский владыка исключительно имел в виду внесение элементов книжного красноречия. Новый московский агиограф вполне оправдал надежды митрополита Макария. Широким риторическим размахом своего пера он до такой степени возбудил удивление в современниках, что софийский летописец на страницы своих записей вносит следующее замечание о Житии, составленном Тучковым: «Аще кто прочтет (Житие), сам узрит, како ветхая понови и колми чюдно изложен»⁶⁰⁰. В самом деле, Тучковская редакция Жития преп. Михаила уже вполне отличается теми приемами искусственного стиля, которые, как известно, с конца XIV в. были установлены в русской агиографии известными мастерами житийного искусства: митрополитом Киприаном, Елифанием Премудрым и Пахомием Логофетом⁶⁰¹.

Чтобы яснее представить общее направление, господствовавшее в русской житийной литературе XVI в., на котором и митрополит Макарий воспитал свои литературные вкусы, мы позволим себе произвести здесь краткий литературный анализ Тучковской редакции Жития преп. Михаила Клопского.

Житие преп. Михаила Клопского как стройное целое по своему плану и характеру изложения не отличается от тех, которые написаны по общей схеме, указанной у В. О. Ключевского⁶⁰².

Биографическому повествованию о преп. Михаиле Тучков предпосылает обычное предисловие. Эта часть Жития обличает в писателе человека, хорошо знакомого с приемами наших образцовых агиографов, писавших ораторские предисловия. Подобно Пахомию Логофету⁶⁰³, Василий Тучков в предисловии ведет речь о своем скудоумии и нравственном недостоинстве, препятствующих ему должным образом «начертать повесть» о святом по поручению пречестного Владыки Макария. «Что реку и что возглаголю, — пишет он, — и како началу слова коснуса, разума нищетою объяту ми сушу, ниже риторски навикшу, ни философии учену когда, ниже паки софистику прочетшу»⁶⁰⁴. Этот строгий взгляд на задачу составления Житий, повергавший в уныние не одного из наших агиобиографов, не раз побуждал Тучкова бросить предпринятое дело, и только боязнь послушания перед святителем, а также надежда

на Бога. молитвы преп. Михаила и святительское благословение удержали в его «трепетной деснице» писательскую трость, «устремленную к начинанию повести»⁶⁰⁵.

Но эти обычные приемы в предисловии показали московскому агиобиографу недостаточными. Чтобы показать перед новгородским обществом всю широту своей образованности, он представил в своем пространном введении целый исторический очерк, где он, начав с Адама, пространно изложил ход искупления человечества и начало христианского просвещения в России, прибавив, кстати, новгородскую легенду о жезле апостола Андрея⁶⁰⁶. Этой частью предисловия просвещенный Тучков далеко оставил позади себя даже самых передовых слагателей Житий.

Далее, неизвестность определенных сведений о происхождении и детстве преп. Михаила должна была бы заставить Тучкова пройти это время в жизни святого молчанием, но так как типичный образ святого, как он рисовался в наших Житиях, после предисловия обыкновенно направлял перо автора к изображению самого раннего периода жизни святого, то и Тучков, не отступая от обычных условных приемов житийного изложения, начинает биографию с данного пункта, выражаясь общими фразами. «Вышнего Иерусалима гражданин, отца имеяше всех Создателя, мать же — горний Сион, сродники же — лики святых; плотский же корень влечаше Российских наших царей»⁶⁰⁷.

Переходя от указанных общих мест к изложению повести «о пришествии святого в монастырь» и о его последующей жизни в этом монастыре, Тучков обращается за фактами ко второй редакции пророчеств. Но как он пользуется ею? Перерабатывая старые записи, он не только не держится их буквальной точности, но совершенно опускает из них целые фразы, иногда ценные в историческом отношении, употребляя вместо них торжественные, книжные, но малосодержательные выражения. Так, передав в сокращенном виде рассказ первичных записей о поселении святого в монастырь⁶⁰⁸, автор считает как бы своею священной обязанностью описать подвиги преподобного, но это описание не предлагает каких-либо оригинальных житийных черт, а состоит исключительно из набора обычных, заученных почти всеми биографами выражений, делающих аскетический образ одного святого похожим на образ другого: «Вкушаше же единою в седмицу хлеба, также и воду пиаше единою в седмицу, и то по оскуду», «В келлии же ничтоже имеяше, ни ризы, ни рогожи, кроме единой, еюже тело покрываше; труды же его кто исповесть? Токмо бо яко стень тело имея от великих постов и воздержания. Видев же его игумен толико воздержание имуща, и начат велика имети его; он же большого воздержания касашесья и к трудам труды прилагаше»⁶⁰⁹ и т. п.

Такой же литературной переделке подверглись в биографии Тучкова и все дальнейшие сказания о жизни св. Михаила в монастыре. При сравнении Тучковской редакции с двумя первыми можно видеть, как часто в этих сказаниях московский агиобиограф для пустых цветов красноречия жертвовал точным воспроизведением житийных фактов. Так, например, в его повести «О приходе князя Константина (Дмитриевича) в монастырь и о видении святого имени» опущены некоторые подробности, рассказанные в старых записях; здесь не говорится об угощении, которое предложил князь на монашескую трапезу по своем приезде в обитель, о просьбе князя поберець старца⁶¹⁰ и т. п., но зато самой повести предшествует уже краткое, витиеватое предисловие, а в конце ее вставляется стереотипная житийная фраза о подвигах святого: «Он же, видя себе почитаема, сугубо юродство прилагаше себе и всячески плоть удручаше».

Те же литературные приемы Василий Тучков обнаруживает и в рассказе «О умножении потребных в монастыре». В самом деле, считая себя вправе совершенно

оставить без внимания то место во второй редакции, где приводится предсказание св. Михаила об общем голоде в Новгородской земле⁶¹¹, он наряду с этим признает большой ошибкой против требований современного литературного вкуса внести в подлинном виде следующие простые слова преп. Михаила: «О сем ныне не скорбите, отче, Господь Бог препитал есть 40 мужи, разве жен и детей». Эти слова заменяются следующей длинной и пышной фразой, влагаемой в уста преп. Михаила Юродивого: «Напитавый пять тысяч народа пятию хлебы, разве жен и детей, и избытки укрух 12 коша исполнивый, и седмию хлебы четыре тысящи народа насышей, избытки укрух 7 кошан исполнивый, нас ли, своих раб, презрит, иже не повеле о утренней пешися?»⁶¹²

В статье «О приходе князя Димитрия и о пророчестве святого» Тучков точно так же опускает многие краткие замечания второй редакции, сообщающие рассказу последней некоторого рода художественную полноту; здесь не говорится, например, о том, что князь по приезде в обитель «повеле молебная совершити», что после пророческих слов св. Михаила, сказанных о судьбе князя, последний «не весел из обители изыде»⁶¹³; здесь опущены также все подробности при изображении второго посещения князем Клопского монастыря⁶¹⁴. Но все эти недочеты автор восполняет отчасти длинными речами, которые он заставляет произносить преп. Михаила⁶¹⁵, особенно же своим предисловием, которое по размерам занимает чуть ли не половину всего рассказа; в этом предисловии, длинном и утомительном, московский вития излагает историю царствования князя Василия Васильевича и его распри с князем Димитрием Юрьевичем.

Кажется, приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы составить себе более или менее ясное представление о характере той литературно-житийной формы, по которой Тучков излагал исторические сведения о жизни преп. Михаила Клопского.

Но литературное мастерство Василия Тучкова во всей силе раскрывается в похвале святому и описании его посмертных чудес. Прежде всего что касается похвалы, то московский агиобиограф, как человек начитанный в образцовых произведениях древнерусской житийной литературы, употребляет здесь все обычные ораторские приемы знаменитых слагателей Житий Епифания и Пахомия. После целого ряда уподоблений святого многим древним благочестивым мужам, мы читаем в похвале Тучкова молитвенное воззвание автора к святому о том, чтобы последний, невзирая на его «многогрешную и скверную десницу», осмелившуюся написать «святое и непорочное житие», принял его труд; в заключение автор молит святого мужа о помощи и заступничестве в устройении его спасения⁶¹⁶. Описание посмертных чудес преп. Михаила Клопского, само по себе отличающееся торжественным книжным тоном, представляет большой литературный интерес тем, что оно сопровождается весьма любопытными предисловиями автора. Все эти предисловия похвального, акафистного характера, изображающие величие русских святых мужей и необходимость должного прославления их добродетельного жития и чудес⁶¹⁷, самим объемом своим показывают, как много внимания уделял им писатель, любивший «вития и риторская словеса», слышавший даже про «Книгу Тройского пленения, в ней же многия похвалы плетены еллином от Омира же и Овидия»⁶¹⁸. Житие заканчивается послесловием автора, в котором он говорит о поручении архиепископа Макария как о причине, заставившей его написать повесть о св. Михаиле.

Вскоре после составления нового Жития Михаила Клопского митрополиту Макарию представился другой благоприятный случай к пополнению житийной литературы. Незадолго до 1539 года в Новгород пришли с Афона двое монахов. Иноки много рассказывали о бедственном положении православных в стране владычества

турок и, между прочим, поведали о мучении молодого болгарина, св. Георгия. Владыка «восхитил из уст их повесть точно пищу сладкую» и немедленно приказал описать жизнь и подвиги нового мученика иеромонаху своей домовою церкви Илии. Илия исполнил волю Владыки и написал Житие в 1539 году единственно на основании тех устных церковных преданий, которые были занесены к нам упомянутыми монахами, знавшими о мученике только по слухам. Доверие к этому источнику привело к тому, что в рассказе Илии действительное болгарское событие передано в искаженном виде; к этому выводу пришли В. О. Ключевский и Преосвященный Макарий после сличения повести Илии с достоверным болгарским сказанием о том же Георгии, написанным Средецким священником⁶¹⁹. Таким образом, обстоятельство, вызвавшее Житие св. Георгия, дают любопытное указание на ту неразборчивость, с которой митрополит Макарий относился иногда к источникам при составлении Житий. Собирая всякого рода церковные предания о святых, он не всегда мог четко установить различия между преданиями сомнительными и достоверными⁶²⁰.

Биографическая письменность, возбужденная в Новгороде архиепископом Макарием, продолжалась и по отъезде его в Москву, где он занимался дополнением своих Четиех Миней. В 1545 году, 12 лет спустя по смерти Александра Свирского (†1533), игумен его монастыря Иродион по поручению митрополита Макария и Новгородского архиепископа Феодосия написал Житие Преподобного. Постриженник, ученик и непосредственный преемник св. Александра, — Иродион знал о прежней жизни святого по рассказам его самого и его первых сподвижников⁶²¹. Это обстоятельство послужило для наших исследователей, В. О. Ключевского и Преосвященного Макария, поводом к самым одобрительным замечаниям об исторической достоверности составленного Иродионом Жития⁶²². Но один позднейший исследователь ясно показал, что Иродион, довольно начитанный в биографической литературе, твердо заучивший приемы ее искусственного стиля, при составлении Жития в большой мере воспользовался трудами Пахомия Логофета: жизнеописаниями преп. Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского⁶²³. Эти произведения, по выводам того же исследователя, служили для Иродиона капитальными источниками, из которых он иногда с дословной точностью выписывал целые страницы. После этого, конечно, теряет свое значение замечание Преосвященного Макария о литературных достоинствах Жития преп. Александра Свирского⁶²⁴.

В 1546 году, спустя 30 лет после кончины преп. Иосифа Волоколамского, митрополит Макарий поручил одному биографу, Савве, епископу Крутицкому, написать Житие и этого преподобного, несмотря на то что Иосиф тогда еще не был причислен к лику святых. Очевидно, причиною указанного поручения митрополита Макария было то личное усердие, которое он питал к памяти знаменитого игумена. По мнению Преосвященного Макария и В. О. Ключевского, сочинение епископа Саввы по своей исторической правдивости и простоте литературного изложения принадлежит к числу лучших Житий в древнерусской литературе⁶²⁵. Быть может, эта простота и безыскусственность его стиля, отсутствие общих риторических мест и послужили для митрополита Макария поводом, почему он не отвел Житию преп. Иосифа места в своем сборнике. Оно, как мы уже видели, было внесено в Макарьевские Миней потом, чьею-то посторонней рукой⁶²⁶. Одновременно с составлением новых Житий в Москве, вероятно, около этого же времени, в 1545—1546 гг., происходила также переделка древних кратких редакций в более пространственные и литературно-обработанные. Так, по поручению митрополита Макария были составлены новые редакции двух прежних Житий: краткого Жития св. Алексия, митрополита

Московского, и Жития преп. Димитрия Прилуцкого⁶²⁷; по крайней мере обе эти редакции Житий занесены митрополитом Макарием в его Четии Минеи и помимо этого памятника нигде не встречаются⁶²⁸.

До 1547 года развитие русской агиобиографической литературы при митрополите Макарии шло сравнительно тихо; об этом можно судить по количеству вновь составленных и переделанных по поручению митрополита Макария Житий. С этого времени работа русских агиобиографов весьма заметно оживляется под влиянием деятельности первого из знаменитых древнерусских Соборов, производивших канонизацию русских святых, т. е. Собора 1547 года, созданного под председательством митрополита Макария. Такое оживление вызвано было особыми условиями, при которых производилась канонизация. Эти условия были чисто литературного характера, а именно: для канонизации того или другого святого считались необходимыми его служба и Житие, которые можно было бы петь и читать в церквях и обителях в день празднования его памяти⁶²⁹; при этом в большой мере имелась в виду также степень распространенности Житий и канонов⁶³⁰. На основании этого источника Собор определил праздновать тринадцати святым по всей России, а девяти — местно, в тех областях, где они покоились⁶³¹. Таким образом, отцы Собора при совершении канонизации святых преимущественно смотрели на Жития не как на источник исторических сведений о святых, а с точки зрения их богослужебного употребления при отправлении службы святым. Но далеко не все прежде существовавшие Жития вновь канонизованных угодников были признаны соответствующими своему церковному назначению. По соборному признанию, удовлетворительными оказались Жития только семи святых, а именно: св. Иоанна, архиепископа Новгородского, преп. Зосимы и Савватия Соловецких, преп. Дионисия Глушицкого, преп. Михаила Клопского, преп. Пафнутия Боровского и Александра Свирского; по крайней мере все они оставлены без переделки и занесены митрополитом Макарием в его Четии Минеи⁶³². Жития же остальных святых, хотя также существовали, показались, очевидно по своей простой литературной форме, недостаточными, вследствие чего одни подверглись теперь новой редакции, другие были только дополнены, а некоторые были составлены совершенно вновь. При этом нельзя не отметить весьма любопытное явление в отношениях митрополита Макария к вновь возникавшим под влиянием соборной канонизации житийным произведениям. Этот архипастырь, как ревностный поборник московской идеи централизации, берет под свое покровительство и надзор Жития только тех святых, которым было установлено повсеместное празднование по всей России; по крайней мере только эти Жития он заносит на страницы своих Четиих Минеи.

К числу Житий, явившихся после Собора 1547 года в новой редакции или только с дополнениями, относятся Жития: св. Александра Невского, преп. Никона, игумена Сергиевой Лавры, и преп. Павла Обнорского⁶³³, несомненно оконченные в 1552 году, так как все они успели попасть в Макарьевские Четии Минеи⁶³⁴.

В предисловии к Житию св. князя Александра биограф, вероятно инок Владимирского Рождественского монастыря Михаил⁶³⁵, прямо говорит, что это Житие было написано по поручению митрополита Макария, каковое поручение было следствием соборного изыскания о чудесах князя⁶³⁶. Этими чудесами, впрочем, и ограничивается все, что редакция внесла нового в фактическое содержание биографии; в остальном эта редакция представляет многословное, риторическое распространение древнего летописного Жития князя; характер ее определил сам составитель, дав ей название не Жития, а «похвального слова»⁶³⁷. Новая редакция Жития преп. Никона, принадлежащая перу неизвестного автора, вызвана также соборным постанов-

лением 1547 года о повсеместном праздновании этому святому. Это одна из тех типичнейших редакций XVI в., которые прекрасно характеризуют литературный взгляд Макарьевского времени на Житие. Сравнение ее с прежним, более кратким Пахомиевым Житием показывает, насколько неизвестный новый редактор Макарьевской школы мало ценил фактическую сторону Жития, сводя его переделку к заполнению общими риторическими фразами. И это тем более любопытно, что в предисловии сам автор обещает собрать и «известнейше» изложить сведения о святом⁶³⁸. Что же касается Жития преп. Павла Обнорского, встречающегося уже в рукописи 1536 года⁶³⁹, то оно не испытало на себе таких существенных изменений, как два предыдущих. Внимание к этому Житию выразилось только в том, что к нему было прибавлено отдельное «сказание» о 19 посмертных чудесах святого⁶⁴⁰.

После Собора 1547 года появились и совершенно новые Жития некоторых канонизированных на нем святых. Таковы Жития: святителя Ионы, митрополита Московского, преп. Макария Калязинского и преп. Саввы Сторожевского. Составлением их озаботился сам митрополит Макарий.

Житие святителя Ионы, названное в заглавии похвальным словом, в 1547 году составлено было по поручению митрополита Макария неизвестным автором на месте, где покоился святой, «посреди царствующего и Богом спасаемого града Москвы». По своему литературному строю оно, подобно большинству современных ему произведений этого рода, отличается витиеватостью фактического содержания⁶⁴¹. Автор Жития преп. Макария Калязинского (†1483), какой-то неизвестный инок Калязинского монастыря, сам свидетельствует, что оно составлено в 64-й год по смерти преподобного, следовательно, также в 1547 году, вероятно тотчас после Собора о новых чудотворцах. В. О. Ключевский и Преосвященный Макарий с доверием относятся к фактическому содержанию этого Жития. Основанием для этого доверия служит собственное свидетельство биографа, что сведения о жизни преп. Макария дошли до него через людей, из которых «инии и самого святого своими очима видеша»⁶⁴². Хотя житийный рассказ, кратко передающий биографические сведения о святом, отличается простотою, отсутствием условных риторических форм, тем не менее он нашел себе место в Макарьевском сборнике⁶⁴³. Вслед за Житием преп. Макария спустя некоторое время тем же автором было составлено подробное описание обретения мощей святого (в 1521 г.) с изображением 16 чудес преподобного, совершившихся в последующее время⁶⁴⁴. Житие преп. Саввы Сторожевского, канонизированного, вероятно, на Соборе 1547 года⁶⁴⁵, появилось не позднее 1552 года, так как оно успело попасть в Минеи митрополита Макария⁶⁴⁶. Это Житие написано было иноком Маркелом по поручению митрополита Макария, вызванному ходатайством братии Сторожевского монастыря. С фактическим содержанием Жития знакомит читателя сам автор, оговариваясь в своем предисловии, что он не нашел сведений о происхождении и воспитании святого и вкратце написал только об его иноческой жизни; впрочем, и этот весьма скудный биографический материал не имеет за собой исторической достоверности, так как он весь почти заимствован из Житий преп. Сергия Радонежского и ученика его Никона. Большую самостоятельность своего пера автор обнаруживает только в пространном описании длинного ряда чудес, которыми восполняется Житие св. старца⁶⁴⁷.

Таким образом, Жития всех 13 святых, которым Собор 1546 года определил праздновать по всей Русской Церкви, были готовы еще при жизни митрополита Макария; причем одни существовали ранее Собора, а другие были составлены вновь или переделаны стараниями митрополита. Что же касается Жития 9 святых, кото-

рым определено праздновать местно, то заботу составления и пересмотра их митрополит Макарий предоставил, по всей вероятности, самим местным церквам, если можно так выразиться; по крайней мере ни одно из этих Житий не было занесено митрополитом в его Четию Минеи, из чего можно заключать, что он не озабочился их распространением, хотя некоторые из них существовали еще до соборной канонизации, как, например, Житие св. Арсения, епископа Тверского⁶⁴⁸, и Житие св. Максима Юродивого⁶⁴⁹. И действительно, Жития местно чтимых святых появились после Собора 1547 году помимо какого-либо влияния со стороны высшей церковной власти. Все они были составлены по местному распоряжению местными книжниками. Таковы: Жития двух Устюжских угодников – Прокопия Юродивого и Иоанна Юродивого и пяти угодников Муромских: св. князя Константина и чад его Михаила и Феодора, а также св. князя Петра и супруги его св. Февронии⁶⁵⁰.

Хотя Собор 1547 года канонизировал много святых, но дело канонизации не могло окончиться ими одними. Оставались еще святые, которым, как говорит писатель Жития митрополита Ионы, «праздновати повсюду не узаконено бысть, но идеже коегождо их честныа раки со святыми мощьми бяху, и ту славими быша»⁶⁵¹. Собор 1547 года не мог установить такого празднования уже ввиду недостатка тех данных, по которым производилась канонизация, т. е. Житий, канонов и чудес свв. угодников. И вот для восполнения этого недостатка, по мысли отцов Собора, и прежде всего, конечно, по инициативе самого митрополита Макария, царь Иоанн Васильевич Грозный обратился в конце первого Собора с просьбою ко всем святителям земли Русской, чтобы каждый из них в порученных им пределах и монастырях произвел изыскания о великих новых чудотворцах⁶⁵². Епархиальные владыки исполнили просьбу юного государя и представили собранные ими сведения о святых на новый Собор 1549 года, собиравшийся под председательством того же митрополита Макария. По рассмотрении этих сведений Собор определил праздновать еще пятнадцати русским святым, трем литовским и двум южнославянским⁶⁵³.

Теперь, по совершении канонизации на Соборе 1549 года, так же как и после Собора 1547 года, главная забота высшей церковной власти состояла в том, чтобы каждому из вновь канонизированных святых было положено Житие, вполне пригодное для целей богослужебного употребления. Правда, многие Жития были уже представлены в готовом виде епархиальными архиереями в качестве того агиобиографического материала, на основании которого Собор должен был устанавливать празднование святым; но о составлении других Житий пришлось позаботиться потом, вероятно потому, что местные епархиальные власти не успели найти или вновь составить Жития некоторых святых и поэтому принуждены были удовлетвориться какими-нибудь краткими, первоначальными записями.

В числе Житий, представленных на Собор, некоторые оказались составленными еще в прежние времена. Таковы жития: Новгородских архиепископов Евфимия и Ионы, епископа Пермского Стефана, Тверского князя Михаила, преподобных Авраамия Смоленского, Саввы Вишерского, Григория Пельшемского, трех мучеников Литовских – Антония, Иоанна и Евстафия и св. мученика Иоанна Сочавского⁶⁵⁴. Все эти Жития были приняты и одобрены высшей церковной иерархией, бывшей на Соборе, а сам председатель последнего – Московский митрополит Макарий занес их даже в свои Четию Минеи⁶⁵⁵. Все остальные Жития, представленные на Соборе 1549 года, незадолго перед тем были вновь написаны как результат изысканий о местных чудотворцах, произведенных по распоряжению Собора 1547 года. Таково прежде всего известное обширное Житие преп. Евфросина Псковского, составленное в 1547 году самым

плодовитым древнерусским биографом – пресвитером Василием, в иночестве Варлаамом. Это Житие, написанное в высшей степени растянуто, весьма любопытно в церковноисторическом отношении, так как в нем нашли себе отражение древнерусские споры о двоении и троении аллилуйи⁶⁵⁶. Впрочем, несмотря на всю нелепость заключающихся в нем объяснений «великой тайны божественной сугубой аллилуйи», митрополит Макарий отвел ему место в своем сборнике наряду с другими Житиями⁶⁵⁷. Изысканиями о местных чудотворцах, сделанных по поручению Собора 1547 года, вызваны были еще два Жития, написанные одною рукою и составляющие одно неразрывное целое: это биографии белозерских подвижников Ферапонта и Мартиниана⁶⁵⁸. Наконец, вероятно вскоре после Собора 1547 года, написано было также Житие преп. Евфимия Суздальского, вышедшее из-под пера инока Суздальской Спасо-Евфимиевской обители Григория⁶⁵⁹.

Что же касается меньшего числа тех Житий, которые в готовом виде не были представлены отцам второго Собора, то все они написаны были уже после 1549 года. Так, Житие преп. Ефрема Перекомского, почти целиком взятое неизвестным автором из биографии преп. Александра Свирского, по выводам В. О. Ключевского, составлено не раньше 1552 года⁶⁶⁰, о чем можно заключить, между прочим, уже из того, что оно не занесено в Макарьевские Чети Миней. Точно так же и Житие св. Всеволода, князя Псковского, написанное известным нам пресвитером Василием, относится к периоду времени между 1550–1552 гг.⁶⁶¹

Соборы 1547 и 1549 гг. закончились, но вместе с ними не прервалась любовь митрополита Макария к житиям. В 1553 году по поручению митрополита Макария и самого государя написано Житие преп. Даниила Переяславского, которое, нужно заметить, по исторической достоверности и простоте литературного изложения составляет одно из счастливых исключений в длинном ряду Житий Макарьевского времени⁶⁶². Кроме того, после указанных Соборов ревностный архипастырь еще не раз поручал разным лицам составление новых Житий по поводу новых установлений празднования русским святым. Так, по непосредственному поручению митрополита Макария в 1558 году были созданы два Жития Новгородских владык: свв. Нифонта и Никиты, составленные священноиноком Варлаамом, вероятно, вскоре после канонизации этих святых, произведенной по инициативе митрополита Макария⁶⁶³. Далее, в 1560 году тем же митрополитом Макарием были канонизованы на особо созванном Соборе препп. Григорий и Кассиан, Авнежские чудотворцы; это обстоятельство послужило для митрополита поводом к новому распоряжению о написании Житий новоявленных угодников, каковое распоряжение и было выполнено игуменом Даниилова монастыря Иоасафом⁶⁶⁴. Наконец, почти в то же самое время и при деятельном участии тех же лиц, митрополита Макария и игумена Иоасафа, составлено было Житие преп. Стефана Махришского, канонизованного Церковью одновременно со своими учениками – препп. Григорием и Кассианом Авнежскими⁶⁶⁵.

Все указанные доселе Жития святых, переделанные или составленные вновь под непосредственным влиянием митрополита Макария, были вызваны двумя обстоятельствами: сборанием Четиих Миней и большим количеством случаев канонизации святых при митрополите Макарии. Но нельзя оставить без внимания и еще одно обстоятельство, имевшее влияние на развитие агиобиографической литературы Макарьевского времени: это обработка Степенной книги, производившаяся после Макарьевских Четиих Миней, в последние годы жизни митрополита⁶⁶⁶.

Что касается вообще степени участия митрополита Макария в продолжении и дополнении Степенной книги, начатой будто бы митрополитом Киприаном⁶⁶⁷, то это участие можно аргументировать на основании общего характера литературной

деятельности митрополита Макария, состоявшей главным образом в собирании при помощи других лиц национальных и переводных древнерусских произведений. Подобно этому, и в составлении Степенной книги участие митрополита Макария как инициатора и главного распорядителя, несомненно, выразилось по свойству его литературной деятельности в поручениях о написании исторических статей для этой книги, в их редактировании и т. п., но только не в самостоятельном творчестве⁶⁶⁸. Действительно, в самой Степенной книге мы встречаем несколько указаний от лица неизвестных нам авторов на «благословение и повеление» митрополита Макария⁶⁶⁹ как на причину написания статей, входящих в Степенную книгу; а с другой стороны, характер участия митрополита Макария в составлении последней ясно засвидетельствовал известный иностранец Шлецер. «Эта Степенная книга, — говорит он, — составляет главнейший русский временник, очень уважаемый русскими и писанный по повелению патриарха (т. е. митрополита) Макария»⁶⁷⁰. Таким образом, едва ли можно согласиться с мнениями В. Татищева⁶⁷¹, Миллера⁶⁷², а за ними и Преосвященного Евгения⁶⁷³, по которым честь продолжения и дополнения Степенной книги принадлежит будто бы одному только митрополиту Макарию.

Участие митрополита Макария в обработке Степенной книги в качестве редактора и распорядителя послужило причиной появления нескольких новых Житий или новых редакций Житий, назначавшихся для этой книги. Впрочем, едва ли можно сказать о всех Житиях, вошедших в состав Степенной книги, что они были написаны специально для последней и тогда же занесены в нее, как заметил Преосвященный Макарий⁶⁷⁴. Сравнение редакций одних и тех же Житий, помещенных в Степенной книге и Макарьевских Четиих Минеях, послужило для В. О. Ключевского основанием к тому выводу, что сам митрополит Макарий и книжники его времени делали различие между Житием для Четиих Миней и исторической биографией, которая требовалась для исторического сборника; в Минеи заносилось Житие, облеченное в риторику похвального слова, для Степенной же книги нужно было жизнеписание менее витиеватое, но более обильное биографическими подробностями⁶⁷⁵. Если действительно справедлив этот вывод, то с вероятностью можно сказать, что Жития св. благоверной княгини Ольги⁶⁷⁶, св. князя Владимира⁶⁷⁷ и свв. Бориса и Глеба⁶⁷⁸ не были написаны специально для Степенной книги, хотя первое из них в одном списке прямо усваивается современнику митрополита Макария, известному иерею Сильвестру и, во всяком случае, появилось при жизни митрополита Макария⁶⁷⁹, а другое составлено по прямому повелению этого митрополита⁶⁸⁰. Многословие и обилие риторических выражений, сообщающих этим Житиям характер церковных слов, вызывают то предположение, что они предназначались скорее для церковного чтения перед народом в дни празднования памяти упомянутых святых, нежели для Степенной книги. Совершенно другим характером отличаются остальные Жития Степенной книги: двух князей — Александра Невского⁶⁸¹ и Всеволода Псковского⁶⁸², двух Московских святителей — Алексия⁶⁸³ и Ионы⁶⁸⁴ и одного преподобного — Даниила Переяславского⁶⁸⁵. По своему составу и изложению эти Жития не соответствуют тем редакциям, которые являются господствующими в литературный век Макария; это не церковные панегирики, заполненные общими риторическими фразами, но в собственном смысле исторические повести, оставляющие условные приемы красноречия ради исторических фактов⁶⁸⁶. Все это указывает на их особое, исключительное назначение для Степенной книги.

Таким образом, под большим или меньшим влиянием митрополита Макария, то по его вызову и поручению, то по его благословению, то по требованию обстоя-

тельств, преимущественно от него же зависевших, было составлено и переделано весьма большое количество Житий русских святых. Но этим не ограничивается все значение знаменитого Московского архипастыря в истории нашей отечественной агиобиографии: своими работами он возбудил в современном ему обществе до такой степени живое увлечение житийной литературой, что оно не могло не принести своих добрых плодов еще при жизни митрополита. Можно указать несколько редакций Житий, которые возникли совершенно независимо от какого-либо прямого влияния митрополита Макария, единственно только по силе этого увлечения, — таковы: особые редакции Житий преп. Иосифа Волоколамского, св. Александра Невского, преп. Саввы Крыпецкого и преп. Авраамия Чухломского⁶⁸⁷. Мало того, сильное литературное движение, вызванное митрополитом Макарием, продолжалось долгое время и после его смерти. Можно сказать, что Жития святых и похвальные слова стали любимым, почти исключительным родом сочинений в русской литературе конца XVI и начала XVII вв.

Наши древнерусские агиобиографы не без благодарности отнеслись к памяти знаменитого собирателя Житий за его неутомимую деятельность на пользу русской житийной литературы. Они оставили нам повесть о последних днях митрополита Макария, которую можно принять за материал для предполагавшегося Жития. Впрочем, если Житие и не было составлено, если митрополит Макарий и не был канонизован, то только благодаря последующим смутным событиям, отвлекшим внимание общества от его прежних мирных деятелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. эти исследования о митрополите Макарии: ЧОЛДП, 1877, ч. II; 1878, I; 1880, ч. II; 1881, кн. 7 (Макарий, митрополит Всероссийский); ЖМНП, 1881, № 10–11 (Макарий, митрополит всея Руси).
- ² См.: ЧОИДР, 1884, кн. I; 1886, кн. 1.
- ³ Изд. Москва, 1892.
- ⁴ Послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея к великому князю Василию Ивановичу. — Православный Собеседник (далее — ПС), 1863, ч. I, с. 343.
- ⁵ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 229. К деятельности указанных Соборов теснейшим образом примыкает деятельность литературной школы писателей русских житий, работавшей под личным наблюдением того же митрополита Макария.
- ⁶ Полное собрание летописей (далее — ПСЛ), т. VI, с. 225.
- ⁷ Там же, с. 228.
- ⁸ Там же, т. VIII, продолжение летоп. по Воскр. списку, с. 39.
- ⁹ *Соловьев С. М.* История России. Кн. I, т. V. СПб.; Изд. Павленкова, с. 1502.
- ¹⁰ Там же, с. 1672.
- ¹¹ ПС, 1863, ч. I, с. 344.
- ¹² ПС, 1861, ч. II, с. 95.
- ¹³ Перечень всех этих произведений указан в статье А. С. Архангельского «Образование и литература в Московском государстве конца XV–XVII вв.» (Ученые записки Казанского университета, 1898, кн. 7/8, с. 186).
- ¹⁴ Там же, с. 186–192.
- ¹⁵ Древн. Рос. Вивл., ч. II, с. 134.
- ¹⁶ *Соловьев С. М.* Цит. соч. Кн. 2, т. VI, с. 241.
- ¹⁷ Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. XIII, с. 270.
- ¹⁸ Дополнения к Актам историческим (далее — Дополнения...), т. I, № 39, с. 45.
- ¹⁹ Там же, № 222, с. 378.
- ²⁰ *Лебедев Н.* Макарий, митрополит Всероссийский. — ЧОЛДП, 1877, ч. II, с. 395. Эта грамота издана *М. А. Оболенским* (см.: Соборная грамота, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем. М., 1850).
- ²¹ *Архангельский А. С.* Цит. ст. — Ученые записки Казанского университета, 1898, кн. IV, ч. неофиц., с. 97.
- ²² См.: *Лебедев Н.* Цит. ст., с. 404.
- ²³ См.: *Васильев В.* История канонизации русских святых. М., 1893, с. 146.
- ²⁴ См.: Там же, с. 146–147.
- ²⁵ См.: *Яхонтов И. А.* Жития северорусских подвижников, Казань, 1882, с. 264, примеч. 1.
- ²⁶ *Костомаров Н. И.* Северно-русские народоправства. СПб., 1868, т. II, с. 314.
- ²⁷ *Васильев В.* Цит. соч., с. 149.
- ²⁸ *Костомаров Н.* Цит. соч., с. 334.
- ²⁹ ПСЛ, т. III, с. 183–184.
- ³⁰ *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусств. СПб., 1861, т. II, с. 242.
- ³¹ Там же, с. 269.
- ³² Дополнения..., т. I, № 25, с. 22.
- ³³ *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 236.
- ³⁴ Максим Грек. — Москвитянин, 1842, ч. VI, № 11, с. 95.
- ³⁵ *Лебедев Н.* Цит. соч. — ЧОЛДП, 1877, ч. II, с. 400–401.
- ³⁶ Речь Грозного на Соборе Стоглав. Казань, 1862, с. 48.

- ³⁷ *Филарет*, архиеп. Черниговский. История Русской Церкви, период 3. М., 1847, с. 169.
- ³⁸ *Архиепископ Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви, т. VII. СПб., 1874, с. 124.
- ³⁹ Макарию принадлежат следующие послания и грамоты административного характера: 1526–1533 гг. Послание великому князю Василию Иоанновичу об учреждении общежития в Новгородских монастырях (Дополнения... т. I, № 25, с. 22–23). 1526–1530 гг. Уставная грамота Духовному монастырю об общежительстве (Акты исторические (далее – Акты...), т. I, № 292, с. 531–534). 1534 г., марта 25. Грамота в Вотскую пятину об искоренении языческих трещи и обрядов (Дополнения..., т. I, № 28, с. 27–30). 1539 г., марта 3. Повольная грамота митрополиту Иоасафу (Акты экспед., т. I, № 184, с. 162–163). 1542 г., мая 14. Уставная грамота о пошлинах с сельских церковей Николаевского Песношского монастыря (Акты экспед., т. I, № 197, с. 146–147). 1547 г., февраля 26. Окружная грамота в Вологду и Белоозеро об установлении празднования новым русским святым (Там же, т. I, № 213, с. 203–204). 1547 г., августа 1. Окружное послание о милостыне святогорским старцам (Акты экспед., т. I, № 300, с. 545–546). 1551 г., февраля 14. Грамота Суздальскому Дмитриевскому монастырю... (см.: Востоков. Описание рукописей Румянцевского музея, с. 49). 1551 г. Наказный список по соборному уложению 1551 г. во Владимир (см.: День, 1863, № 10). 1551 г., июня 26 и июля 16. Наказные уставные грамоты в Новгород (см.: Временник Импер. Московского общества истории и древностей Российских, 1852, кн. XIV); то же см.: Акты экспед., т. I, № 229, с. 220–222; Стоглав. Казань, 1862, с. 420). 1551 г., июль. «Грамота митрополита» в Симонов монастырь о постановлениях Стоглавого Собора (приводится в «Дополнительных объяснениях к изданию Стоглава». – ПС, 1862, декабрь, с. 309). 1554 г., января 24. Соборная грамота в Соловецкий монастырь о заточении бывшего Троицкого игумена Артемия, с прописанием соборного о нем определения (Акты экспед., т. I, № 239, с. 249–255). 1557 г., февраля 27. Богомольная грамота в Новгород об отправлении молебствий по случаю голода (Дополнения..., т. I, № 222, с. 366–370). 1558 г., февраля 2. «Наказная грамота по Стоглавому Собору – в пресловуший град Каргополь да в Турчаево на стене» (ПС, 1863, ч. I; см. об этой грамоте в «Дополнительных объяснениях к изданию Стоглава». – ПС, 1862, декабрь, с. 313–321). 1558 г., февраля 6. Грамоты Новгородскому архиепископу Пимену, с разрешением двух случаев: а) о священнике Юрьева монастыря Авраамии, служившем Божественную литургию без епитрахили, и б) о священнике, не окончившем литургии по причине случившегося с ним припадка (Акты экспед., т. I, № 253, с. 245–247). К сочинениям Макария автор «Обзора русской духовной литературы» (изд. 3. СПб., 1884, с. 148) относит еще «Деяния собора против Башкина», будто бы писанные даже рукою Макария, и в доказательство указывает на то, что в описи тогдашнего царского архива упоминаются «дела соборные подлинные, в листех за митрополичьей рукою, 62, 63 (годов), Матфея Башкина, и Артема бывшего Троицкого игумена, и иных» (Акты экспед., т. I, с. 349); но выражение: «дела за митрополичьей рукою», по справедливому замечанию митрополита Макария (Шит. соч., т. VII, с. 404, примеч.), значит только: «дела за подписью митрополита», или «дела, подписанные, скрепленные рукою митрополита». Да и достаточно взглянуть на содержание этих дел (см.: ЧОИДР, 1847, № 3, отд. II), как замечает митрополит Макарий, чтобы понять, что это не сочинение митрополита. Тот же автор «Обзора» (с. 149) еще приписывает Макарию «Статьи из соборного уложения о святительском суде» (Акты..., № 155, с. 272–280), но и эти статьи есть не что иное, как воспроизведение 66–69-й глав книги Стоглава (см. приписку издателей I тома Актов к № 155, с. 280).
- ⁴⁰ Таковы, например, «Уставная грамота митрополита Макария» 1542 г. о пошлинах с сельских церковей Николаевского Песношского монастыря (см.: Акты экспед., т. I, с. 176–177), его грамота в Вотскую пятину (см.: Дополнения..., № 28, с. 27–30) и пр.
- ⁴¹ Дополнения..., т. I, № 221, с. 369.

⁴² Там же, с. 368; начало: «Сего ради убоимся отцы и братия и возлюбленная о Христе чада нашего смирения...».

⁴³ Дополнения..., т. I, с. 369.

⁴⁴ См.: Акты..., т. I, № 292, с. 533–534. Начало: «Тако ж благословляю и молю игумена Тихона с братиею, да прилежно и трудолюбно подвигнется сия вся исправити...» (с. 533, стлб. 2 до конца грамоты).

⁴⁵ Там же, с. 532, стлб. 2 (начало: «Аше который брат врагом занят будет...») и с. 533, стлб. 1.

⁴⁶ Ср.: Акты..., т. I, № 5, с. 7; № 265; Акты экспед., т. I, № 108; № 381; Памятники..., вып. 4, с. 187; РИБ, т. II, ч. I, № 129 и пр.

⁴⁷ Акты..., т. I, № 159, с. 287–290; Никоновская летопись, т. VII, с. 108–114.

⁴⁸ Акты..., т. I, № 160, с. 290–295; Никоновская летопись, т. VII, с. 130–140.

⁴⁹ ПСЛ, т. VI, с. 308–309.

⁵⁰ *Архив. Макарий*. Цит. соч., т. VII, с. 415–416; Заусцинский. Цит. соч. – ЖМНП, 1881, ноябрь, с. 38.

⁵¹ См., например, библейские примеры потопа, Содома и Гоморры в «Послании старца Иосифа (Волоцкого)», см.: Памятник..., вып. 4, с. 193; в послании митрополита Макария есть целые фразы, взятые буквально или в переделке из послания Вассиана на Угру к царю Иоанну III, например, ср. фразу Макария: «Зрите, от каковыя славы в каково безславие уклоняетесь» и т. д. (Акты..., т. I, № 159, с. 289) и ту же фразу у Вассиана (Степенная книга, ч. II. М., 1875, с. 142–143; фразу: «Истинное бо покаяние престатие от грех» у Макария (Акты..., с. 290) и у Вассиана (Степенная книга, с. 146) и проч.; в некоторых местах Макарий раскрывает те же мысли, что и Вассиан, например, об истинном покаянии; некоторые же строки напоминают 3-ю и 33-ю гл. Стоглава (см., например: Стоглав, с. 32–33, 140).

⁵² Никоновская летопись, т. VII, с. 127.

⁵³ Первая половина послания буквально выписана Макарием из «Соборного послания русского духовенства великому князю Иоанну Васильевичу на Угру» (в 1480 г., 13 ноября): ср.: Акты..., т. I, № 90, с. 137–138, стлб. 1 (до слов: «а еже, господине и сыну, во ополчении вашего пречестного подвига» и т. д.) и № 160, с. 290–292, стлб. 2 (до слов: «но токмо ныне молим тебя, благочестиваго царя Ивана» и т. д.).

⁵⁴ То место в послании, где митрополит Макарий говорит о трех пороках (с. 293), напоминает «Послание старца Иосифа (Волоцкого)», в «Памятниках...» (вып. 4, с. 192–193). У того и другого писателя мы видим одни и те же библейские примеры Сампсона, Давида и Соломона в подтверждение мысли о вреде изображаемых ими пороков. В заключение же как Иосиф, так и Макарий кончают свои нравственные наставления об избежании пороков почти одной фразой (более многословной у митрополита Макария).

⁵⁵ Акты..., т. I, № 160, с. 294, стлб. 1.

⁵⁶ Место, где Макарий говорит о победах как награде от Бога за смирение, дословно взято из послания Вассиана, архиепископа Ростовского. Ср.: Акты..., т. I, № 160, с. 294 (со слов в стлб. 1: «покорит Господь Бог под нозе твои...» до слов в стлб. 2: «а еже, благочестивый царю...») и ПСЛ, т. VI, с. 229–230.

⁵⁷ Фраза, где митрополит Макарий говорит о награде за пролитие крови на войне, представляет пространное изложение фразы Вассиана Ростовского: «а еже тогда от супротивных уязвляем, и по победе живи обретошася, сии кровию отмысха первая согрешения, и яко победители крепцы врагом явишася» (ПСЛ, т. VI, с. 228); ср.: Акты..., т. I, № 160, с. 294, стлб. 2 (со слов в стлб. 2: «а еже, благочестивый царю, в ополчении...»).

⁵⁸ Это место в послании Макария составлено из двух фраз, буквально взятых из «Соборного послания русского духовенства на Угру» и послания Вассиана Ростовского; ср.: Акты..., т. I, № 160, с. 294, стлб. 2 (со слов: «а еже случится кому ныне...»), и 295, стлб. 1 (до слов: «нашего же смирения совершенное благословение...»); № 90, с. 138, стлб. 1 (со слов: «а еже, господине и сыну...»), а также ПСЛ, т. VI, с. 228 (со слов: «аше ли убо ты, о крепкий царю...» до слов: «якоже первии исповедници...»).

⁵⁹ Упоминание об остроумии и премудрости царя вместе с текстом: «дай премудру вину...» — есть у Вассиана Ростовского; ср.: Акты..., т. I, № 160, с. 295; ПСЛ, т. VI, с. 230.

⁶⁰ Ср. заключение в послании Макария (Акты..., т. I, с. 295, стлб. 2 (со слов: «с сими же всеми...» до конца) и заключение в Послании на Угру (ПСЛ, т. VI, с. 230 (со слов: «с сими же всеми да будет милость...»)).

⁶¹ Ср.: ПСЛ, т. VI, с. 308 (со слов: «благому и христоролюбивому...» до слов: «и абие пошедшо ти...» и там же, с. 225 (с начала послания до слов: «наше убо, государю великий...»)).

⁶² То место, где Макарий говорит о походе царя от Москвы к Свяязску, а отсюда в Казань, представляет сокращение длинного периода из послания Вассиана Ростовского, причем Макарий, удержав синтаксическую форму вассиановского оборота, удержал и некоторые выражения; ср.: ПСЛ, т. VI, с. 308 (со слов: «и абие пошедшо ти...» — до слов: «дай Бог, ты государь наш...») и там же, с. 225 (со слов: «и даст ти победу на твоя враги...»; см. еще ниже, со слов: «тебе же, государю нашему, вся сия...» до слов на с. 226; «и по твоём отшествии...»).

⁶³ Ср.: ПСЛ, т. VI, с. 308 (со слов: «и еже Бог да сохранит тя...» до слов: «мы же богомольцы вашего благородства...» и там же, с. 225 (со слов: «Бог да сохранит царство твое...» до слов: «а наемник, иже несть пастырь...»)).

⁶⁴ Ср.: ПСЛ, т. VI, с. 308 (со слов: «мы же богомольцы...» до слов: «ты убо, государю великий царь...») и там же, с. 226 (со слов: «и по твоём отшествии, государя нашего...» до слов: «ныне совершихом, яко бесерменину...»)).

⁶⁵ В этом месте есть фразы, взятые дословно из разных мест послания Вассиана. Ср.: ПСЛ, т. VI, с. 308 (со слов: «ты убо, государю великий...» до слов: «бьяше же тебе...») и там же, с. 225 (со слов: «ныне же слышахом...» до слов: «ты же не унывай...»); ср. слова: «осуетишася они окаяннии... яко разбойника и хищника и богоборца» (с. 309) и те же слова на с. 226 и 228.

⁶⁶ Вся речь состоит из заимствований, скомбинированных у Макария особенным образом; ср. слова: «ты же, государю... раб Христа своего» (ПСЛ, т. VI, с. 309) и те же слова в ПСЛ, т. VI, с. 226—227; ср. слова: «святии, многострадальнии мученицы... подобоя святым мученикам» (Там же, с. 309) и слова: «и видев мудрый, человеколюбивый Бог... и равно с сими венцы приша» (Там же, с. 227—228); см. слова: «ныне, государь, возверзи на Господа печаль свою...» у Макария (Там же, с. 309) и у Вассиана (с. 226); ср. слова: «яко да покорени будут... и сыном сынов твоих во веки» у Макария (с. 309) и у Вассиана (с. 230); ср. также совершенно сходные заключения в посланиях Макария и Вассиана (с. 309 и 230).

⁶⁷ См.: Лет. русск. лит. и древн., т. V, кн. 3, с. 126.

⁶⁸ См. подробное изложение его содержания: Заусцинский. Цит. соч.

⁶⁹ Ср., например, послание 1467 г. митрополита Филиппа Новгородского архиепископу Ионе, написанное по тому же вопросу (Акты..., т. I, № 82, с. 130—133).

⁷⁰ ПСЛ, т. IV, с. 226.

⁷¹ См.: Дополнения..., т. I, № 30, с. 31.

⁷² Там же, № 221, с. 369.

⁷³ ПСЛ, т. VI, с. 289.

⁷⁴ Там же, с. 220; т. III, с. 249.

⁷⁵ Там же,

⁷⁶ См.: Дополнения..., т. I, № 40, с. 53—55; подробное изложение см.: *Архиеп. Макарий*. Цит. соч., т. VII, с. 406—408.

⁷⁷ Дополнения..., т. I, № 30, с. 48—50.

⁷⁸ Ср. Дополнения..., т. I, № 39, с. 48, стлб. 2, с. 49, стлб. 1 и № 40, с. 54, стлб. 1.

⁷⁹ См.: там же, т. I, с. 49, стлб. 1, стлб. 1, слова: «вас бо Господь Бог в Себе место избра на земли» и т. д.; ср. те же слова из «Послания Иосифа к вел. кн. Василию о еретиках», приведенные в кн.: *Хрущев И.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, с. 244.

⁸⁰ См.: Описание рукописей Румянцевского музея, с. 626, л. 84 об.

⁸¹ *Архиепископ Филарет*. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е. Харьков, 1859, с. 149.

⁸² Библиологический словарь. СПб., 1882, с. 197—198.

⁸³ *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. ЧОИДР, 1881, II, отд. прилож., с. 84.

⁸⁴ *Архиепископ Макарий*. Цит. соч., т. VII, с. 404, примеч.

- ⁸⁵ Ср.: Великие Чети Миней митрополита Макария, изданные Археографической комиссией (далее — ВЧМ). Вып. 1, стлб. 503—513.
- ⁸⁶ Стоглав, с. 103—107.
- ⁸⁷ *Архиепископ Макарий*. Цит. соч., т. VII, с. 410.
- ⁸⁸ Никоновская летопись, т. VII, с. 74.
- ⁸⁹ Там же, с. 67—68.
- ⁹⁰ Там же, с. 189—192.
- ⁹¹ Там же, с. 193—195.
- ⁹² Там же, с. 195.
- ⁹³ Ср.: Акты..., т. I, № I, с. 328—331; ПСЛ, т. V, с. 254—256.
- ⁹⁴ Издано архимандритом Леонидом: ЧОИДР, 1874, кн. I, отд. I, с. 69—84.
- ⁹⁵ Издано в отделе приложений к указанному исследованию В. Жмакина, с. 54—62.
- ⁹⁶ *Архиепископ Макарий*. Цит. соч., т. VII, с. 360, примеч. 293.
- Проф. Е. Замысловский в своей статье по поводу исследования Д. П. Голохвастова и архим. Леонида «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания» (см.: ЧОИДР, 1874, кн. I, с. 1—68) указывает, что безымянное послание к Иоанну по своему внутреннему содержанию сходно с посланиями митрополита Макария, но каких-либо определенных выводов о принадлежности первого митрополиту Макарию также не высказывает (см.: Сборник государственных знаний, т. II. Отдел: Критика и библиография. СПб., 1845, с. 128, примеч. 3).
- ⁹⁷ Так думают архиепископ Черниговский Филарет (см. его указ. соч., с. 19), Востоков (см.: Описание Румянцевского музея, № XXXIX, с. 158), архим. Амвросий (История Российской иерархии, ч. II, предисл., с. XXVIII) и пр.
- ⁹⁸ Самым решительным защитником мнения о принадлежности послания Сильвестру является Н. Коншин (см. цит. ст. «Благовещенский иерей Сильвестр»); то же, хотя и не особенно решительно, высказывает и Жданов (Материалы по истории Стоглавого собора. — ЖМНП, 1876, кн. 7, с. 74).
- ⁹⁹ Так думает проф. Н. И. Барсов (Об авторе послания к царю Ивану Васильевичу. — Сборник Археологического института, кн. IV. СПб., 1880).
- ¹⁰⁰ См. его цит. соч., отдел приложений, с. 57, примеч.
- ¹⁰¹ Мнение, или, скорее, догадочное, необоснованное предположение, о принадлежности послания Новгородскому архиепископу Феодосию высказано свящ. П. Ф. Николаевским в его исследовании «Русская проповедь в XV и XVI вв.» (ЖМНП, 1868, ч. 137, с. 326, примеч.).
- ¹⁰² Никоновская летопись, т. VII, с. 56.
- ¹⁰³ *Жмакин В.* Цит. соч., с. 131.
- ¹⁰⁴ *Зауцинский К.* Цит. соч., с. 237.
- ¹⁰⁵ См.: Дополнения..., т. I, № 30, с. 31.
- ¹⁰⁶ См.: Древн. Рос. библ., ч. XIV. М., 1490, с. 240—244.
- ¹⁰⁷ *Малинин В. Н.*, проф. Старец Елеazarова монастыря Филофей. — ТКДА, 1888, № 5, с. 81.
- ¹⁰⁸ Дополнения..., т. I, № 30, с. 31.
- ¹⁰⁹ По счету монаха Евфимия, составлявшего оглавление Четиих Миней по Успенскому списку, во всех 12 книгах заключается не менее 27 057 страниц, или 13 528 больших alexandрийских листов, писанных в два столбца, полууставом, разными почерками.
- ¹¹⁰ *Максим Грек*. Москвитянин, 1842, № 11, с. 47.
- ¹¹¹ *Архиеп. Макарий*. Цит. соч., т. VII, с. 117—118.
- ¹¹² Там же, с. 118; Акты..., I, № 158.
- ¹¹³ См.: Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря. — ЧОИДР, 1874, кн. VII, отд. IV, с. 1—16.
- ¹¹⁴ *Архиеп. Макарий*. Цит. соч., т. VII, отд. III, с. 1—107.
- ¹¹⁵ Там же, с. 120.
- ¹¹⁶ Летописец, с. 1—13.

- 117 *Архиеп. Филарет*. История Русской Церкви. Период 3. М., 1847, с. 169.
- 118 ВЧМ, сент. 1–13, с. 11.
- 119 Там же. — Летопись, с. I–II.
- 120 *Жмакин В.* Цит. соч., с. 281.
- 121 Там же, с. 283.
- 122 См.: *Костомаров И.* Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке. — Исторические монографии и исследования, т. I. СПб., 1872.
- 123 Указанная форма древнерусских произведений — форма сборника — немало обязана своим господством в Древней Руси также влиянию со стороны греческой церковной литературы ее позднейшего периода, когда она обратилась к изучению и компиляции старого (Анастасий Синайский, Иоанн Лествичник, Никон Черногорец и др.) (См.: *Жмакин В.* Цит. соч., с. 293).
- 124 Там же, с. 296.
- 125 *Знаменский П.* Учебное руководство по истории Русской Церкви. СПб., 1896, с. 173–174.
- 126 *Жмакин В.* Цит. соч., с. 294.
- 127 ВЧМ, сент. 1–13. — Летописец, с. II.
- 128 Предисловие к «Описанию Великих Четиих Миней» А. Горского и К. Невоструева. — ЧОИДР, 1884, кн. I, с. VI.
- 129 Там же.
- 130 См.: *Архиеп. Макарий*. Заметки о новгородских Макариевских Четиих Минеях. — Летописи русской литературы и древностей. Изд. Н. Тихонравовым. Т. I. Смесь и библиография (далее — Заметки...). М., 1859, с. 69.
- 131 См.: ВЧМ, сент. 1–13. — Летописец, с. I, примеч.: *Архиеп. Макарий*. Заметки..., с. 69.
- 132 См.: ВЧМ, сент. 1–13. — Летописец, с. I, примеч.
- 133 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 229.
- 134 См.: *Горский А., Невоструев К.* Указ. соч., с. 2.
- 135 Кажется, справедливо думать, что Макарий не подносил другого списка своих Четиих Миней царю, но что список этот был приготовлен по повелению Иоанна Васильевича Грозного около 1554 г. в разных местах разными лицами, как видно из послесловия к Печерскому Патерику Московской Синодальной библиотеки. «Ныне же сия книги, — замечает здесь один из писцов Макарьевских Четиих Миней, новгородец Мокий, — написаны быша нарицаемый патерик в лето 7062 месяца ноября в 22 в богоспасаемом великом Новограде... а писал Мокий бысть бо тогда повеление от царя великаго князя Ивана по многим градом писати святых книги в великом же Новегороде царьским повелением повеле тогда писати нам сия святых книги Фома Софейской священник... Аз же Мокий написах Златоуста 5 татратей июньской Миней часть 6 татратей... к сему же и не по воли владыка ми властеле Новогорода списати сию святую книгу Миней май месяц в ней же бе писана и сия чудная книга святого места патерик печерский» и т. д. (Рукописи Моск. синод. библ., № 216, л. 133 об. и 134). В пояснение к этому послесловию нужно заметить, что рукопись № 216, представляющая собрание патериков, есть не что иное, как извлечение из майской Четии Миней другого, неполного списка. Об этом свидетельствует прежде всего сам Мокий, а с другой стороны, еще то, что статьи, входящие в состав этой рукописи, перечислены в оглавлении, приложенном в начале указанной майской Миней, хранящейся в Московской Синодальной библиотеке под № 180, хотя на месте в этой Минее не положены.
- 136 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 229–230; *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 428–429. Отношение Новгородского списка к Московским более или менее обстоятельно указано Преосвященным Макарием в его «Заметках...», с. 68–73.
- 137 См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 2.
- 138 Наиболее замечательные разности находятся под 18 октября, под последними числами месяцев, например под 29 февраля, 31 декабря и пр. (Ср.: «Оглавление» Четиих Миней архим. Иосифа и «Описание Великих Четиих Миней» А. Горского и К. Невоструева). Эти разности исправно отмечаются также Археографической комиссией в подстрочных примечаниях к изданным ею выпускам Четиих Миней.

139 Все три списка Макарьевских Четиих Миней – Софийский, Успенский и Царский – сохранились до нашего времени. 1) Софийский список, от которого уцелело только 7 книг (сентябрь, октябрь, ноябрь, февраль, май, июнь и июль), принадлежит С.-Петербургской Духовной академии; рукописным описанием этого списка, по сообщению Н. Лебедева (Цит. соч. – ЧОЛДП, 1881, кн. 7–8, с. 54), будто бы можно пользоваться в Московском Русском музее. Князь М. Оболенский нашел, кроме того, еще один месяц (август), по его мнению, Новгородских Миней (он принадлежит Московскому Главному Архиву министерства иностранных дел). См.: Источники русской агиографии. СПб., 1882, с. VI. В этой рукописи князь М. Оболенский видит будто бы собственноручные поправки и замечания Макария, из чего, по его мнению, должно заключать, что она принадлежала к приготовительным работам Макария и есть черно-копией Четиих Миней Успенского собора. С августом месяцем этих последних, по отъезду М. Оболенского, найденная им Миней вполне сходна (см.: Москвитянин, 1850, т. II, отдел науки и искусства, с. 7). 2) Успенский список, данный Макарием в Московский Успенский собор в 1552 г. (Преосвященный Савва этот список называет списком Успенского собора, Ундольский – Успенским, а Археографическая комиссия – Царским, потому что вкладная запись этого списка начинается словами: «в Христолюбивое царство святейшего царя...»), в полном виде хранится в Московской Синодальной библиотеке под № 986–997 (см.: *Архиен. Савва*. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки (далее – Указатель...). М., 1858, с. 209). Описание Четиих Миней по этому списку составлено в конце XVII в. иеромонахом Евфимием; подлинная рукопись этого описания, ныне принадлежащая Московской Синодальной библиотеке (см.: *Архиен. Савва*. Указатель, с. 211), издана В. М. Ундольским, см.: ЧОИДР, 1847, № 4, отд. IV, с. 1–47. По этому же списку архим. Иосифом составлено «Подробное оглавление Великих Четиих Миней Всероссийского митрополита Макария» (М., 1892). 3) Царский список, приготовленный по велению царя (архиеп. Савва называет его списком Синодальной библиотеки), первоначально хранился, вероятно, в царских палатах, так как на листах декабрьской Миней сделана следующая подпись: «Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца казенная приказу книг печатного дела в книгохранительной палате, а закрепил сию книгу приказу книг печатного дела дьяк Иван Арбенев» (Рукописи Моск. Синод. библи., № 177); также и в майской Минее, на втором листе от переплетной доски сделана подпись XVII в.: «Книга государева казенная глаголемая Миней Четья» (Рукописи Моск. Синод. библи., № 180). Царский список, сохранившийся до нашего времени только в десяти книгах (в нем недостает марта и апреля), в настоящее время за № 174–183 принадлежит Московской Синодальной библиотеке (см.: *Архиен. Савва*. Указатель, с. 210). По этому списку А. В. Горским и К. И. Невоструевым составлено «Описание Великих Четиих Миней Макария, митрополита Всероссийского» (оно с предисловием и дополнениями Е. В. Барсова напечатано, см.: ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. II; 1886, кн. 1, отд. II; не закончено). Кроме того, известны еще несколько списков Макарьевских Миней конца XVI и начала XVII в. по описанию библиотеки графа Толстого (к сожалению, у нас не было под руками этого описания).

140 *Архиен. Макарий*. Заметки..., с. 68–73. При сравнении Новгородских Миней с Московскими Преосвященный Макарий имеет в виду Успенский список последних (см.: Там же, с. 70).

141 По указанию «Заметок» архиепископа Макария (с. 70), в сентябрьской книге по Новгородскому списку содержится только 468 листов, а по Успенскому – 994 (см.: *Архиен. Савва*. Указатель, с. 209), в октябрьской по Новгородскому списку – 455, а по Успенскому – 879, в июльской только 340, а по Успенскому – 1144 (Там же).

142 Впрочем, Преосвященный Макарий склонен видеть эти две опущенные в Московском списке статьи: первую – под 14 февраля, в Житии преп. Кирилла Философа, учителя Словенского, а последнюю – в числе других слов Григория Цамблака под 31 июля (см.: *Архиен. Макарий*. Заметки..., с. 71).

143 *Архиен. Макарий*. Заметки..., с. 71.

144 Там же, с. 70.

145 Там же.

146 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 230, примеч.

147 *Архиен. Макарий*. Заметки..., с. 71.

¹⁴⁸ *Красин Д.* Четии Миней свящ. Иоанна Мимотина. — Московские университетские известия, 1870, № 8, прилож., с. 767.

¹⁴⁹ *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви, т. I. Период 1-й, 1-я половина тома. М., 1880, с. 745.

¹⁵⁰ Четии Миней свящ. Иоанна Мимотина, с. 767.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ *Терновский Ф.* Изучение Византийской истории и ее тенденциозного приложения в древней Руси, вып. 1, с. 153; см. еще: *Архим. Иосиф.* Оглавление Четиих Миней, стлб. 337, л. 461, и др.

¹⁵⁴ Четии Миней еще в конце VIII в. существовали в Византийской литературе, как об этом ясно свидетельствует св. Феодор Студит в письме к Платону (см.: *Архим. Сергей.* Полный месяцеслов Востока, т. I. М., 1875, с. 182), а от IX в. до нас дошли и самые списки Миней, так же как и от X—XIII и XV—XVI вв. (см.: *Архиеп. Савва.* Указатель, с. 105—106). В очень древнее время начали существовать и наши славянские Четии Миней. Так, к XI в. относят замечательную Супрасльскую Минею, неполную, за март месяц (изд. Миклошичем в Вене, 1851; см. о ней: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, с. 199—200). Одинакова с нею по своему составу пергаментная Минейя XII — нач. XIII в. за май и июнь, находящаяся в библиотеке Московского Успенского собора под № 175/18, еще более неполная (см. ее описание: ЧОИДР, 1879, кн. I, библиогр. матер., с. 1—48; также: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, с. 201—203). От XIII—XIV вв. Миней до нас не дошло; встречаются только немногие отдельные Жития из этого периода (см. о них: *Срезневский И.* Древние памятники русского письма и языка, 1863). Гораздо больше Миней домакарьевского состава сохранилось от XV и XVI вв. Таковы: 1) Четии Миней в 12-ти книгах МДА (№ 192—200), перешедшие из Волоколамской библиотеки (см. описание их: ЧОИДР, 1881, кн. III, с. 238—263; см. также: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 74—116, 119—123). 2) Четии Миней той же МДА в 11-ти книгах, кроме ноября (о составе этих Миней см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, примеч.). 3) По описанию рукописей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (ч. III, изд. ОИДР, 1879) несколько номеров Миней домакарьевского состава (№ 666, 669, 678, 680). 4) В Моск. Синод. библи. 4 книги за 4 месяца: сентябрь, октябрь, апрель и июнь (см.: *Архиеп. Савва.* Указатель, с. 209). 5) Четии Миней библиотеки В. М. Ундольского (см.: Описание его рукописей. М., 1870, № 230—232, стлб. 193—201). 6) По «Описанию рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Дух. академии» (ч. II, Казань, 1885), несколько месяцев Миней домакарьевского состава (№ 616, 617, 619, 622, 625, 627, 628, 630). 7) Кроме того, известно еще несколько книг Миней Моск. ОИДР (они сравнены с другими Минейями архим. Сергием, см.: цит. соч., т. I, 9 прилож.).

¹⁵⁵ Излагая содержание Макарьевских Четиих Миней, мы преимущественно будем иметь в виду так называемый Успенский список этих Миней, впрочем, в случае разностей мы будем обращаться иногда к неполному — Царскому списку, описанному А. Горским и К. Невоструевым.

¹⁵⁶ ВЧМ, сент. 1—13, с. 1—2. На этот житийный отдел в Четиих Минейях указывается также в «Летописце» (с. 1): «Написаны в них... всех святых отец жития и мучения святых мученик и святых мучениц, жития и подвизи преподобных и Богоносных отец, и святых преподобных жен страдание и подвизи...»

¹⁵⁷ ВЧМ, сент. 1—13, с. 1. — Летописец.

¹⁵⁸ См.: *Петров Н. И.*, проф. О происхождении и составе древнерусского печатного Пролога. Киев, 1875, с. 4. Синаксарь (συναξάριον — от συναγω — собираю) есть собрание кратких известий о жизни святых; название же книги Прологом принято по предисловию или введению к ней (Πρόλογος); см.: там же, с. 1; *Архиеп. Филарет.* Обзор русской литературы, с. 55; *Ундольский В. М.* Библиографические разыскания. — Москвитянин, 1846, № 11/12, с. 207.

¹⁵⁹ *Архиеп. Филарет.* Обзор русской духов. литературы, с. 55.

¹⁶⁰ *Петров Н. И.* Цит. соч., с. 3.

¹⁶¹ Там же, с. 12, 13, 113, 224.

¹⁶² *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, с. 204.

¹⁶³ *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 426.

164 В «Описании Четиих Миней» А. Горского и К. Невоструева тщательно отмечается число всех проложных сказаний. Равным образом и в «Оглавлении Четиих Миней» архим. Иосифа все краткие Жития святых, внесенные в Четию Миней из Пролога, для отличия от полных Житий отмечены особым значком (звездочкой).

165 См., например: ВЧМ, сент. 1—13, стлб. 318, 319, 144, 145 и др. Все эти места отмечают в «Оглавлении Четиих Миней» архим. Иосифа; на страницах его книги можно читать заметки: «одно заглавие», «сказания нет».

166 См., например: ВЧМ, сент. 1—13, стлб. 145, 146, 320 и др.

167 Например: «Посечен был Стефане, божественный венец (лат. stefanos) всхыти; папа же сый первее, ныне мученик велик» (ВЧМ, сент. 7, стлб. 348); «жрется Агньца ради Божиа Захариа, якоже агнец некий заклан бысть среде церкви; в пятый Захарию на земли заклаша беззаконно» (Захария, отец Иоанна Предтечи, был священник) (ВЧМ, сент. 5, стлб. 281) и пр.

168 См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. соч., с. 5.

169 ВЧМ, вып. 1, сент. 1—13, стлб. 120—121. Предисловие с именем Симеона, кроме Макарьевских Четиих Миней, встречается еще в софийском Прологе XVI в. (№ 1386), также стишном и совершенно сходном с Макарьевским (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, с. 261).

170 См.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., 9 прилож. с. 74—130. В частности, сравнение сентябрьской Миней сделано М. Н. Сперанским в статье «Сентябрьская Миней Четия домакарьевского состава» (см.: *Известия Отделения русского языка и словесности Импер. Академии наук.* СПб., 1896, т. I, с. 235—257).

171 При сравнении мы имели в виду следующие сентябрьские Четию Миней домакарьевского состава: а) Волоколамск. библи. (ныне МДА), № 192, конца XV в.; б) Соловецкого мон. № 617 и 616, обе 1494 г.; в) МДА, № 88 (до 1547 г.); г) Моск. Синод. библи. № 169, XVI в.; д) Троице-Сергиевой Лавры, № 666, конца XV в., № 663, XVI в. Относительно состава Миней Синод. библи., не существующих в описании, а также Миней МДА мы пользовались указаниями архим. Сергия (Цит. соч., прилож. 9).

172 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 6, л. 133.

173 Там же, с. 7, л. 145 об.

174 Там же, с. 7, л. 153.

175 Там же, с. 11, л. 225.

176 Там же, с. 11, л. 234.

177 Там же, с. 13, л. 352.

178 Там же, л. 349.

179 Там же, л. 346.

180 Там же, с. 13—15.

181 Там же, с. 16, л. 626.

182 Там же, с. 16, л. 628.

183 См.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 78, примеч.

184 При сравнении имелись в виду следующие Четию Миней: а) Волоколамской библи., № 193, конца XV в.; б) Троице-Сергиевой Лавры, № 666, конца XV в.; в) Синод. библи., № 170, XVI в.; г) Соловецкого мон., № 619, одна половина ее 1494 г.; д) Солов. мон., № 620, XVI в., и № 621, XVII в. (по количеству статей беднее предыдущей); е) МДА (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., прилож. 9).

185 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 28, л. 45.

186 Там же, с. 29, л. 126.

187 Там же, с. 30, л. 390.

188 Там же, с. 34, л. 535.

189 Там же, л. 539.

190 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 99, л. 511.

191 Там же, стлб. 100, л. 514, 515 об.

192 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 39, л. 1415.

193 При сравнении имелись в виду Четии Минси: а) Волоколамской библи., конца XV или нач. XVI в., № 194; б) Соловецкого мон., № 622, XVI в. и в) № 623, XVI в.; г) Троице-Сергиевой Лавры (ноябрь и часть мая), № 669, нач. XV в., и д) № 670, XVI в.

194 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 42, л. 18 об.

195 Там же, с. 46, л. 141.

196 Там же, л. 162.

197 Там же, с. 60, л. 460.

198 Там же, л. 464.

199 Там же, л. 561.

200 Там же, л. 574 об.

201 Там же, ЧОИДР, 1886, кн. 1, с. 71, л. 992 об.

202 Там же, л. 1003.

203 Там же, л. 1007.

204 Там же, с. 72, л. 1048.

205 Там же, л. 1043.

206 Там же, с. 73, л. 1192.

207 Там же, с. 74–75, л. 1322, 1338, 1342 и 1351.

208 Там же, с. 78, л. 1483.

209 Там же, л. 1528.

210 Там же, с. 80, л. 1584.

211 Там же, л. 1627.

212 При сравнении имелись в виду Четии Минси: а) Волоколамской библи. (декабрь и январь), № 195, конца XV или нач. XVI в.; б) Соловецкого мон., № 625 (декабрь и январь), XVI в.; в) собр. Ундольского, № 230, XVI в.; г) МДА (см.: *Архим. Сергий*. Цит. соч., т. I, прилож. 9).

213 *Горский А., Невоструев К.* Чит. ст., с. 83, л. 148 и 155.

214 Там же, л. 202 об.

215 Там же, л. 217.

216 Там же, с. 86, л. 258.

217 Там же, с. 89, л. 421.

218 Там же, л. 422.

219 Там же, л. 423.

220 Там же, с. 90, л. 440.

221 Там же, л. 469.

222 Там же, с. 91, л. 476.

223 Там же, л. 591.

224 Там же, с. 93, л. 648 (в том же переводе с тем же пропуском, что и в рукописи Моск. Синод. библи. № 782, согласно «Указателю» архиеп. Саввы).

225 Там же, с. 96, л. 923.

226 Там же, л. 916 об. и 919.

227 Там же, с. 97, л. 940.

228 Макарьевские Четии Минси были сравнены с Минсеями: а) Волоколамской библи., № 195, конца XV и нач. XVI в.; б) Соловецкого мон., № 625 (декабрь и январь), XVI в.; в) в собр. Ундольского, № 231, XVI в. (похожа на предыдущую); г) МДА.

229 *Горский А., Невоструев К.* Чит. ст., с. 98, л. 11.

230 Там же, с. 101, л. 393.

231 Там же, с. 102, л. 405.

232 Там же, с. 104, л. 480.

233 Там же, с. 105, л. 510.

234 Там же, л. 647; в Минее МДА другой редакции.

- 235 Там же, с. 109, л. 614.
- 236 Там же, с. 110, л. 630; то же, что в рукописи Моск. Синод. библи., № 635, XV в., согласно указанию архиеп. Саввы.
- 237 Там же, л. 734.
- 238 Там же, с. 114, л. 940; в Минее В. М. Ундольского и МДА – другой перевод.
- 239 Там же, с. 116, л. 1118.
- 240 При сравнении имелись в виду Четии Минеи: а) Волоколамской библи. № 196, нач. XVI в.; б) Соловецкого мон. № 626 и в) № 627, XVI в. (домакарьевского состава); г) МДА, нач. XV в., если не конца XVI в. (см.: *Архим. Сергий*. Цит. соч., т. I, с. 204.
- 241 См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. соч., с. 120–121, л. 22, 25, 40, 41 об. и 43 об.
- 242 Там же, с. 121, л. 50.
- 243 Там же, с. 125, л. 164; то же, что в рукописи Моск. Синод. библи., № 923, XV в. (*Архиеп. Савва*. Цит. соч., с. 166).
- 244 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 494, л. 559.
- 245 При сравнении имелись в виду Минеи: а) Волоколамской библи., № 197, XVI в.; б) Су-прасльск., XI в. (по описанию ее в кн.: *Архиеп. Сергий*. Цит. соч., т. I, с. 199–201); в) Соловецкого мон., № 628, XVI в.; г) МДА.
- 246 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., ч. 148, л. 550.
- 247 См.: *Архим. Сергий*. Цит. соч., прилож. 9, с. 107, примеч.
- 248 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 152, л. 748.
- 249 Там же, с. 152, л. 749; повествование сходно с помещенным у Макария под 21 марта (см.: Там же, с. 149, л. 555), но короче.
- 250 Минея Волоколамской библи., № 198, нач. XVI в.; Моск. Синод. библи., № 91, XVI в.; Соловецкого мон.; № 630, XVI в., МДА.
- 251 При сравнении имелись в виду Минеи: а) Волоколамской библи., № 199, нач. XVI в.; б) Минея Успенского собора XII – нач. XIII в.; в) МДА.
- 252 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 169, л. 147.
- 253 Там же, с. 171, л. 344; то же, что в славянском Прологе под 22 марта (см.: *Архим. Сергий*. Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 113, примеч.).
- 254 Там же, с. 173, л. 462 об.
- 255 Там же, с. 480.
- 256 Там же, с. 176, л. 681 об.
- 257 Там же, л. 686 об.
- 258 Там же, с. 177, л. 697.
- 259 Там же, с. 181, л. 974.
- 260 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 186, л. 766.
- 261 Там же, стлб. 188, л. 779 об.
- 262 При сравнении имелись в виду Минеи: а) МДА, написанная в Троицкой Лавре иером. Фирсом в 1550 г. (см. ее состав: *Архим. Сергий*. Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 117–119); б) Синод. библи., № 89, XVI в.; в) Волоколам. библи., № 200 (июнь, июль и август), конца XVI в., весьма краткая (домакарьевского состава).
- 263 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 215, л. 113.
- 264 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 216, л. 124.
- 265 Там же, с. 238, л. 352.
- 266 Там же, с. 241–242; в Акад. списке – только 3 слова, а в Синодальном – 7.
- 267 Там же, с. 246, л. 450 об.; есть и в Акад. списке, но, кажется, в другом переводе.
- 268 Там же, с. 247, л. 455 об.
- 269 При сравнении имелись в виду Минеи: а) Волоколам. библи., № 200; б) Троице-Сергиевой Лавры, № 678, XV и XVI вв.; в) МДА.
- 270 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 293, л. 8.

- 271 Горский А., Невоструев К. Цит.ст., с. 303, л. 81.
- 272 Там же, с. 305, л. 89.
- 273 Там же, с. 308, л. 134.
- 274 Там же, с. 315, л. 181.
- 275 Там же, л. 183 об., 186 и 188 об.; в Акад. списке – о Третьем и Четвертом Соборах.
- 276 Там же, с. 321.
- 277 Там же, с. 322, л. 351.
- 278 Там же, с. 328, л. 414 об.
- 279 При сравнении имелись в виду Минеи: а) Волокол. библи., № 200 (весьма краткая); б) Ундольского, № 232, XV в. (неполная); в) Троице-Сергиевой Лавры, № 680, XVI в. (неполная; по составу похожа на предыдущую); г) Минея МДА, если судить по Минее Троице-Сергиевой Лавры, № 681, 1627 г. (см.: Описание рукописей Троице-Сергиевой Лавры, ч. III, с. 40), с которой первая совершенно сходна, должна быть отнесена к разряду послемакарьевских, так как в нее вошли уже позднейшие произведения, например сказание 7105 г. (1597) о преложении мошей св. Антония Римлянина (см.: Горский А., Невоструев К. Цит. ст., л. 164 об.).
- 280 Архим. Иосиф. Цит. соч., ч. III, стлб. 398, л. 97.
- 281 Горский А., Невоструев К. Цит. ст., стлб. 399, л. 65.
- 282 Там же, стлб. 402, л. 81; в Волоколамской, Ундольского и Лаврской Минеях 5-го числа нет; в Академическом списке – по Макарьевской Минее.
- 283 Там же, стлб. 404, л. 101, 108; это – другая редакция тех же слов, помещенных в Минее Троице-Сергиевой Лавры (см. ее описание: Горский А., Невоструев К. Цит. ст., л. 177 и 199 об.).
- 284 Там же, стлб. 407, л. 118 об.; оно есть в Академическом списке.
- 285 Там же, стлб. 411, л. 143; стлб. 412, л. 159, л. 174 (повторено на л. 176 об.); стлб. 414, л. 188 (в другой редакции – на л. 168 об.).
- 286 Там же, стлб. 412, л. 179 об.
- 287 Там же, стлб. 416, л. 214.
- 288 Там же, стлб. 217.
- 289 Там же, стлб. 417, л. 219.
- 290 Там же, стлб. 490, л. 1069.
- 291 Там же, стлб. 491, л. 1073.
- 292 Там же, стлб. 439–440, л. 1125, 1127 об., 1129 об. и 1131 об.
- 293 Там же, стлб. 441, л. 1142; в Академическом списке она есть.
- 294 Там же, стлб. 445, л. 1170.
- 295 Впрочем, некоторые указания на этот счет можно найти в «Описании Четиих Миней» А. Горского и К. Невоструева, а также в статье М. Н. Сперанского о сентябрьской Минее Четию (ИОРЯС, 1896, т. I, с. 235–257).
- 296 Конечно, нельзя утверждать, что митрополит Макарий пользовался именно теми списками Миней, с которыми мы сравнивали его Минеи; он мог пользоваться и другими, быть может существовавшими в его время списками этих Миней того же состава и типа.
- 297 Так, например, Житие св. Голиндухи – Марии в Волоколамской Минее верно помещено под 12 июля (см.: Косолапов И. Месяцеслов Православной Кафолической Церкви. Симбирск, 1880, с. 708), а в Макарьевской – под 13 июля (?); Житие преп. Афанасия игумении в Волоколамской верно – под 12 апреля (см.: там же, с. 692), а в Макарьевской под 11 апреля (?); мучение свв. Феодоры и Дидима в Волоколамской верно – 5 апреля (там же, с. 834), а в Макарьевской – 6 апреля (?); мучение св. Конона градаря в Волоколамской Минее и Минее МДА верно – 5 марта (там же, с. 757), а в Макарьевской – 6 марта (?) и пр.
- 298 Ключевский В. О. Цит. соч., с. 298.
- 299 Начальные слова: «Что реку и что возглаголю?» (См.: Архим. Иосиф. Цит. соч., т. I, стлб. 48, л. 596). Есть в домакарьевской Четией Минее Моск. Синод. библи., № 169. (см.: Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 176–177.).

300 Начало: «Приидите честное и святое постник сословие» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 53, л. 649). Есть и в домакарьевской Минее Синод. библи., № 169 (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 517).

301 Начало: «Праведници во веки живут» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 252, л. 464). Есть в Волоколамской Минее под тем же числом. (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 94).

302 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 434, л. 1096; Минее Ундольского, № 232, XV в. (Описание рукописей Ундольского, стлб. 201).

303 Начало: «Бог милостив и щедр» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 481, л. 455 об.). Есть в Волоколамской Минее (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 84).

304 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 79, л. 147. Есть в домакарьевской Четией Минее Синод. библи., № 91 (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 46).

305 Начало: «Бысть во дни благочестиваго великаго князя» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 82, л. 170). Есть в домакарьевской Четией Минее Синод. библи. (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 488).

306 Начало: «Иже преподобных мужей житие» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 103, л. 370). Есть в домакарьевской Четией Минее Синод. библи. (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 547).

307 Начало: «Благодарю Тя, Владыко Господи» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 140, л. 168 об.); в Волоколамской Минее (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 113).

308 Начало: «Се ныне о сем блаженном» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 204, л. 10). Есть в домакарьевской Четией Минее Синод. библи., № 89 (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 166).

309 Есть в Софийской Четией Минее и домакарьевской Четией Минее Синод. библи. (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 167).

310 Начало: «Понеже убо онем великиим» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., стлб. 217, л. 128). Есть в Четией Минее МДА (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 117) и в домакарьевской Минее Синод. библи. (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 304).

311 Начало: «Святому епископу Ростовскому Кириллу» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 246, л. 446). Есть в домакарьевской Четией Минее Синод. библи. (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 455).

312 Начало: «Род праведных благословится» (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 326, л. 399). Есть в Волоколамской Четией Минее под 2 мая (см.: *Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 113).

313 В этом случае мы не имеем в виду тех произведений, которые по своему происхождению современны митрополиту Макарию, которые были составлены по его поручению или благословению; о них будет сказано ниже при характеристике литературного движения, возбужденного Четиями Минееми митрополита Макария, а также деятельностью Соборов 1547 и 1549 гг.

314 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., л. 983; помещено в первой редакции (см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 196).

315 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., л. 158; см. о нем: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 127, 162.

316 Там же, л. 601.

317 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., л. 1112; см. о нем: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 98–110.

318 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., л. 675 об; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 110–112.

319 Там же, л. 582; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 172.

320 Там же, л. 862; помещено в первой, испорченной редакции (см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 26, примеч.).

321 Там же, л. 18; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 156, примеч.

322 Там же, л. 74; помещено в третьей Пахомиевой редакции (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 82).

323 Там же, л. 60; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 184.

324 Там же, л. 1136; см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 360–361.

325 Там же, л. 1077; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 71.

326 Там же, л. 1090; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 124.

- 327 Там же, л. 764.
- 328 Там же, л. 417 об. и 418 об.; помещено в двух редакциях: Питирима и Пахомия Логофета (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 29, 30).
- 329 Там же, л. 466 об.
- 330 Там же, л. 366; (см. о нем: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 188).
- 331 Там же, л. 636 об.; см. о нем: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 178; впрочем, В. Ключевский полагает, что «это Житие Евфросинии восточной, а не русской» (см. его цит. соч., с. 262).
- 332 Там же, л. 765; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 38–43.
- 333 Там же, л. 503 об.; помещено во второй редакции (см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 23, примеч. 1).
- 334 Там же, л. 472 об.
- 335 Там же, л. 614 (см. то же, л. 623 об.) и 625 об.; помещено в двух (1-й и 2-й) из шести редакций, указанных В. Ключевским (см. его цит. соч., с. 6, примеч.).
- 336 Там же, л. 623 об. и 625; о похвальном слове при 3-й редакции Жития см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 13, примеч. 1.
- 337 Там же, л. 615 об.; см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 43–44.
- 338 Там же, л. 61 и 69 об.; помещено в редакции Вассиана, архиеп. Ростовского, и в краткой редакции (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 426–427).
- 339 Там же, л. 70; о ней см.: *Ключевский В.* Цит. соч., с. 208, примеч.
- 340 Там же, л. 410 об.
- 341 *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 288, в «Оглавлении» архим. Иосифа нет.
- 342 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., л. 1073; помещено в 1-й редакции, начало: «О пресвятыи Царю» (см.: *Барсуков Н.* Цит. соч., с. 9).
- 343 ВЧМ, вып. 1, с. 1.
- 344 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 148, л. 255 об.
- 345 Там же.
- 346 См. книгу Иова в «Описании рукописей Соловецкого монастыря», ч. II, с. 447, л. 16; см. пророчество Аггея в Волоколамской декабрьской Минее (*Архим. Сергей.* Цит. соч., прилож. 9, с. 93, л. 181).
- 347 *Горский А., Невоструев К.* Цит. соч., с. 36, л. 1150.
- 348 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 397, л. 16.
- 349 См.: Описание славянских рукописей Моск. Синод. библ., отд. I, с. 124–125.
- 350 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 121, л. 247 об.
- 351 Там же, л. 258 об.
- 352 Там же, л. 269 об.
- 353 Там же, стлб. 226, л. 191.
- 354 Там же, стлб. 321, л. 230.
- 355 См. эти книги в Хронографе Румянц. музея, 1494 г., № 453, л. 249 об. 336 (Описание Румянц. музея, с. 727–728); с этой рукописью сходна Палея Моск. Синод. библ., № 210, с. 216 (по «Указателю» архиеп. Саввы).
- 356 См.: *Востоков.* Цит. соч., с. 727, л. 200, 223; *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 3–4, л. 17, 37 об., 59.
- 357 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 154–155, л. 222, 352 об. и 356; стлб. 134–135, л. 10 об. и 28; стлб. 322, л. 252 и 282 об.; стлб. 243; л. 309 об.
- 358 По замечанию А. Горского и К. Невоструева, текст пророчеств, помещенных с толкованием, приводится по списку Новгородского попа Упияра Лихого, № 900 (см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 175, л. 559; с. 167, л. 18), текст без толкования тот же, что в полных списках Библии Синод. библ. № 1–3 (см.: Там же, с. 173, л. 497; с. 167, л. 53; с. 90, л. 442).
- 359 См.: Там же, с. 90, л. 442.
- 360 См.: Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. I, № 18, с. 204; № 19, с. 207.

- 361 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 98, л. 486 об.
- 362 Там же, т. I, стлб. 102, л. 656.
- 363 Там же, т. II, стлб. 227, л. 202.
- 364 Там же, т. I, стлб. 192, л. 1028 об.
- 365 Там же, т. II, стлб. 411, л. 130.
- 366 Там же, т. I, стлб. 211, л. 7 об.
- 367 Там же, стлб. 213, л. 18 об.
- 368 Там же, стлб. 214, л. 21 об.
- 369 Там же, стлб. 241, л. 292 об. Книга пророка Аггея встречается в домакарьевских Минеях; см., например, Четию Минею Волоколамской библ. за декабрь, л. 181 (*Архим. Сергей.* Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 93).
- 370 Там же, стлб. 455, л. 86 об.
- 371 Там же, стлб. 377, л. 307.
- 372 См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 34, л. 527; с. 37, л. 1285; с. 74, л. 1295; с. 81, л. 3; с. 81, л. 20 об.; с. 82, л. 35; с. 89, л. 422; с. 122, л. 106; с. 101, л. 386.
- 373 См., например: *Описание Моск. Синод. библ.,* отд. II, № 78, с. 108; № 79, с. 111; № 80, с. 112.
- 374 См.: Там же, отд. I, с. 203, 207.
- 375 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 345, л. 604.
- 376 См.: *Описание Румянцев. музея,* с. 271, л. 360.
- 377 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 423, л. 299.
- 378 Там же, стлб. 421, л. 287.
- 379 См.: *Описание Румянцев. музея,* с. 727, л. 301.
- 380 См. послесловие переводчика: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 428, л. 867.
- 381 ПСЛ, т. VI, с. 298–299.
- 382 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 425, с. 457; см. такую же Псалтирь в «Описании рукописей Троице-Сергиевой Лавры», ч. III, с. 74, № 87.
- 383 *Архиеп. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 186, л. 801.
- 384 Там же, т. II, стлб. 102, л. 314.
- 385 Там же, т. I, стлб. 100, л. 520.
- 386 Там же, стлб. 62, л. 782; стлб. 61, л. 740 об.
- 387 По указанию их, текст Евангелия от Матфея тот же, что и в рукописи Моск. Синод. библ. № 88 (см.: *Описание рукописей Моск. Синод. библ.,* отд. II, с. 125, № 88, по прежнему кат. № 72); перевод текста и толкования Евангелия от Марка, кроме некоторых изменений в словах — по рукописи Синод. библ. № 92 (см.: *Описание ...,* отд. II, с. 129, № 92, по прежнему кат. № 77); Евангелие от Луки — то же, что в рукописи Синод. библ. № 93 (см.: *Описание, отд. II, 1, с. 130, № 93, по прежнему кат. № 78);* Евангелие от Иоанна — то же, что в рукописи Синод. библ. № 94 (*Описание...,* отд. II, 1, с. 131, № 94, по прежнему кат. № 79): Апокалипсис — тот же, что в рукописи Синод. библ. № 5 («Указатель» архиеп. Саввы с. 155; см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 73, л. 1056; с. 163–164, л. 315; с. 35, л. 573; с. 24, л. 839 и л. 798).
- 388 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 248–253, л. 482–762. В Царском списке Четиих Миней все эти книги помещены под 18 октября, там же, где Евангелие от Луки (см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 36).
- 389 Это — рукопись Моск. Синод. библ. № 96 (см.: *Описание...,* отд. II, 1, с. 154, № 96; по «Указателю» архиеп. Саввы — № 18). См. заметку в цит. ст. А. Горского и К. Невоструева (с. 36, л. 826).
- 390 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 154, л. 352 об.
- 391 См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 174, л. 553. Интересно было бы справиться в подлинном списке Макарьевских Четиих Миней, что представляет собой книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, помещенная в Успенском списке на л. 1049–1054 (см.: *Архим. Иосиф.*

Цит. соч., т. I, стлб. 312), в конце Иерусалимского Патерика. Преосвященный Макарий называет ее в числе тех библейских книг, которые вошли в Макарьевские Минеи (см. его «Историю Русской Церкви» (т. VII, с. 430).

³⁹² *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 23–27. Так как местное почитание преп. Иосифа началось с 1579 г., а общее – только с 1 июля 1591 г., т.е. уже после кончины митрополита Макария (см.: *Васильев В.* История канонизации русских святых. М., 1893, с. 209), то его грамоты, равно как и Житие, едва ли были внесены самим митрополитом Макарием. По замечанию А. Горского и К. Невоструева, эти грамоты первоначально не заключались в оглавлении сентябрьской Четней Минеи, но внесены сюда другой рукой, и притом вписаны не на месте – после второго пролога, а не перед ним (см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 12).

³⁹³ *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 35–39. Количество и, кажется, перевод слов, если только можно судить по описаниям, те же, что: а) в рукописи XV в. Троице-Сергиевой Лавры, № 147 (см.: *Описание...*, ч. I, с. 121), б) в рукописи графа Уварова (бывш. библиот. Царского) 1549 г., № 189 (см.: *Описание...*, ч. I, с. 136) и др.

³⁹⁴ *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 73, л. 31; встречается в Волоколамской Четии Минеи под тем же числом (см.: *Архим. Сергий*. Цит. соч., т. I, прилож. 9, с. 79).

³⁹⁵ *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 78–84; то же, что в рукописи XV в., № 93, Румянц. муз. (см.: *Описание...*, с. 161), в рукописи Троице-Сергиевой Лавры 1524 г., № 123 (*Описание...*, ч. I, с. 91), в рукописи гр. Уварова XV в., № 162 и XVI в., № 163 (см.: *Описание...*, ч. I, с. 101).

³⁹⁶ *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 147–161; в таком же собрании слов и в том же переводе эта книга содержится в рукописи Троице-Сергиевой Лавры первой полов. XVI в., № 178 (см.: *Описание...*, ч. I, с. 161).

³⁹⁷ Там же, стлб. 170–181. По этому изводу «Златоструй» содержит в себе 129 слов: его отличие от «Златоструя», помещенного в Макарьевских Минеях под 29 февраля, см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 60.

³⁹⁸ Там же, стлб. 218–222; то же, что в рукописи Моск. Синод. библиот. XVI в., № 156 (см.: *Описание...*, отд. I, 2, с. 307).

³⁹⁹ Там же, стлб. 247–248; по замечанию А. Горского и К. Невоструева, см. цит. ст. (с. 91), то же, что в рукописи Моск. Синод. библиот., № 750.

⁴⁰⁰ Ср.: Там же, стлб. 249, л. 414; Описание рукописи Моск. Синод. библиот., отд. II, 2, с. 308, л. 190.

⁴⁰¹ Там же, стлб. 256–265; слова приводятся в том же составе и переводе, какой усматривается в рукописи Моск. Синод. библиот. № 153, конца XIV или нач. XV в. (см.: *Описание...*, отд. II, 2, с. 247).

⁴⁰² Там же, стлб. 321–374; тот же состав и перевод слов, что в рукописи Солов. мон. XVI в., № 169 (см.: *Описание...*, ч. I).

⁴⁰³ Там же, стлб. 375–376, л. 216; то же, что в рукописи Моск. Синод. библиот. 1512 г., № 129 (см.: *Описание...*, отд. II, 2, с. 142).

⁴⁰⁴ Описание рукописей Моск. Синод. библиот., отд. II, 2, с. 145.

⁴⁰⁵ *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 414–418; первые 8 слов сходны с рукописью Моск. Синод. библиот. XVII в., № 120, а последние 8 слов – с рукописью той же библиот. XVI в., № 119 (см.: *Описание...*, отд. II, 2, с. 92, 90).

⁴⁰⁶ Там же, стлб. 418, л. 1141; ср.: Описание Моск. Синод. библиот. отд. II, 2, с. 93.

⁴⁰⁷ Там же, л. 1141 об.; ср.: Описание Синод. библиот. отд. II, 2, с. 92, 93.

⁴⁰⁸ Там же, ср.: Описание Синод. библиот., отд. II, 2, с. 92, 99.

⁴⁰⁹ Там же, л. 1142; ср.: Описание Синод. библиот., отд. II, 2, с. 92, л. 405 об.

⁴¹⁰ Там же, стлб. 429–435; счет и перевод слов те же, что в рукописи гр. Уварова (бывшей Царской) 1509 г., № 173 (*Описание...*, ч. I, с. 108).

⁴¹¹ Там же, стлб. 500–501, л. 605; встречается в древних рукописях, например, в рукописи Троице-Сергиевой Лавры XV в., № 756, л. 461 об., и № 760, л. 167 (см.: *Описание...*, ч. III, с. 159, 166).

- 412 Там же, т. II, стлб. 13–14; то же, что в рукописи Моск. Синод. библ., № 402 (см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 145).
- 413 Там же, стлб. 14–21; то же, что в рукописи Моск. Синод. библ. № 149 (см.: Описание..., отд. II, 2, с. 228).
- 414 Там же, стлб. 31–34; то же что в рукописи Моск. Синод. библ. конца XII или нач. XIII в., № 114, и в рукописи XVI в., № 115 (см.: Описание..., отд. II, 2, с. 44, 62).
- 415 Там же, стлб. 55–58; в Моск. Синод. библ. есть 6 списков «Лествицы» от XIV–XVII вв., № 141–146 (см.: Описание..., отд. II, 2, с. 193–218), которые в общем сходны с редакцией, помещенной в Макарьевских Четиих Минеях; но, если судить по писаниям, Макарьевская редакция по переводу текста, кажется, более приближается к спискам позднейшего времени — № 142–146 (Описание рукописей Синод. библ., отд. II, 2, с. 206, 214), хотя по составу и порядку статей, предшествующих «Лествице», отличается от каждой из них; вероятно, митрополит Макарий имел под руками какой-либо иной вариант одной общей редакции «Лествицы».
- 416 Там же, стлб. 138–139; то же, что в рукописи Моск. Синод. библ. XV в., № 111 (см.: Описание..., отд. II, 2, с. 92).
- 417 Там же, стлб. 141–145; Макарьевский список Печерского Патерика относится к той редакции его, которая исследователями (см.: *Яковлев В.* Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875, с. 49) называется второй касьяновской редакцией; он до буквальности сходен а) с рукописью Троице-Сергиевой Лавры № 713 (Описание..., ч. III, с. 106, 6) с рукописями из собрания Ундольского № 386–388 (см.: Слав.-русск. рукописи Ундольского, с. 261), в) с рукописью Румянц. муз. № 305 (Описание рукописей Румянц. муз., с. 427) и др.
- 418 Там же, стлб. 211–214; то же, что а) в рукописи Моск. Син. библ. весьма исправного перевода, № 147, XVII в., за исключением пространного предисловия к ней Захарии Копытского (Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. II, с. 219), б) в рукописи Чудова мон. № 165, конца XV или нач. XVI в., совершенно сходной с предыдущей (там же, с. 224), в) в рукописях Троице-Сергиевой Лавры № 163–166, за исключением разных прибавлений к первым трем (Описание рукописей Троице-Сергиевой Лавры, ч. I, с. 141–145).
- 419 Там же, стлб. 232–237; совершенно то же, что в рукописи Моск. Синод. библ. XVI в., № 110, с теми же добавочными статьями (Описание..., отд. II, 2, с. 16).
- 420 Там же, стлб. 313–314; это слово встречается в Четиих Минеях и разных сборниках макарьевского времени, откуда митрополит Макарий и мог взять его; см., например, рукописи Троице-Сергиевой Лавры, № 678, л. 247; № 748, л. 236 (Описание..., ч. III, с. 34, 144).
- 421 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч.
- 422 Там же, т. I, стлб. 360–364; совершенно то же, что в рукописи Моск. Синод. библ. XV в., № 164 (Описание..., отд. II, 2, с. 434).
- 423 Там же, т. I, с. 464–470; то же, что в рукописи Моск. Синод. библ. XV в., № 172, л. 3–313 об. (Описание..., отд. II, 2, с. 465), в рукописи Троице-Сергиевой Лавры XV в., № 186 (Описание..., ч. II, с. 178) и др.
- 424 Там же, стлб. 470–473, л. 265 об. — 411 об.
- 425 Почти тот же состав произведений мы видим, например, в сборниках Моск. Синод. библ. XV в., № 164, XVI в., № 165 (см.: Описание..., отд. II, 2, с. 434, 441).
- 426 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 276, л. 696.
- 427 Там же, стлб. 296, л. 838; В. М. Ундольский в своих библиографических разысканиях называет этот Патерик Азбучным (см.: Москвитянин, 1846, № 11–12, с. 203).
- 428 Там же, стлб. 305, л. 891; В. М. Ундольский этот Патерик называет Иерусалимским, который, по его мнению, всегда следует за Азбучным (Там же, с. 202). Митрополит Макарий все три Патерика, вероятно, заимствовал из одного какого-либо списка; подобные этому списки мы видим, например, в рукописях Троице-Сергиевой Лавры № 701 и 702 (см.: Описание..., ч. III, с. 62, 80).
- 429 Там же, стлб. 313–318.
- 430 Там же, стлб. 501–502; то же, что в рукописи Моск. Синод. библ. конца XV в., № 170 (см.: Описание..., отд. II, 2, с. 449); к этой же редакции нужно отнести рукописи Троице-Сергиевой Лавры, 1418 г., № 190 (см.: Описание..., ч. I, с. 187) и пр.

431 По «Описанию Великих Четиих Миней» А. Горского и К. Невоструева (с. 136, л.917), «Кормчий» представляет собой сочинение духовно-нравственного содержания, разделенное на 3 книги, или части, из коих каждая содержит в себе по несколько глав, или кратких изречений (совершенно то же, что в сборнике Моск. Синод. библи. XV в., № 202, л. 1–173; см.: Описание..., отд. II, 2, с. 621); по «Оглавлению» же архим. Иосифа, «Кормчий» есть сочинение полемического характера, направленное против латинян. Это сочинение приближается к полемическому сборнику из собрания гр. Уварова, XVI в., № 455 (см.: Описание рукописей гр. Уварова, ч. I, с. 553); некоторые же из отдельных статей, вошедших в этот «Кормчий», можно видеть в двух сборниках Моск. Синод. библи., № 269 и № 323 (см.: Описание..., отд. II, 3, с. 306, 643).

432 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 505–507; *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 111–114; то же, что в рукописях Солов. мон. XVI в., № 444, и XVI в., № 445 (Описание..., ч. II, с. 122–123).

433 Там же, стлб. 507–532; то же, что в рукописи гр. Уварова (бывшей Царского № 176) XVI в., № 188 (Описание..., ч. I, с. 126); тот же извод «Златоструя» в собрании В. М. Ундольского, XVI в., № 544 (главы 129–135) (см.: Описание рукописей В. М. Ундольского, с. 403).

434 Там же, стлб. 108–122; то же, что в рукописи Моск. Синод. библи. XV в., № 219, заключающей в себе первые 36 слов Панидекта, и в рукописи той же библиотеки конца XV или нач. XVI в., № 228, заключающей в себе все 63 слова (Описание..., отд. II, 3, с. 11, 14); подобные же рукописи Троице-Сергиевой Лавры № 14 и № 210 (Описание..., ч. I: с. 24, 342) и пр.

435 Там же, т. II, стлб. 123–132; по замечанию А. Горского и К. Невоструева (цит. ст., с. 166), Тактикон инока Никона помещен в том же переводе, что и в рукописи Моск. Синод. библи. XVI в., № 228.

436 Там же, стлб. 190–202; порядок, число и перевод слов те же, что и в рукописях Моск. Синод. библи. нач. XVI в., № 131, также № 132, 133, 134 и пр. (Описание..., отд. II, 2, с. 156, 177, 180).

437 Там же, стлб. с. 253–273; порядок, количество и перевод слов те же, что и в рукописи Соловец. мон. XVII в., № 465; на л. 237–238 этой рукописи есть любопытная приписка: «по благословению и повелению Преосвященного архиепископа великого Новгорода и Пскова владыки Макария, аз грешный Досифеос, осифитие, преписах таввыя (таковыя) повести и чюдеса преж списавших отец... Начах же таковыя писати в лето 7036 и кончав в седьмое о Христе Иисусе и Господе нашем» (Описание..., ч. II, с. 173–174); эта приписка указывает на существование более раннего списка – подлинника указанной рукописи XVII в., который в 1528–1529 гг. был приготовлен стараниями самого митрополита Макария; несомненно, этот же список был помещен Макарием в его Четиих Миняях, впрочем, без тех приложений, которые мы видим в рукописи Соловец. мон. (Описание..., ч. II, с. 173–174).

438 Там же, стлб. с. 274–282; порядок, состав и перевод слов, исключая разносности, внесенные, вероятно, ошибками переписчиков, и состав самих прибавлений те же, что в рукописи Соловец. мон. XV в., № 458, до листа 319, с которого начинаются позднейшие приписки (Описание..., ч. II, с. 154); с этой рукописью сходна рукопись того же монастыря XVI в., № 459, л. 1–170, вероятно списанная с первой (Там же, с. 161); ср. также рукописи Троице-Сергиевой Лавры 1493 г., № 170, л. 1–123 об., л. 127 (Описание..., ч. III, с. 99) и др.

439 Там же, стлб. 283–286; митрополит Макарий мог заимствовать это сочинение из какого-либо сборника, каков, например, сборник Моск. Синод. библи. XVI в., № 325 (Описание..., отд. II, 3, с. 675–676).

440 Там же, стлб. 287–289; митрополит Макарий мог заимствовать эту книгу из какого-либо сборника, каковы, например, сборники: из Собрания гр. Уварова № 1826, л. 273 (Описание..., ч. I, с. 147), Моск. Синод. библи., № 331, л. 78 (Описание..., отд. II, 3, с. 767) и той же библи. № 336, л. 2 (Там же, с. 799); или из отдела добавочных статей при различных древних списках, каков, например, список Троице-Сергиевой Лавры, № 176, л. 188 об.; но, возможно, что Макарий имел под руками и отдельный список этого сочинения, например из собрания В. М. Ундольского № 583 и 691, XVI в. (Слав.-русские рукописи В. М. Ундольского. См. прилож. «Очерк. собр. рукоп. Ундольского», с. 8).

441 Там же, стлб. 292; см. подобные же статьи в сборнике Троице-Сергиевой Лавры № 768, конца XV или нач. XVI в., л. 311 об. (Описание..., ч. III, с. 185); в сборнике гр. Уварова, № 332 (Описание..., ч. I, с. 452), в «Кормчей» Румянцев. муз. № 233, л. 371 (Описание..., с. 308) и пр.

442 Там же, стлб. 337–348; сочинение Риклада и «Просветитель» со всеми приложенными к нему статьями совершенно сходны с помещенными в рукописи Румянцев. муз. XVI в., № 204. Эта рукопись была собственностью Макария еще в бытность его Новгородским архиепископом, что показывает следующая приписка к ней: «Книга на новгородских еретиков, архиепископа Макария великого Новгорода и Пскова» (Описание рукописи Румянцев. муз., с. 273); быть может, эта же самая рукопись, после пожертвованная Макарием в Пафнутиев монастырь (Там же, с. 274), послужила источником, откуда Макарий заимствовал для своих Четиих Миней указанные произведения Иосифа Волоцкого и Риклада Латинянина.

443 Там же, стлб. 348; перевод, кажется, тот же, что в рукописи Моск. Синод. библи. 1263 г., № 54 (см.: Описание..., отд. II, 1 с. 1–11) в рукописи из собрания В. М. Ундольского XVI в., № 182 (Слав.-русск. рук. Ундольского, с. 161–162) и пр.

444 Там же, стлб. 348–361; число, порядок и перевод слов те же, что в рукописи Моск. Синод. библи. 1518 г. № 230 (Описание..., отд. II, 3, с. 53–231).

445 *Архангельский А. С.* К изучению древнерусской литературы. СПб., 1888, с. 67.

446 *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 361–364. Порядок и перевод слов Григория Цамблака те же, что в рукописи Моск. Синод. библи. XVI в., № 235, до 227 листа (Описание..., отд. II, 3, с. 134–137); впрочем, число слов, помещенных в Синодальном списке, больше, чем в Макарьевском, хотя как тот, так и другой списки одинаково не окончены (в первом вместо 27-ми слов – только 21, а во втором – только 19); очевидно, у митрополита Макария был под руками один из таких неоконченных списков.

447 Там же, стлб. 364–365; см. это послание в том же Синодальном списке № 235, л. 283 (Описание..., отд. II, 3, с. 145).

448 Там же, стлб. 365–388.

449 Там же, стлб. 388–394. Порядок, число и перевод слов, или глав, те же, что в рукописи Моск. Синод. библи. XV в., № 312 (Описание..., отд. II, с. 530–546); в Макарьевском списке одно только слово «О сих» (по Синод. списку 48) помещено в самом конце сборника, очевидно, по вине переписчика; к этой же редакции относятся еще два списка Синод. библи.: 1) № 313, XVI в., л. 1–185, и 2) № 324, XVI в., л. 232–290 (см.: Описание..., отд. II, 3, с. 547, 669).

450 Там же, стлб. 447–455. Произведение Козьмы Индикоплова, подобно «Просветителю» Иосифа Волоцкого, вероятно, было переписано в Четии Миней с рукописи из собственной библиотеки митрополита Макария, что показывает следующая запись в конце книги: «В лето 7050 (1542), геньваря в 19 день, написана была книга сия Козма Индикоплов повелением государя Пресвященного архиепископа великого Новгорода и Пскова, владыки Макария: умножи Господи живот его» (Там же, с. 455, л. 1319). Интересно было бы отыскать эту рукопись; быть может, из нее же заимствованы (и с добавочные статьи, которые непосредственно следуют за книгой Козьмы Индикоплова (см.: Там же, л. 1319 об. – 1341 об.).

451 Там же, стлб. 455–470. Это собрание по переводу и составу статей приближается к двум полемическим сборникам Синод. библи. – № 268 и № 323 (Описание рукописей Моск. Синод. библи., отд. II, №, с. 297 и 643); полемич. сборник гр. Уварова № 455 также содержит в начале несколько сходных статей (Описание..., ч. I, с. 553); быть может, один из таких сборников и послужил источником для митрополита Макария.

452 Там же, стлб. 470–474. Это сочинение встречается в различных древних сборниках, например в сборнике Троице-Сергиевой Лавры, XV в., № 758, л. 3–28 об. (Описание..., ч. III, с. 162), и пр.

453 Там же, июнь, л. 1001. Некоторые из мелких статей, помещенных в конце августовской книги, встречаются в различных древнерусских сборниках, описанных нашими учеными; например, ср. Четию Минейю за август, л. 1331, и Синод. рук. № 334, л. 241; Четию Минейю за август, л. 1447 об., и сборник Троице-Сергиевой Лавры № 770, л. 185 об.; Четию Минейю за август, л. 1490–1492, и Синод. рук. № 331, л. 182–187, и многое др.; в этих же древнерусских сборниках помещались также и разные грамоты, которых так много в Макарьевской Минее (см., например: Описание Моск. Синод. библи., отд. II, 3, с. 769, 814, 815 и др.). Таким образом, уже по этим немногим сравнениям можно предполагать, что весь отдел мелких статей, приложенных к августовской книге Четиих Миней, заимствован митрополитом Макарием из одного или нескольких современных ему сборников, которых, к сожалению, нельзя указать ни

в одном из бывших у нас под руками описаний рукописей. Впрочем, нельзя отрицать и того, что некоторые мелкие произведения митрополит Макарий мог находить и помимо сборников, например хотя бы две свои собственные грамоты.

454 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 429.

455 Преосвященный Макарий насчитывает только 20 библейских книг, недостающих в Макарьевских Четиех Минеях, но он за библейские книги принимает книги Иисуса Навина, Судей и Руфь, которые в Четиех Минеях приведены не в буквальном тексте, а в том измененном виде, в каком они содержатся в Палее (см.: История Русской Церкви, т. VII, с. 430).

456 *Лебедев Н.* Цит. ст., с. 59; то же замечает и Преосвященный Макарий в «Истории Русской Церкви» (т. VII, с. 430).

457 Там же, с. 59.

458 Там же.

459 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 495.

460 Там же, с. 178, примеч. 166.

461 Там же, с. 178.

462 *Заусцинский К.* Цит. ст., с. 23.

463 Библия Моск. Синод. библ., № 1, л. 1 об. (см.: Описание..., отд. I, с. 1).

464 Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. I, с. 1.

465 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 229.

466 ПСЛ, т. VI, с. 294–295.

467 Этот список хранится в Моск. Синод. библ. под № 2 (см.: Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. I, с. 2).

468 Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. I, с. 2, ркп. № 3.

469 Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 года. — ЧОИДР, 1847, № 7, отд. IV.

470 Совершенно те же добавочные статьи см. в рукописи Моск. Синод. библ. XVI в., № 110 (Описание..., отд. II, с. 16).

471 Все эти добавочные статьи при сочинении Иосифа Волоколамского см. в рукописи Румянцев. муз., XVI в., № ССIV.

472 *Востоков*. Описание..., с. 270–274.

473 См.: Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. I, предисловие, с. V.

474 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 479, л. 1486 об., 1489 об., 1490, 1490 об., 1491 и 1492.

475 См., например, рукописи Моск. Синод. библ., № 331, л. 166–199 (Описание..., отд. II, с. 3).

476 *Архангельский А. С.* Цит. соч.

477 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 431.

478 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 231.

479 См.: *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 464, л. 163.

480 Там же, стлб. 472, л. 357. Подобное помещение последних глав (с 12-й) творений Симеона Нового Богослова мы встречаем в рукописи Моск. Синод. библ. № 165, л. 146, и № 168, л. 195 (Описание..., отд. II, с. 439).

481 В «Оглавлении Четиех Миней» архим. Иосифа почти на каждой странице можно видеть замечания после указания заглавия статей: «сличи лист такой-то», «см. лист такой-то».

482 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., — ЧОИДР, 1884, кн. 1, с. 39, л. 1415.

483 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 476, л. 1475 об.

484 Там же.

485 *Лебедев Н.* Цит. ст. — ЧОЛДП, 1881, кн. 7, с. 61; а также предисловие к цит. статье А. Горского и К. Невоструева, с. XI.

486 См.: *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 289, л. 998; стлб. 290, л. 999–1003 об., стлб. 291, л. 1003 об. — 1004. В июньской Четией Минее Успенского сборника, в статье «О пении святых и трегубы аллилуиа», сказано: «истинно три крты реши аллилуиа, а четвертое слава Тебе Боже» (Описание рукописей Синод. библ., № 995, л. 1003 об.).

487 См.: *Архиеп. Филарет. История Русской Церкви*, с. 192–193, примеч. 244.

488 Определение о дуперстии вошло в официальную грамоту митрополита Макария, посланную в Каргополь (см.: ПС, 1863, кн. 1, с. 205).

489 Например, известное сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле, помещенное в Макарьевских Четиих Минеях под 25 декабря, теперь вырвано; остались только начало и конец этого сказания с надписью на полях: «Великий государь, Святейший Филарет, Патриарх Московский и всея Руси, велел сие лживое и еретическое слово из книги выдрати...» (см.: Крастин Д. Цит. ст., с. 768).

490 Все, что сказано нами об отношении митрополита Макария к произведениям древнерусской письменности, не имеет приложения к русской житийной литературе, вошедшей в состав Четиих Миней. Здесь, как мы увидим ниже, уже выступает выбор, обнаруживаются известные литературные вкусы собирателя.

491 ВЧМ, вып. 1, с. II.

492 *Архиеп. Макарий. История Русской Церкви*, т. XVII, с. 432.

493 ВЧМ, сентябрь 1–13, «Летописец», с. II.

494 *Архиеп. Филарет. История Русской Церкви*, период 3-й, с. 167–169.

495 Стоглав. Изд. Казанской Духовной академии, 1862, с. 185–186.

496 *Тихонравов Н. С. Сочинения*, т. I. М., 1898, с. 129.

497 *Тихонравов Н. С. О древнерусской гадательной литературе*. – Там же, с. 144–148.

498 *Тихонравов Н. С. Отреченные книги Древней России. Очерк 1-й*. См.: Там же, примеч. 73.

499 *Архиеп. Филарет. Обзор русской духовной литературы*, с. 113.

500 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 6–1, л. 1564.

501 *Порфирьев И. Апокрифические сочинения в древнерусской письменности*. ПС, 1869, май, с. 64.

502 *Тихонравов Н. С. Сочинения*, т. I, с. 128.

503 Там же.

504 Вопрос о путях распространения апокрифических произведений в Древней России хорошо выяснен в статье Н. С. Тихонравова «Отреченные книги Древней России» (см. его сочинения, т. I, с. 130–132); то же в статье И. Порфирьева «Апокрифические сочинения в древнерусской письменности» (ПС, 1869, май, с. 66–67; см. также: Описание рукописей Румянц. муз. с. 242).

505 См.: Востоков. Описание рукописей Румянцев. муз., с. 242.

506 Так, митрополит Киприан в своем молитвеннике (XVI в.) поместил статью «о книгах истинных и ложных». В последующие века эта статья постоянно переписывалась и дополнялась указаниями на разные новые произведения отреченной литературы, и наконец в XVII в. она закончила свое развитие и в таком полном виде вошла в известную «Кириллову книгу» (см. историю этой статьи в соч. Н. С. Тихонравова (т. I, с. 144–149); также в цит. статье И. Порфирьева (с. 67) и в «Обзоре русской духовной литературы» архиеп. Филарета (с. 89).

507 Тихонравов Н. С. Сочинения, т. I, с. 129; см. также: ЖМНП, 1868, апрель, с. 151.

508 См.: ЧОЛДП, 1847, № 8, с. 3–4.

509 См.: ПС, 1861, ч. II, с. 88–89.

510 Перечень апокрифических сказаний, упоминаемых в числе запрещенных книг в древнерусской статье о книгах истинных и ложных, можно видеть в примечаниях к цит. исследованию Н. С. Тихонравова «Отреченные книги Древней России», а также в цит. статье И. Порфирьева (с. 67, примеч. 3) и в «Памятниках отреченной русской литературы» Н. Тихонравова (Сочинения, т. I. СПб., 1883, с. I–X).

511 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 34, л. 349 об. Это слово часто помешалось в различных древнерусских сборниках (см., например, рукопись Троице-Сергиевой Лавры № 147, XV в., л. 373; № 185, 1425 г., л. 208 об.; № 730, I полов. XVI в., л. 135; № 759, XV в., л. 469; а также рукопись гр. Уварова № 210, XIV в., л. 212; № 1803, XVI в., л. 274 об. и пр.).

512 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 15. Это сказание напечатано в «Памятниках старинной русской литературы». Вып. 3-й. СПб., 1862, с. 82–83.

513 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 289. Этот апокриф встречается в наших древних рукописях с различными вариантами одной редакции с помещенным в Четвиных Минеях (см., например, список в рукописи Троице-Сергиевой Лавры XVI в. № 794, л. 397 об. — 403; из позднейших — рукописи гр. Уварова XVII в., № 1923, л. 142, № 1872, л. 265 и пр.). Это сказание напечатано в «Памятниках старинной русской литературы», вып. 3, с. 81–82 (из Румянцев. сборника XV–XVI вв., № 358, л. 192–194) и в «Памятниках отреченной русской литературы» Н. Тихонравова (Сочинения, т. I, с. 308–313; из Сербск. рукописи XV в., принадлежащей проф. В. И. Григоровичу); последняя редакция приближается к помещенной в Макарьевских Четвиных Минеях.

514 Это сказание помещено в Макарьевских Минеях дважды. (См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., — ЧОИДР, 1888, кн. I, с. 89, л. 435 и с. 90, л. 454).

515 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 275; л. 688 об. Это слово встречается в рукописях Троице-Сергиевой Лавры: а) конца XIV в., № 15, л. 36–38 об. (издано по этому списку Н. Тихонравовым в «Памятниках отреченной литературы» (Сочинения, т. I, с. 20–23); б) № 205, XVI в., л. 560 об.; а также в Кормчей гр. Уварова, XV в., № 556, л. 598 и др.).

516 *Тихонраов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, с. 11.

517 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 416, л. 212 об., л. 213. «Послание Авгаря» и «Отписание Иисуса Христа» напечатаны в «Памятниках отреченной русской литературы» Н. С. Тихонравова (т. II, с. 11–17; по Синод. рукописи XVI в. № 558, л. 7 об.); встречаются в наших древнерусских рукописях нередко, например: в рукописи Моск. Синод. библи. № 331, л. 7 об. (Описание..., отд. II, 3, с. 762), в рукописи Соловец. мон. № 636, л. 251 об. (Описание..., ч. II, с. 463).

518 См.: *Тихонраов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы, с. 11.

519 См.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 94, л. 858 об. Встречается в древнерусских рукописях, например в рукописи Соловец. мон. № 637, XV в., л. 167 об. (Описание..., ч. II, с. 469) и др.; см.: *Тихонраов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы, т. II, с. 104; Памятники старинной русской литературы, вып. 3, с. 73–75.

520 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 94.

521 Сочинения преп. Максима Грека, ч. III. Казань, с. 125–149.

522 Там же, с. 127.

523 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 95, л. 880.

524 Там же, с. 96, л. 888.

525 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 467, л. 1386 об. Встречается в древнерусских рукописях, например в рукописи гр. Уварова, XVI в., № 1–03, л. 269 (Описание..., ч. IV, с. 96), в рук. Троице-Сергиевой Лавры № 11, л. 58 об. (Описание..., ч. I, с. 17), № 144, д. 157 об. (Там же, ч. II), № 723, л. 410 об. (Там же, ч. III, с. 112), № 793, л. 221 об., (Там же, с. 225) и др.; см.: Памятники старинной русской литературы, вып. 3, с. 153.

526 Сочинения преп. Максима Грека, ч. III, с. 164–169.

527 Там же, с. 165–166.

528 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 233, л. 216; ср. с рукописью Соловец. мон. № 637, XV в., л. 400 об. (Описание..., ч. II, с. 471). Это слово нередко встречается в наших древнерусских рукописях, например: в Торжественнике Моск. Синод. библи. № 213, л. 3 (Описание..., отд. II, 2, с. 674), в сборнике Троице-Сергиевой Лавры № 746, л. 166 об. (Описание..., ч. III, с. 139), № 664, л. 117 об. (Там же, с. 5) и др.; апокриф о поставлении Христа во священство можно увидеть и в некоторых других рукописях, например в «Путнике Иерусалимском» Троице-Сергиевой Лавры, № 734, л. 35 (Описание..., ч. III, с. 126). По этому позднему списку 1747 г. сказание издано в «Памятниках отреченной литературы» Н. С. Тихонравова (ч. II, с. 172–173); но оно сходно с редакцией Иоаннова слова, как замечает автор «Описания рукописей Соловец. монастыря» (ч. II, с. 471).

529 *Тихонраов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы, т. II, с. 172–173.

530 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 485, л. 505 об. Встречается в древнерусских рукописях, например: в Торжественнике Румянцев. музея нач. XVI в., № 436, л. 177 об. (Описание..., с. 696). По этому списку издано в «Памятниках старинной русской литературы», вып. 3, с. 142–145, в рукописи Троице-Сергиевой Лавры XVI в.; № 648, л. 357 (по этому списку издано, см.: *Тихонраов Н. С.* Памятники отреченной литературы, т. II, с. 93–99), № 723. л. 391, № 791, л. 247 и др.

531 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., стлб. 147, л. 244. Встречается в древнерусских рукописях: Троице-Сергиевой Лавры XV в., № 752, л. 166 (Описание..., ч. III, с. 148; издано по этой рукописи, см.: *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы, т. II, с. 146–163); в майской Четийей Минее Соловец. мон. XVI в., № 631, л. 158 об. (Описание..., ч. II, с. 439); текст, по замечанию автора описания, согласен с изданным в «Памятниках отреченной литературы»; в рукописи Соловец. мон. XVI–XVII в., № 577, л. 112 (Описание..., ч. II, с. 305; текст согласен с изданным в «Памятниках отреченной литературы»; совершенно то же – в рукописи Солов. мон. № 536, л. 71 (Описание..., ч. II, с. 267) и др.

532 ВЧМ, вып. I, стлб. 164–253; издано также (в неполном виде), см.: Памятники старинной русской литературы, вып. 3, с. 39–49 (по списку из Румянцев. Палеи 1494 г., л. 155–164, и Погодинского сборника № 947, л. 716).

533 См.: Хронограф Румянцев. музея 1494 г., № 453, л. 155; а также рукопись Моск. Синод. библи. 1477 г., № 210, которая, по замечанию архиеп. Саввы, совершенно сходна с Румянцев. Хронографом (*Архиеп. Савва*. Указатель..., с. 216).

534 *Архим. Иосиф*. Цит. ст., т. I, стлб. 405, л. 669; см.: Памятники старинной русской литературы, вып. 3, с. 135 (по списку из Пролога 1432 г., Публ. библи., отд. I, пергам. рукоп. № 48).

535 Там же, т. II, стлб. 79, л. 149; ср. апрельскую Минеею Соловец. мон. XVI в., № 630, л. 166 (Описание..., ч. II, с. 437); см.: ЧОИДР, 1849, кн. I, отд. библиогр. матер., с. 41.

536 ВЧМ, вып. I, стлб. 278–281. Встречается в древнерусских Четийих Минеех, например в списке Соловец. мон., № 617, л. 45. Интересно замечание, приписанное в этой рукописи на полях: «Сие слово от сокровенных книг, церковь не приемлет» (Описание рукописей Соловец. мон., ч. II, с. 370).

537 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 268, л. 635 об. (ср.: ВЧМ, вып. I, стлб. 359–363, и рукопись Солов. мон. XVI в., № 625, л. 68. – Описание..., ч. II, с. 409) и л. 637 (ср. рукопись Соловец. мон. XV в., № 637, л. 174. – Описание..., ч. II, с. 469); оба слова соединены вместе в Торжественнике Румянцев. музея конца XV в., № 435, л. 190 об. (Востоков. Описание..., с. 684); по этому последнему списку см.: Памятники старинной русской литературы, вып. 3, с. 76–80.

538 Там же, т. I, стлб. 268, л. 635 об. В конце этого апокрифа читается: «Аз же Иаков написах слово се» и пр. (Памятники старинной русской литературы, вып. 3, с. 80; ср.: Описание рукописей Солов. мон., ч. II, с. 409, а также ВЧМ, сентябрь 1–13, стлб. 363).

539 Рукопись Румянцев. муз. конца XV в., № 435, л. 190 об. (Востоков. Описание..., с. 684).

540 ВЧМ, сентябрь 1–13, с. 352–363; см. замечание А. Горского и К. Невоструева в «Описании Четийих Миней» (с. 10).

541 ВЧМ, сентябрь, 1–13, с. 417–422; см. также: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 9, л. 184.

542 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 133, л. 7 об. Встречается в древнерусских Четийих Минеех, например в Минее Соловец. мон. XVI в., № 631, л. 1 (Описание..., ч. II, с. 438) и др.: см.: *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы, т. I, с. 284–297 (по списку из Великих Четийих Миней митрополита Макария).

543 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы, т. I, ч. III.

544 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 167.

545 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. I, стлб. 243, л. 304 об.

546 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст., с. 90.

547 *Архим. Иосиф*. Цит. соч., т. II, стлб. 466, л. 1383.

548 Там же.

549 Рукопись Моск. Синод. библи. № 560, XVII в. См.: *Тихонравов Н. С.* Отреченные книги России, т. I, с. 37, примеч. 93.

550 Кроме указанных нами апокрифов, в Четийих Минеех митрополита Макария много так называемых «деяний» или «обходов апостольских», которые указаны в древнерусском индексе запрещенных книг (см.: Памятники отреченной литературы, т. I, с. IV). Таковы, например, Житие св. апостола Фомы, взятое с некоторыми опущениями и переменаами из апокрифических «Деяний апостола Фомы» (*Горский А., Невоструев К.*, Цит. ст., 1884, кн. I, с. 30, л. 385),

мучение св. апостола Филиппа (там же, 1886, I, с. 71, л. 100), мучение св. апостола Андрея Первозванного (там же, с. 80, л. 1627) и пр.

551 Тихонравов Н. С. Сочинения, т. I. Отреченные книги Древней России, с. 153, примеч. 90.

552 Красин Д. Цит. ст., прилож., с. 768.

553 ВЧМ. вып. I, сентябрь, 1–13. — Летописец, с. II.

554 См.: *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 432, ср.: *Архиеп. Филарет*. История Русской Церкви. Период 3-й. М., 1847, с. 169–170.

555 *Архангельский А. С.* К изучению древнерусской литературы. Творения отцов Церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 6.

556 Ягич. История сербскохорватской литературы. Казань, 1871, с. 82.

557 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. II. СПб., 1857, с. 167–169.

558 *Татищев В.* История России, ч. I, с. 38.

559 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. V, кн. II. СПб., 1866, с. 2–3.

560 См.: Описание рукописей Румянц. муз. № XLII, с. 58; № XCIII, с. 164; CXX, с. 184; CXXI, с. 185; CXXII, с. 185; CXXIII, с. 186; CXXV, с. 187; CXXVI, с. 187; CXXVII, с. 187; CXXVIII, с. 187; CXXIX, с. 187; CXXX, с. 187; CXXXI, с. 187; CXXXII, с. 187; CXXXIII, с. 187; CXXXIV, с. 187; CXXXV, с. 187; CXXXVI, с. 187; CXXXVII, с. 187; CXXXVIII, с. 187; CXXXIX, с. 187; CXL, с. 187; CCLI, с. 187; CC, с. 187; CCCXLVIII (болгарское правописание); № LXXIX, LXXXVI, CXIX, CCCXIX (сербское правописание); см. также: Описание рукописей Моск. Синод. библ., отд. II, № 109, 114, 120, 123, 128, 131 и многое др.

561 См.: Описание рукописей Румянц. муз. № XXVII, с. 30; XXVIII, с. 33; CXV, с. 166; XXXV и др.

562 ПСЛ, т. I, с. 65.

563 Такие словотолковники, действительно, существовали в древнее время. Так, например, при рукописи Румянц. музея (№ CC, с. 264 об.), содержащей в себе «Лествицу» Иоанна, находится «толкование неудоб познаваемым в писаных речем» (см. заметку Востокова в «Описании Румянц. музея, с. 256); ср. рукописи Румянц. муз., № CCI, л. 300 об. (*Востоков*. Описание..., с. 269), а также № CCCC VI, л. 472 (там же, с. 760). Несколько словотолковников есть даже в Макарьевских Четвиx Минейх под 31 августа (См.: *Архим. Иосиф*. Цит. соч., ч. II, стлпо. 477, л. 1480, л. 1481 об.).

564 См.: Описание рукописей Румянц. муз., с. 256–257.

565 *Архиеп. Филарет*. История Русской Церкви. Период 3-й. М., 1847, с. 171.

566 Там же, с. 172–173.

567 ВЧМ, сентябрь, 1–13. — Летописец, с. II.

568 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст. — ЧОИДР, 1884, кн. I, с. 10, л. 190.

569 Там же, с. 22, л. 720.

570 Там же, с. 23, л. 733.

571 Там же, 1886, I, с. 138, л. 943.

572 Там же, с. 141, л. 19 об.

573 Там же, с. 142, л. 33 об.

574 Там же, с. 143, л. 57 об.

575 Там же, с. 172, л. 456.

576 См. еще другие замечания А. Горского и К. Невоструева о древности переводов разных произведений, вошедших в состав Великих Четвиx Миней; ЧОИДР, 1884, кн. I, с. 15, л. 394 об.; с. 28, л. 17; с. 40, л. 1443 об.; 1886, кн. I, с. 105, л. 517; с. 110, л. 734; с. 11, л. 745; с. 183, л. 1013 и др. Немало устаревших выражений можно прочитать также в «Житии Андрея уродивого» (2 октября) (см.: ВЧМ, октябрь, 1–3, с. 80–237, примеч. ред.).

577 *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст. — ЧОИДР, 1886, кн. I, с. 144, л. 76 об.; ср.: Там же, с. 145, л. 345.

578 Для сохранения в печатном тексте Великих Четвиx Миней главнейших особенностей старинного правописания, удержавшего некоторые черты древнейших подлинников, с которых делались списки, Археографическая Комиссия в издании своем удержала правописание подлинника (см.: Предисловие к ВЧМ, вып. I, сентябрь, 1–13).

579 Горский А., Невоструев К. Цит. ст. — ЧОИДР, 1886, кн. 1, с. 179, л. 896.

580 См.: Там же, с. 170, л. 159.

581 В одних только октябрьских выпусках Четиих Миней, изданных Археографической Комиссией, мы встречаем целый ряд таких слов, как, например: «севастьу» (октябрь 4—18, с. 939), «корникулярый» (октябрь 16, с. 940), «упатика» (там же, с. 966), «филотима» (там же, с. 946), «суньклитикаеа» (там же, с. 962), «иакинфыч» (т. е. аметисты, там же, с. 966), «анкира» (там же, с. 1021) и многое др.

582 Например, «аудариом» — в м. «лудариом» (ВЧМ, октябрь, 4—18, с. 947), «ассикрата» — в м. «ассикрита» — (там же, с. 982), «отмо сеа, отмо сия» — ошибочно в м. слова — «омо сия», о значении которого приписано позднейшей рукой в Царском списке: «омоусион рекше единосушнаго» (сентябрь, 14—24, с. 708), «дароносыше» — в м. «дориносыше» (см. сентябрь, 14—24, с. 110), «минофелитьскую» — в м. «монофелитьскую» (сентябрь, 14—24, с. 126, примеч.) и многое др.

583 Так, например, в одном из трех поучений (во 2-м), помещенных под 1 сентября, говорится о враге рода человеческого — диаволе, что он «на тисуция славы разделевыи рода нашего». Вероятно, нужно бы перевести: «мнения», «толки». Третье из этих поучений начинается так: «Многия и различныя нравы дал есть нам Бог, еже промышляти и пеишия и делати спасение наше». Конечно, слово «нравы» (в м. «способы») поставлено здесь в соответствие греческому «*trorus*» как переводили тогда древние это слово. (Горский А., Невоструев К. Цит. ст. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, с. 4, л. 66 об.). См. другие подобные же замечания А. Горского и К. Невоструева (там же, с. 9, л. 188 об.; 1886, кн. 1, с. 86, л. 282 и др.).

584 См. подстрочные примечания к выпускам ВЧМ.

585 Например, «тшашеся» — в м. «тшашесея» (ВЧМ, сентябрь, 14—24, с. 810); «преставше» — в м. «преставшу» и многое др.

586 Например, «от народ» — в м. «от нарок» (ВЧМ, сентябрь, 1—13, с. 29), «пред сыном» — в м. «пред сонмом» (там же, с. 529), «внидосте» — в м. «видесте» (там же, с. 57), «послужи» — в м. «послуси» (там же, с. 60), «седаше» — в м. «сеяше» (там же, с. 71), «избавиши» — в м. «избиеши» (там же, с. 72), «пленицы» — в м. «пшеницы» (там же, с. 106), «вредя» — в м. «время» (ВЧМ, сентябрь, 14—24, с. 872), «съседны» — в м. «съсуды» (там же, с. 968) и многое др.

587 Например, Синадстии — в м. Енадстии (ВЧМ, сентябрь, 1—13, с. 640), Евраня — в м. Ерданя (там же, с. 66, Агглолион — в м. Аполлон (ВЧМ, сентябрь, 25—30, с. 1735, примеч. 1), Афон — в м. Африкан (ВЧМ, октябрь, 4—18, с. 961, примеч. 1), Назнаием — в м. Назарием (там же, с. 968) и многое др.

588 Например, в м. «бяху» или «беша» мы читаем: «бешажаху» (ВМЧ, сентябрь, 1—13, с. 583), в м. «шуим разумь и штука оповедание» написано: «разумь и шука» (ВЧМ, октябрь, 1—13, с. 57, примеч. 1) и др.

589 Прекрасным образцом такого рода ошибки служит проложный стих под 13 октября: «Карпъ с Папилом, Богу оба плода, Папилов песок отверзе небо». Греческие слова «*ras pveleon*», написанные слитно, переводчик принял за «Папилов», а глагол «посек» переписчики, изменили в «песок» (см.: ВЧМ, октябрь, 4—18, с. 956, примеч. 4).

590 См.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891, с. 368, примеч. 2.

591 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 433.

592 *Заусцинский К.* Цит. ст., с. 24.

593 *Архиеп. Макарий*. История Русской Церкви, т. VII, с. 435, примеч. 333.

594 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 221.

595 Там же, с. 243.

596 Там же, с. 78.

597 Там же, с. 79—82.

598 ПСЛ, т. VI, с. 301; ср.: Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 50—51.

599 По мнению В. О. Ключевского, Макарий передал Тучкову пространную редакцию «пророчеств», занесенную им в его Четии Миней (*Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 210). Она на-

печатана в приложении к исследованию И. Некрасова «Зарождение национальной литературы в северной Руси» (ч. 1. Одесса, 1870, с. 11–44).

600 ПСЛ, т. VI, с. 301.

601 Житие помещено в Макарьевских Четвиx Минеях под 11 января в двух редакциях: во второй редакции пророчеств (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 390, л. 463) и в тучковской редакции (см.: там же, стлб. 393, л. 474).

602 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 363, 429–431.

603 См. о его предисловиях: *Яхонтов И.* Жития свв. северно-русских подвижников, с. 9.

604 Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 37.

605 Там же, с. 37–38.

606 Там же, с. 36–37.

607 Там же, с. 38.

608 Ср.: Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 38–39; *Некрасов И.* Зарождение национальной литературы, ч. 1, прилож., с. 12–16.

609 Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 39.

610 *Некрасов И.* Цит. соч. 6, прилож., с. 19.

611 Там же, с. 21.

612 Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 40, стлб. 1.

613 Ср.: Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 44–45; *Некрасов И.* Цит. соч., прилож., с. 35.

614 Памятники старинной русской литературы, т. IV, с. 44, стлб. 2.

615 Там же.

616 Там же, с. 47.

617 Там же, с. 48–49.

618 Там же, с. 49.

619 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 236; *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 435.

620 Житие, составленное Илиею, помещено в Минеях Макария под 26 мая (см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст. – ЧОИДР, 1886, кн. 1, с. 184, л. 1140).

621 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 202; ср.: *Яхонтов И.* Цит. соч., с. 38.

622 См.: *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 202–203; *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 436.

623 *Яхонтов И.* Цит. соч., с. 39–87.

624 *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 436. Житие помещено в Макарьевских Минеях под 30 августа (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 441, л. 1143).

625 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 292; *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 437.

626 См. выше, примеч. 388.

627 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 243, 245; *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 437.

628 Обе редакции помещены в февральской книге Макарьевских Четвиx Миней: первая под 12 числом (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 474, л. 418 об.), а вторая под 11 числом (см. также стлб. 458, л. 112 об.).

629 См. подробнее: *Ключевский В. О.* Цит. соч., Жития св., с. 223.

630 Там же, с. 224.

631 См.: *Васильев В.* История канонизации русских святых, с. 170.

632 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 17, л. 158; II, стлб. 82, л. 170; II, стлб. 204, л. 12; I, стлб. 393, л. 474; II, стлб. 135, л. 61; стлб. 441, л. 1143.

633 *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 439.

634 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 199, л. 1116; стлб. 190, л. 1002; стлб. 387, л. 423.

635 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 238.

- 636 Там же, с. 238, примеч. 1.
- 637 Там же, с. 238.
- 638 Там же, с. 247.
- 639 Там же, с. 271, прилож. 4.
- 640 Там же, с. 374, прилож. 4.
- 641 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 240. Помещено в Макарьевских Четиих Минеях под 31 марта (см.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 59, л. 951).
- 642 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 289; *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 441.
- 643 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., стлб. 28, л. 301.
- 644 *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 441.
- 645 См.: *Васильев В.* Цит. соч., с. 169.
- 646 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. I, стлб. 214, л. 23.
- 647 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 248; *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 447.
- 648 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 181.
- 649 Там же, с. 246.
- 650 *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 442–443.
- 651 *Ключевский В. О.* Цит. соч., прилож. IV, с. 461.
- 652 Стоглав, гл. IV, с. 43–44.
- 653 См.: *Васильев В.* Цит. соч., с. 186–189.
- 654 *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 445.
- 655 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 21, л. 336; стлб. 133, л. 60; II, стлб. 103, л. 370; I, стлб. 197, л. 1017; II, стлб. 431, л. 1073; I, стлб. 70, л. 18; стлб. 66, л. 983; II, стлб. 79, л. 147; стлб. 209, л. 31.
- 656 См. подробности об этом Житии: *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 252–257.
- 657 См.: *Архим. Иосиф.* Цит. соч., т. II, стлб. 164, л. 507.
- 658 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 272–273. Эти Жития неизвестно почему не занесены в Макарьевские Минеи.
- 659 Там же, с. 285. Это Житие также не попало в Макарьевские Четии Минеи.
- 660 Там же, с. 263.
- 661 Там же, с. 250. Помещено в Макарьевских Минеях под 11 февраля (см.: *Горский А., Невоструев К.* Цит. ст. – ЧОИДР, 1886, кн. I, с. 128, л. 509.
- 662 См. о нем: Там же, с. 22.
- 663 *Васильев В.* Цит. соч., с. 206, 205; *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 252.
- 664 *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 451–452.
- 665 Там же, с. 452.
- 666 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 242.
- 667 Мнение о том, что митрополит Макарий был первым составителем Степенной, высказывается В. Татишевым (см.: *Словарь историч. о писателях дух. чина, т. I.* СПб., 1827, с. 322), но несправедливость этого мнения хорошо показана К. Калайдовичем. См. его статью «Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной в «Вестнике Европы» (1813, ч. XXII, № 23/24, с. 212–222).
- 668 По всей вероятности, такая же роль принадлежала митрополиту Макарию и в составлении большого канонического сборника его времени, так называемой сводной Кормчей книги. (См. указание о ее составе: *Снегирев И.* Памятники московской древности. М., 1848, с. 46–47).
- 669 Степенная книга, ч. I. Изд. Миллера, с. 76, 478 и др.
- 670 См.: *Калайдович К.* Цит. ст. – Вестник Европы, 1813, ч. XXII, № 23/24, с. 224.
- 671 *Татищев В.* Цит. соч., ч. I, с. 59 и XII.
- 672 См. предисловие к Степенной книге, с. 1.
- 673 *Словарь исторический, т. II, с. 20–21.*

- 674 История Русской Церкви, т. VII, с. 453.
- 675 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 242–243.
- 676 Степенная книга, ч. I, с. 5–55.
- 677 Там же, с. 45–184.
- 678 Там же, ч. I, с. 184–214.
- 679 См.: *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 453–454.
- 680 См. Степенная книга, ч. I, с. 76.
- 681 Там же, ч. I, с. 355.
- 682 Там же, с. 254.
- 683 Там же, с. 444.
- 684 Там же, ч. II, с. 69.
- 685 Там же, с. 8.
- 686 См. о них подробнее: *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 456–459;
Ключевский В. О. Цит. соч., 239–241.
- 687 См.: *Архиеп. Макарий.* История Русской Церкви, т. VII, с. 460–461.
- 688 *Ключевский В. О.* Цит. соч., с. 221.